ПСИХОЛОГІЯ.

лекціи

ординарнаго Профессора

Л. М. ЛОПАТИНА.

1901 — 1902 ак. г.

Москва.

1B

Пров. 1959
„Пров 38"

BF
131

131
БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
1193

32 ЛЕКЦІЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ.

М. М. Г. Г. психологія по буквальному значенію слова, есть наука о душѣ | душевѣдѣніе|. Когда впервые возникли психологическія теоріи, ихъ задача вполнѣ отвѣчала такому опредѣленію: ихъ авторы старались объяснить, въ чемъ заключается сущность души взаимодѣйтсвіе какихъ элементовъ обусловливаетъ ея существованіе, принадлежитъ ли она по своей природѣ къ матеріальному міру, или, напротивъ, относится къ высшей, невещественной оферѣ. У древнихъ философовъ до-Сократовской эпохи душѣ приписывались матеріальные признаки, ее отождествляли съ различными вещественными стихіями: воздухомъ, огнемъ, эеиромъ; послѣ Сократа побѣждаетъ идеальный взглядъ на наше духовное существо: по Платону душа есть божественное въ человѣкѣ, вѣчный и самодвижущійся источникъ жизни, внутренно сродный безтѣлесному міру идей; для Аристотеля душа есть идеальная творческая форма тѣла. Черезъ позднѣйшую исторію мысли идетъ постоянная борьба между двумя взглядами на природу души - матеріалистическимъ и спиритуалистическимъ. Но какъ бы ни разнообразились воззрѣнія отдѣльныхъ психологовъ, всѣ они стремились освѣтить одинъ и тотъ же вопросъ: что такое наша душа?

Въ сравнительно недавнее время положеніе дѣла измѣнилось. Этотъ вопросъ о существѣ души отступилъ на второй планъ или даже и совсѣмъ былъ выброшенъ изъ психологіи. Предметомъ психологическихъ изслѣдованій были признаны я в л е н і я души, помимо вопроса о томъ, кто и что ихъ переживаетъ. Среди психологовъ возобладалъ взглядъ, по которому мы ничего не можемъ сказать съ увѣренностью, что такое душа сама по себѣ, да и существуетъ ли она, какъ независимый отъ тѣла источникъ своихъ особыхъ явленій. Начали стараться построить - п с и х о л о г і ю б е з ъ д у ш и . При такомъ взглядѣ на нее, психологію, какъ науку, придется опредѣлить такъ: психологія есть наука о душевныхъ я в л е н і я х ъ.

Должны ли мы удовлетвориться этимъ опредѣленіемъ? Легко замѣтить его основной недостатокъ; въ немъ сказывается извѣстная предвзятая оцѣнка. Можетъ быть, и правы тѣ, кто думаетъ, что п о я в л е н і я м ъ души ничего нельзя вывести о самой душѣ, но можетъ быть, они и неправы, - какъ это знать навѣрное съ перваго шага, прежде чѣмъ мы приступили къ предмету психологическихъ изысканій? Вѣдь во всякомъ случаѣ, въ мысли, что можно хорошо знать я в л е н і я вещи | души | и при этомъ совсѣмъ не знать, что такое сама эта вещь, да и существуетъ ли она, - для нашего ума заключается нѣкоторая неловкость и трудность. Какъ же принять ее за что то безспорное раньше всякихъ изслѣдованій? Не будетъ ли разумнѣе и осторожнѣе отказат-

всякаго предвзятаго взгляда, ничего не предрѣшать впередъ - о содержаніи и границахъ нашихъ возможныхъ выводовъ и обобщеній и съ безпристрастнымъ терпѣніемъ и вниманіемъ изучать душу такъ, какъ она дана въ природѣ. Пускай она покажетъ себя такою, какъ она въ насъ есть, помимо нашихъ мнѣній и предразсудковъ. Съ этой точки зрѣнія, наиболѣе цѣлесообразнымъ будетъ ограничиться слѣдующимъ весьма общимъ опредѣленіемъ: п с и х о л о г і я е с т ь н а у к а о з а к о н а х ъ и п р о ц е с с а х ъ д у ш е в н о й ж и з н и; при чемъ мы не дѣлаемъ никакихъ предварительныхъ предположеній о томъ, обнаруживается ли внутреннее существо души въ ея собственной жизни, - или сама душа и жизнь души раздѣлены непроходимою пропастью, ничѣмъ другъ на друга не намекаютъ и представляютъ двѣ совсѣмъ особыя сферы существованія.

----ооо----

Едва ли нужно долго настаивать, какое огромное и важное мѣсто занимаетъ психологія среди другихъ наукъ. Это мѣсто принадлежитъ ей не только въ виду ея спеціальнаго предмета, - она раскрываетъ намъ нашъ собственный внутренній міръ, путемъ научнаго анализа обнаруживаетъ и обособляетъ тѣ стимулы, которые движутъ и направляютъ нашу мысль, на-

чувство, нашу волю. Значеніе психологіи предста-

вляется, можетъ быть, еще болѣе важнымъ въ виду того особаго положенія, которое она получаетъ въ общей системѣ человѣческихъ знаній. Это положеніе можно назвать ц е н т р а л ь н ы м ъ. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ тѣмъ безспорнымъ и очевиднымъ фактомъ, что м ы в с е з н а е м ъ т о л ь к о ч е р е з ъ п р и з м у с в о е г о с о б с т в е н н а г о д у х а. Всякій предметъ дается намъ только въ нашихъ ощущеніяхъ, представленіяхъ, идеяхъ | что значитъ в о с п р и н я т ь предметъ, положимъ в и д ѣ т ь его? - мы тогда видимъ его, когда въ нашемъ сознаніи сочетались различныя зрительныя ощущенія свѣта, цвѣта, формы; когда эти наличныя ощущенія сопоставлены съ прошлыми ощущеніями того же предмета или однородныхъ съ нимъ. Т.е., въ этомъ, казалось бы простомъ актѣ усмотрѣнія внѣшней намъ вещи, мы имѣемъ очень сложный психическій процессъ. Что значитъ в о о б р а з и т ь предметъ |положимъ, лицо человѣка|, отсутствующій въ настоящее мгновеніе? Опять мы имѣемъ здѣсь очень сложный душевный процессъ чисто внутренняго воспроизведенія всѣхъ его деталей,полученныхъ нами изъ прошлыхъ опытовъ...Нечего и доказывать, насколько еще болѣе сложнымъ является процессъ нашего отвлеченнаго пониманія какихъ нибудь общихъ истинъ о вещахъ, доказательства научныхъ положеній о нихъ и т.д.|. Въ виду этого представляется совершенно несомнѣннымъ слѣдующее общее утвержденіе: м ы н и к а к и х ъ о б ъ е к т о в ъ н е з н а е м ъ п р я м о, м ы в с е п о з н а е м ъ ч е р е з ъ п с и х и ч е с к і е с и м-

волы или значки.

Но разъ это такъ, то уразумѣніе природы и законовъ нашихъ психическихъ процессовъ получаетъ принципіальную важность для оцѣнки всякаго другого познанія...Геометрія, положимъ, изучаетъ основныя свойства и законы пространства. Но что такое пространство? Существуетъ ли оно въ самой природѣ или только намъ к а ж е т с я въ ней? Есть ли оно изначальное вмѣстилище всѣхъ вещей, существующее абсолютно, данное раньше всего на свѣтѣ, какъ думалъ, напримѣръ, Ньютонъ, или оно только наше субъективное представленіе, подъ угломъ котораго мы все воспринимаемъ, какъ учили Кантъ и Шопенгауэръ? И если оно существуетъ помимо насъ, то совсѣмъ ли оно такое, какъ мы его себѣ представляемъ, или у него есть свойства быть можетъ, даже измѣренія,о которыхъ мы ничего не подозрѣваемъ и которыхъ мы даже неспособны вообразить себѣ? Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какіе горячіе споры идутъ обо всемъ этомъ; между тѣмъ, можно ли надѣяться рѣшить эти вопросы, если мы не имѣемъ яснаго пониманія о томъ,какъ воспринимаемъ мы пространство и какъ образуется въ насъ представленіе о немъ... Или возьмемъ другой примѣръ. Физика изучаетъ вещество. Но что оно такое? Есть ли оно въ самомъ себѣ протяженная субстанція |Декартъ|? Или оно состоитъ изъ абсолютно непротяженныхъ и недѣлимыхъ точекъ, которыя, однако, носятся въ пространствѣ |Гюсковичъ|? Или оно не то и не другое, а само въ себѣ есть абсолютно не-

[illegible]тная основа того, что для нашего чувства явля

ется, какъ протяженность, непроницаемость, инерція, но что само по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ этими свойствами | Кантъ, г. Спенсеръ| ? Какъ опять отвѣтить на эти вопросы, не отвѣтивъ сначала на то, какъ слагается наше представленіе о физическомъ веществѣ, черезъ какія стадіи развитія оно проходитъ, какіе именно психологическіе процессы принимаютъ участіе въ его образованіи? Какъ иначе могли бы мы разсчитывать выдѣлить въ немъ объективные элементы отъ субъективныхъ?... Или возьмемъ понятіе движенія, столь важное для нашего познанія внѣшняго міра. Что такое движеніе? Таково ли оно въ самой природѣ, какъ нами воспринимается? Опять прежде всего является вопросъ: изъ чего слагается наше воспріятіе движеній? Опять таки лишь путемъ вычитанія его чисто субъективныхъ моментовъ мы можемъ питать надежду приблизиться къ пониманію объективной сущности движенія.

-----ООО-----

Мы все познаемъ сквозь призму нашего духа, но то, что совершается въ самомъ духѣ, мы познаемъ безъ всякой посредствующей призмы.

Въ противоположность явленіямъ физической природы, явленія с о з н а т е л ь н о й душевной жизни|, а какъ увидимъ, только о н и являются прямымъ предметомъ психологическаго изученія|, с о з н а ю т с я н а м и , к а к ъ о н и е с т ь. Это положеніе настолько очевидно, что едва ли даже нуждается въ доказательствахъ и положеніяхъ. Вѣдь состояніе сознанія настолько лишь и есть состояніе сознанія, насколько оно с о з н а е т с я. Что я ощущаю и к а к ъ ощущаю, то и есть мое ощущеніе, а чего я н е о щ у щ а ю, то, очевидно, и не принадлежитъ къ ощущенію, какъ таковому. Чего я дѣйствительно желаю, то только и есть мое чувство. Это истины тождественныя; предполагать здѣсь какія нибудь посредствующія призмы совсѣмъ не имѣетъ смысла. А между тѣмъ изъ этого вытекаетъ чрезвычайно важный выводъ: свою душевную жизнь мы знаемъ въ ея н а с т о я щ е й, п р я м о й дѣйствительности, безъ всякихъ посредствъ; въ нашемъ непосредственномъ, внутреннемъ переживаніи намъ открывается какъ бы клочекъ нѣкоторой дѣйствительности, какъ она есть сама въ себѣ, а не только въ кажущемся и подлежащемъ сомнѣнію явленіи чего то другого | какъ является намъ сплошь вся внѣшняя дѣйствительность|. Въ сферѣ непосредственно данныхъ сознанія нѣтъ уже различія между объективнымъ и субъективнымъ, реальнымъ и кажущимся, здѣсь все есть, какъ кажется и даже именно потому, что оно к а ж е т с я: вѣдь когда что нибудь к а ж е т с я, это и есть вполнѣ реальный фактъ нашей внутренней душевной жизни. Такимъ

образомъ нашъ внутренній міръ есть единственная точка, въ которой безспорно подлинная дѣйствительность раскрыта для нашего прямого усмотрѣнія.

Изъ этого вытекаетъ огромное метафизическое значеніе психологіи: м е т а ф и з и к а или о н т о л о г і я есть та область философіи, которая стремится понять существующее въ его настоящихъ, истинныхъ признакахъ, какъ оно есть самое по себѣ, помимо тѣхъ искажающихъ добавленій, которыя вносятся въ него для насъ ограниченностью и условностью формъ нашего чувственнаго воспріятія и опытнаго знанія. Какъ мы видѣли сейчасъ, только въ себѣ, только въ нашемъ внутреннемъ бытіи мы непосредственно постигаемъ нѣчто дѣйствительное въ его внутренней сути, тогда какъ внѣшняя реальность всегда закрыта отъ насъ условными формами нашей чувственной воспріимчивости. Слѣдовательно, только въ нашемъ внутреннемъ опытѣ мы имѣемъ доступъ къ существующему въ немъ самомъ и получаемъ чистые, не смѣшанные лучи изъ сферы живыхъ силъ, движущихъ міромъ. Мы знаемъ наше я прямо такимъ, каково оно на дѣлѣ. И лишь черезъ это знаніе мы можемъ приблизиться къ пониманію всего остального въ его внутреннемъ, не искаженномъ содержаніи. Допустимъ только, что міръ не состоитъ изъ вещей, абсолютно раздѣленныхъ, взаимно равнодушныхъ въ своемъ бытіи и совсѣмъ отрицающихъ другъ друга по всѣмъ своимъ качествамъ. Допустимъ |и это будетъ единственно вѣроятное, мыслимое, и не содержащее внутреннихъ противорѣчій умозрительное предположеніе|, что дѣйствительность въ своемъ цѣломъ есть реализація е д и н о й жизни и что,

поэтому, въ ней все связано въ своей основѣ, все однородно въ своемъ подлинномъ существѣ, все взаимно соприкасается, отражается и воспроизводится. Не будь этого, какое бы то ни было знаніе дѣйствительнаго міра оказалось бы абсолютно невозможнымъ. Но допустимъ эту внутреннюю связь сущаго, о которой я сейчасъ говорилъ, и намъ станетъ яснымъ, что познанію достаточно имѣть хотя одну твердую точку, ему довольно въ ней одной встрѣтиться съ истинною дѣйствительностью, чтобы оно уже не было сплошною иллюзіей и обманомъ, чтобы оно оказалось въ состояніи постигнуть всю реальность въ ея основныхъ очертаніяхъ, конечно, если оно правильно оцѣнитъ то, что ему открылось въ этой точкѣ.

-----ооо-----

Въ связи съ сейчасъ изложенными свойствами психологіи находится ея отношеніе къ ф и л о с о ф і и. П с и х о л о г і я есть по преимуществу ф и л о с о ф с к а я дисциплина. Всѣ другія философскія науки находятся въ тѣсной зависимости отъ ея данныхъ. Ея отношеніе къ нимъ въ значительной степени аналогично ея отношенію къ наукамъ физическимъ. Мы отчасти могли убѣдиться въ этомъ, разсматривая отношеніе психологіи къ метафизикѣ. Но, пожалуй, съ еще большимъ правомъ можно это утверждать объ ея отношеніи къ теоріи познанія, логикѣ, этикѣ, эс-

тетикѣ...Теорія познанія |гносеологія| рѣшаетъ вопросъ о возможности, существѣ и предѣлахъ человѣческаго знанія, но какъ же рѣшить этотъ вопросъ, если не имѣть яснаго и точнаго понятія о познавательныхъ процессахъ? А какъ имѣть такое понятіе, если не знать, какъ они совершаются? И мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что всякая теорія познанія вырастаетъ на психологическомъ фундаментѣ. Поэтому нѣкоторые мыслители, напримѣръ, Локкъ, сознательно строятъ теорію познанія на основаніи данныхъ психологіи. Но даже и тѣ изъ философовъ, которые старались обосновать теорію познанія въ полной независимости отъ какихъ нибудь психологическихъ предположеній, не давая себѣ въ томъ отчета, все же отправлялись отъ опредѣленныхъ психологическихъ взглядовъ. Примѣромъ тому можетъ служить Кантъ въ своей "Критикѣ чистаго разума"... Логика есть наука о нормахъ мышленія... Но вполнѣ очевидно, чтобы установить истинныя нормы, надо знать сначала процессы мысли | оттого во всѣ времена логика такъ или иначе всегда связана съ психологіей.|. Этика въ окончательномъ результатѣ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что мы должны и можемъ требовать отъ нашей воли | какъ жить и поступать|? Но вѣдь для этого прежде всего надо знать природу и законы воли. Для психолога, который думаетъ, что въ человѣкѣ нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ эгоистическихъ, придется всю этику обосновать на эгоизмѣ. Наоборотъ, если признать альтруистическія побужденія, какъ изначальную силу въ душѣ, то этика получитъ совсѣмъ другое направленіе... Эстетика есть наука

о законахъ прекраснаго.... Но какъ установить эти законы, если не знать во всей точности, что вызываетъ въ насъ художественное впечатлѣніе и что нѣтъ? И въ исторіи эстетическихъ теорій особенно удобно наблюдать, какъ измѣнялись взгляды различныхъ изслѣдователей смотря по тому, какую окраску принимали ихъ психологическія убѣжденія.

----ооо----

Но если всѣ эти науки тѣсно связаны съ психологіей, это все-таки далеко еще не значитъ,что онѣ составляютъ только отдѣлы или части психологіи. Психологія все-таки остается особой наукой среди другихъ философскихъ наукъ съ своимъ спеціальнымъ предметомъ, спеціальными задачами и методами. Она изучаетъ душевные факты въ ихъ отличіи отъ всѣхъ другихъ явленій природы и въ ихъ детальныхъ законахъ. Въ своемъ предметѣ изслѣдованія она нерѣдко соприкасается съ другими философскими дисциплинами, но все же не совпадаетъ съ ними и относится къ нимъ съ своей особой точки зрѣнія. Рѣшеніе различныхъ проблемъ въ другихъ философскихъ наукахъ находится въ многообразной зависимости отъ психологическихъ данныхъ, - но все же эти проблемы рѣшаетъ не психологія... Поясню примѣромъ: теорія познанія неизбѣжно исходитъ изъ разсмотрѣнія

природы и законовъ нашего мышленія; въ этомъ она совпадаетъ съ психологіей, которая между другими психическими процессами изучаетъ и процессы нашей познающей мысли, и между выводами той и другой науки не должно быть никакого принципіальнаго противорѣчія. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ относится къ процессамъ нашего ума съ своей особой точки зрѣнія. Укажемъ хотя слѣдующее простое различіе: теорія познанія рѣшаетъ вопросъ о самой возможности всякаго знанія вообще, потому по самой своей задачѣ она необходимо должна ограничиваться только вполнѣ самоочевидными данными разума и не предполагать никакихъ частныхъ выводовъ отдѣльныхъ наукъ, - вѣдь она должна еще показать возможность какой бы то ни было науки. Между тѣмъ психологія есть уже спеціальная наука, которая изучаетъ человѣческое мышленіе во всемъ конкретномъ разнообразіи его проявленій.

Итакъ, задачи психологіи имѣютъ огромную важность; тѣмъ печальнѣе то несовершенное состояніе, въ которомъ психологія находится до нашихъ дней; хотя она начала существовать съ незапамятныхъ временъ, она не выдерживаетъ даже и поверхностнаго сравненія съ науками физическими.... Въ послѣднее время возникли отдѣльныя области, обработанныя сравнительно точно, но всѣ онѣ относятся къ сферѣ психофизическихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ онѣ представляютъ какъ бы оазисъ среди хаоса противорѣчащихъ обобщеній, враждующихъ гипотезъ, неполныхъ описаній. Того, кто въ первый разъ знакомится съ психологической литературой, должно поражать,

какъ мало въ ней установленнаго и безспорнаго, какъ мало въ ней дѣйствительно доказанныхъ и въ то же время содержательныхъ законовъ, какія слабыя стороны обнаруживаетъ въ ней даже то, что составляетъ первый шагъ въ каждой наукѣ - простое описаніе фактовъ. Болѣе того: какъ ни странно это, хотя дѣло идетъ о непосредственно переживаемомъ нами, нерѣдко оказывается спорною даже самая наличность фактовъ |казалось бы ежеминутно допускающихъ провѣрку|. Укажу нѣкоторые примѣры, хотя бы изъ сферы памяти: можно ли вспоминать боль? Можно ли вспомнить запахъ? Объ этомъ идутъ споры, и существуетъ рѣзкое разногласіе. Или о чувствахъ: когда мы радуемся и печалимся, любимъ и ненавидимъ, жалѣемъ и сочувствуемъ, точно ли тутъ дѣло идетъ о чисто внутреннихъ духовныхъ состояніяхъ, выражающихъ наше стремленіе или отвращеніе, или мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ чисто физическія ощущенія? Нѣкоторые психологи настойчиво доказываютъ послѣднее. Еще болѣе разительный примѣръ: мы постоянно думаемъ объ общихъ истинахъ, принципахъ, понятіяхъ. И вотъ, возникаетъ вопросъ: правда ли, что въ нашемъ умѣ существуютъ общія идеи и истины, или мы имѣемъ всегда только отдѣльныя представленія объ отдѣльныхъ конкретныхъ предметахъ? Можно ли думать о людяхъ вообще, о всякихъ людяхъ, или наша мысль всегда относится къ отдѣльнымъ, опредѣленнымъ лицамъ? Можно ли думать о добрѣ, справедливости, красотѣ по общему содержанію этихъ понятій? Объ этомъ идетъ огромный споръ черезъ всю исторію европей-

ской мысли, еще начиная отъ реалистовъ и номиналистовъ въ средневѣковую эпоху.

При указанной сейчасъ зависимости философіи отъ психологіи понятно, какъ должно отражаться плачевное положеніе психологіи на судьбахъ всей философіи, какъ науки.

----ооо----

Сила и слабость психологіи, принадлежащія ей по существу ея задачи, центральное положеніе среди другихъ наукъ и ея весьма несовершенное научное состояніе еще и въ наше время, - все это коренится въ ея основномъ методѣ. Этотъ методъ есть с а м о н а б л ю д е н і е. Въ немъ есть одно огромное преимущество, о которомъ пришлось такъ много говорить прошлый разъ: внутренняя дѣйствительность нашего сознанія открыта нашему самонаблюденію такъ сказать въ ея подлинномъ видѣ, открыта намъ такъ, какъ она есть. Предметы окружающаго насъ внѣшняго міра мы воспринимаемъ только черезъ ощущенія нашихъ внѣшнихъ чувствъ, - другими словами, мы ихъ знаемъ не прямо, а только черезъ психическіе знаки и символы, и, чтобы они составили содержаніе нашего сознанія, необходимо, чтобы они были, такъ сказать, пропущены черезъ нашу психическую призму. Напротивъ, можно сказать, что предметомъ самонаблюденія является с а м а э т а п р и з м а. мы н.с

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

БИБЛИОТЕКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

воспринимаемъ черезъ наши психическія состоянія, и именно поэтому самыя эти состоянія мы уже должны воспринимать прямо, ибо иначе мы не могли бы всего воспринимать въ нихъ. Состоянія сознанія, уже по самому понятію о нихъ, мы должны сознавать такими, каковы они есть, потому что иначе они не были бы состояніями самого сознанія, а назвать состояніями сознанія пришлось бы уже то, черезъ что мы сознавали бы ихъ. Въ этомъ очень важное преимущество метода самонаблюденія или интроспективнаго метода.

Но существуетъ и неизбѣжная ограниченность въ этомъ методѣ: мы непосредственно знаемъ только свое собственное сознаніе, - чужое для насъ закрыто. - Непроницаемость индивидуальныхъ сознаній другъ для друга есть безспорный фактъ психологіи. Принадлежность переживаемыхъ состояній чужому Я стоитъ непроходимою стѣною для нашего наблюденія и воспріятія. Если бы даже вообразить, что мысли и чувства другого лица цѣликомъ перенесены въ насъ, мы испытали бы ихъ уже не какъ чужія, а какъ свои собственныя. Если даже считать безспорнымъ, что существуетъ фактъ прямой передачи мыслей, прямого внушенія или телепатическаго воздѣйствія однихъ сознаній на другія, во всякомъ случаѣ, все, что мы знаемъ въ этой области, заставляетъ думать, что эти переходящія изъ другого сознанія побужденія испытываются получающимъ ихъ, какъ свои собственныя, хотя неизвѣстно, откуда возникшія, иногда удивляющія своей странностью. Изъ тѣхъ разсказовъ, по которымъ можно заключить, что воспринимающій

какъ бы сознаетъ, отъ кого идетъ внушеніе, не слѣдуетъ всетаки, что онъ чувствуетъ тѣ психическіе процессы, которыми оно слагалось въ другомъ лицѣ. Онъ получаетъ только суммарный результатъ. Абсолютнаго отраженія чужого сознанія въ его внутреннемъ сознаніи повидимому никогда не бываетъ, или что нибудь подобное случается развѣ въ самыхъ уже исключительныхъ случаяхъ, и нечего ужъ и говорить о томъ, что стремленій констатировать случаи подобныхъ явленій не существуетъ. Такимъ образомъ различіе сознающихъ Я или различіе личностей есть тотъ абсолютный рубежъ, который обособляетъ всѣ внутреннія психическія состоянія въ безчисленныя замкнутыя дургъ для друга сферы. Мы не можемъ заглянуть въ чужую душу, мы можемъ познать то, что въ ней происходитъ только п у т е м ъ а н а л о г і и: состоянія чужого сознанія мы угадываемъ по аналогіи съ собственнымъ. Мы видимъ, что другой человѣкъ мимикой, жестами, голосомъ, движеніями, выражаетъ радость или горе. Мы знаемъ по себѣ, что это значитъ, - когда приходится такъ говорить, прибѣгать къ такой жестикуляціи, такъ двигаться; и мы приписываемъ этому человѣку чувства, которыя испытали сами. Кто нибудь сказалъ намъ, что у него зубъ болитъ; мы вспоминаемъ,какъ зубъ болѣлъ у насъ самихъ и только черезъ это понимаемъ его. И мы приписываемъ ему тотъ самый родъ ощущеній, который пережили сами. Человѣкъ, мало испытавшій, поэтому обыкновенно бываетъ и мало отзывчивъ, хотя по натурѣ онъ, можетъ быть, вовсе не обладаетъ жестоко-

стью чувствъ. Напримѣръ, весьма обычны обвиненія маленькихъ дѣтей въ жестокости, и они, дѣйствительно, часто совершаютъ очень жестокія вещи, но говорить здѣсь о жестокости въ строгомъ смыслѣ слова едва ли возможно. Главная причина подобныхъ актовъ совершаемыхъ иногда очень добрыми дѣтьми заключается конечно въ томъ, что они просто не понимаютъ тѣхъ ощущеній, которыя вызываются въ другомъ существѣ, положимъ, когда они начинаютъ мучить животныхъ... Или обратимся къ другой области психическихъ явленій. Мы слышимъ рядъ фразъ и схватываемъ ихъ смыслъ, пока онѣ произносятся; и тѣ мысли, которыя выражаютъ эти фразы для насъ, мы приписываемъ уму говорящаго. Что происходитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ? Во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ наблюдаемъ мы только знаки, дѣйствія, выраженія чужой психической жизни; но о внутреннихъ состояніяхъ другихъ людей мы всегда только догадываемся; мы ихъ приписываемъ имъ по аналогіи съ собою, но прямо ихъ не видимъ.

---ооо---

Такимъ образомъ окончательнымъ критеріемъ всякой психической жизни является для насъ наше собственное сознаніе. Между тѣмъ наше сознаніе всегда индивидуально, - въ этомъ его естественная граница. Мы все испытываемъ по своему и никогда не можемъ быть абсолютно увѣрены, что испытываемъ совсѣмъ

такъ, какъ другіе. Я знаю, что когда я вижу зеленое то и другіе утверждаютъ, что они также видятъ зеленый цвѣтъ. Но гдѣ же ручательство, что мы видимъ при этомъ совсѣмъ одно и тоже? Какъ это провѣрить?... Увѣренность можетъ быть только въ одномъ, что у каждаго другого лица есть такая то скала ощущеній подобная нашей, причемъ отдѣльные виды ощущеній находятся другъ къ другу въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и группы переживаемыхъ нами ощущеній. Но какъ утверждать, что зеленое для меня будетъ зеленымъ и для другого, что тутъ ощущеніе совсѣмъ одно и то же. Въ иныхъ случаяхъ разница несомнѣнна, когда, напримѣръ, человѣкъ, страдающій дальтонизмомъ, будетъ называть зеленымъ то, что и я называю зеленымъ; но вѣдь для него зеленое не отличается отъ краснаго? Какъ тутъ быть? Увѣрять ли, что ощущеніе зеленаго для него въ данномъ случаѣ то же, что для меня? Что онъ воспринимаетъ? Что то среднее между зеленымъ и краснымъ или одно красное, или одно зеленое - рѣшить нельзя, потому что онъ не можетъ передать специфическое въ своемъ ощущеніи. Впрочемъ за исключеніемъ болѣзненныхъ явленій для людей нормальныхъ можно утверждать если не абсолютное тожество, то, по крайней мѣрѣ, внутреннюю однородность переживаемыхъ ощущеній, единообразіе законовъ душевной жизни и соотвѣтственно большую вѣроятность тождества описываемыхъ качествъ. Но вѣдь въ насъ далеко не все однородно съ тѣмъ, что испытываютъ и переживаютъ другіе.... Въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ чертъ типическихъ для всего человѣческаго рода, существуетъ

безчисленное множество личныхъ особенностей. На многое въ жизни мы реагируемъ каждый по своему, и въ этомъ заключается наша личная своеобразность.... У каждаго свой особый складъ ума, памяти, воображенія, характера, сердца..... напримѣръ въ наукѣ установлены различные типы памяти: у однихъ она проявляется по преимуществу въ области зрительныхъ ощущеній, у другихъ въ области слуховыхъ, у третьихъ двигательныхъ и т.д. Отъ этого зависятъ очень важныя особенности въ психическомъ развитіи процессовъ ума. Точно также существуютъ различные типы воображенія: напримѣръ, съ одной стороны - воображеніе ученаго, который создаетъ какую нибудь чрезвычайно сложную гипотезу, объясняющую тѣ или другіе процессы природы, гдѣ все должно быть математически точно предусмотрѣно, ибо только черезъ это гипотеза получаетъ цѣну, гдѣ приходится имѣть дѣло съ безчисленнымъ множествомъ предполагаемыхъ элементовъ, по качеству весьма простыхъ, но по количественнымъ опредѣленіямъ и отношеніямъ чрезвычайно сложныхъ; съ другой стороны - художественный типъ фантазіи, гдѣ все дѣло въ разнообразіи содержанія, въ живости, но гдѣ заразъ сознаніе вмѣщаетъ всего нѣсколько образовъ, даже не особенно отчетливыхъ, а только чрезвычайно интенсивныхъ, живыхъ и качественно разнообразныхъ. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать обо всѣхъ другихъ способностяхъ человѣческой души, и если бы каждый психологъ дѣлалъ свои выводы только на основаніи того, что онъ наблюдаетъ въ самомъ себѣ, - изъ такого во многихъ отношеніяхъ случайнаго матеріала какая

могла бы получиться наука о всякой душевной жизни вообще?

---ООО---

Отсюда въ психологіи возникаетъ вполнѣ законное стремленіе пополнить с у б ъ е к т и в н ы й методъ чистаго с а м о н а б л ю д е н і я - о б ъ е к т и в н ы м ъ. Конечно, мы не знаемъ чужой душевной жизни, но мы можемъ догадываться о ея содержаніи по внѣшнимъ выраженіямъ съ такой высокой степенью вѣроятности, что она во многихъ случаяхъ практически переходитъ въ полную достовѣрность. Мы изучаемъ чужую душевную жизнь, насколько она выражается въ с л о в ѣ и д ѣ й с т в і и. Мы изучаемъ ее этимъ путемъ и въ своихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ другими людьми, и въ ея отраженіи въ фантазіи геніальныхъ художниковъ и поэтовъ, и въ разнообразныхъ произведеніяхъ литературы, и въ памятникахъ исторіи. Не будь этихъ дополнительныхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о законахъ душевной жизни, мы едва ли достигли бы когда нибудь содержательныхъ двигателей. Мы дѣлаемъ приложеніе этого объективнаго метода не только въ общей психологіи, - изъ его разнообразныхъ видоизмѣненій выростаетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ психологическихъ дисциплинъ: психологія дѣтской души, психологія животныхъ, психологія народовъ,

психологія обществъ, психологія литературы, психологія художественнаго творчества Напримѣръ, если взять психологію дѣтской души, то несомнѣнно въ ней мы можемъ прибѣгать и къ самонаблюденію, лучше сказать къ воспоминаніямъ, къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя мы непроизвольно сами надъ собой сдѣлали въ дѣтствѣ, но, несомнѣнно, такой источникъ для этого отдѣла психологіи будетъ весьма недостаточный. Какъ увидимъ впослѣдствіи, на одни воспоминанія въ психической сферѣ вообще трудно полагаться, тѣмъ болѣе когда рѣчь идетъ о такомъ отдаленномъ отъ насъ времени и при этомъ о такой эпохѣ нашей жизни, когда въ насъ всего менѣе можно предполагать точность наблюденія. При этомъ приходится прибѣгать къ методу объективному, т.е. къ наблюденію и даже эксперементированію какъ надъ отдѣльными дѣтьми, такъ и надъ цѣлыми группами. Тутъ наблюденіе индивидуальное неизбѣжно должно соединяться съ наблюденіемъ коллективнымъ. Результаты получаемые отъ такого расширеннаго наблюденія бываютъ иногда весьма важны, какъ въ теоретическомъ смыслѣ, такъ и въ практическомъ приложеніи, напримѣръ, къ вопросамъ педагогики.

Вообще объективный методъ раскрываетъ намъ цѣлую массу явленій, о которыхъ мы бы и не знали, пользуясь лишь методомъ субъективнымъ. Но, съ другой стороны, гдѣ ясное приложеніе метода самонаблюденія невозможно, - тамъ объективный методъ не дастъ сколько нибудь полнаго пониманія психической жизни. Въ этомъ отношеніи весьма поучительный примѣръ представляетъ психологія животныхъ.

Вѣдь, собственно говоря, въ ней мы имѣемъ сколько-нибудь ясное и правдоподобное обобщеніе, сколько-нибудь научное обоснованіе лишь до тѣхъ поръ, пока мы можемъ утверждать значительную аналогію совершающихся въ животныхъ внутреннихъ процессовъ съ нашими собственными процессами; для насъ болѣе или менѣе ясенъ процессъ ощущенія у нихъ, особенно, если они обладаютъ тѣми же органами чувствъ, какъ и мы, процессъ воспоминанія, чувствованія; но есть другіе отдѣлы въ психологіи животныхъ, которые представляются въ высшей степени неясными, и едва ли когда будутъ доведены до полной ясности своего содержанія и до полной безспорности объясненія. Сюда, напримѣръ, относится вопросъ объ инстинктахъ у животныхъ. Фактъ существованія ихъ извѣстенъ давнымъ давно. Но психологическія объясненія этого явленія поражаютъ своими противоположностями и противорѣчіями. Одни видятъ въ нихъ привычки прошлаго опыта, нѣчто вродѣ сознательныхъ дѣйствій ума и чувства; другіе видятъ во всѣхъ проявленіяхъ инстинктивной жизни результатъ чисто механическихъ процессовъ въ мозгу и нервной системѣ животныхъ безъ всякаго психическаго соотвѣтствія; третьи предполагаютъ нѣкоторую особую совершенно непостижимую родовую жизнь, которая даетъ свои внушенія отдѣльнымъ индивидуальностямъ. Все это и неясно, и мало доказательно; а зависитъ это отъ того, что чисто инстинктивныхъ движеній у человѣка сравнительно мало; они очень быстро сливаются съ процессами сознательными, и потому когда, напримѣръ, ставится вопросъ о тѣхъ таинственныхъ инстинктахъ, которые присущи психической жизни низ-

шихъ животныхъ, мы дѣйствительно не находимъ въ себѣ ничего аналогичнаго имъ и потому не можемъ сколько нибудь ясно понять ихъ и сколько нибудь правильно объяснить эти явленія. Итакъ, главная причина неполнаго пониманія психической жизни животныхъ заключается въ томъ, что мы наблюдаемъ здѣсь проявленія такихъ внутреннихъ состояній, для которыхъ не находимъ въ себѣ никакой аналогіи.

Наконецъ, мы пытаемся проникнуть въ чужую индивидуальность, воспроизводя внутреннюю біографію тѣхъ или другихъ лицъ, извѣстныхъ въ исторіи по сохранившимся о нихъ документамъ.

Мы видимъ,такимъ образомъ, что объективный методъ въ психологіи даетъ намъ прежде всего ряды наблюденій надъ непосредственными проявленіями чужой душевной жизни, толкуемыхъ по аналогіи съ нашей собственной душевной жизнью.

---ooo---

Другое примѣненіе объективной методъ въ психологіи находитъ въ изслѣдованіи связей между состояніями психическими и физіологическими, т.е. между отдѣльными состояніями тѣла и соотвѣтствующими имъ состояніями души. Такъ возникаетъ особая наука, носящая названіе ф и з і о л о г и ч е с к о й п с и х о л о г і и. Тѣсная зависимость

душевной жизни отъ физическихъ перемѣнъ въ тѣлесномъ организмѣ есть непоколебимый фактъ опыта. Онъ былъ замѣченъ съ незапамятныхъ временъ и принципіально признавался во всѣхъ психологическихъ теоріяхъ, хотя ему давали различное объясненіе, освѣщеніе и оцѣнку....

Возьмемъ двѣ противоположныя точки зрѣнія: матеріалистовъ и спиритуалистовъ. Для матеріалистовъ всѣ душевныя явленія суть непосредственныя и прямыя выраженія измѣненій въ нашей нервной и мозговой системахъ, точнѣе сказать, суть самыя эти физическія измѣненія въ упомянутой мозговой системѣ или въ той матеріальной душѣ, которую предполагали еще древніе матеріалисты. Представленія объ органахъ душевной жизни впослѣдствіи измѣнились, но въ общемъ представленіе о томъ, что психическая жизнь есть измѣненіе матеріальное, осталось тѣмъ же у матеріалистовъ всѣхъ временъ. - Для спиритуалистовъ дѣло представляется иначе. На тѣло они смотрятъ просто какъ на препятствіе для душевной жизни; дѣятельность души, какъ бы преломляясь въ тѣлѣ, становится ограниченной. Такимъ образомъ, тѣло является только тормазомъ души. Оцѣнка, стало быть, является діаметрально противоположной, но фактъ признается и той и другой теоріей: матеріалисты утверждаютъ, что душевныя явленія находятся въ очень тѣсной и даже исключительной зависимости отъ тѣла, но такую же зависимость, хотя, можетъ быть не такъ абсолютно понятую, признаютъ и спиритуалисты, предполагая, что въ каждомъ душевномъ актѣ сказывается вліяніе того тормаза, который не-

избѣженъ при земныхъ условіяхъ бытія души. Такимъ образомъ, фактъ этотъ со всѣхъ точекъ зрѣнія оказывается несомнѣннымъ, а изъ этого вытекаетъ великое значеніе систематическаго изученія связи между психической и физіологической сферами, и при возрастающемъ знакомствѣ съ функціями мозга этотъ фактъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Теперь мы знаемъ, что связь психическаго съ физическимъ еще гораздо тѣснѣе, чѣмъ можно было думать раньше. Правда, мы едва ли знаемъ лучше прежняго, въ чемъ эта связь состоитъ, но въ настоящее время несомнѣнно, что она одинаково обнимаетъ собою и низшія явленія психической сферы и самыя высшія. Мы не знаемъ такихъ фактовъ нашей внутренней жизни, для которыхъ мы имѣли бы основаніе не предполагать абсолютно никакого физическаго коррелата. Черезъ это физіологическая психологія пріобрѣтаетъ очень важное мѣсто среди вспомогательныхъ психологическихъ наукъ. При оцѣнкѣ ея значенія приходится, однако, имѣть въ виду и отрицательную сторону дѣла: въ настоящее время она еще находится едва ли даже не въ менѣе совершенномъ состояніи, чѣмъ психологія и н т р о с п е к т и в н а я | т.е. основанная на самонаблюденіи |. Сравнительно хорошо разработана физіологія органовъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ и въ связи съ ней законы тѣхъ процессовъ, которые происходятъ въ нашихъ ощущеніяхъ, въ нашей чувствительности. Въ этой области громадныя заслуги оказалъ Гельмгольцъ. Несомнѣнно, въ области этихъ пограничныхъ изысканій объ отношеніяхъ ощущеній къ физическимъ явленіямъ наука пріобрѣла нѣкото-

рыя твердыя обобщенія. Но что касается внутреннихъ процессовъ, происходящихъ въ нашемъ мозгѣ въ соотвѣтствіи съ переживаемыми нами психическими состояніями, объ этомъ теперь извѣстно немногимъ больше, чѣмъ прежде. По признанію всѣхъ серьезныхъ физіологовъ это очень темная, непроницаемо-таинственная область. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней не идутъ дальше очень шаткихъ гипотезъ и весьма неопредѣленныхъ, иногда произвольныхъ схемъ.

Сравнительно большіе успѣхи сдѣланы по вопросу о такъ называемой локализаціи душевныхъ явленій, т.е. о тѣхъ областяхъ нашего мозга, которыя соотвѣтствуютъ спеціально тѣмъ или другимъ явленіямъ психической жизни. И это фактъ установленный, что тутъ извѣстное соотвѣтствіе есть: есть, напримѣръ, область мозга, гдѣ какъ бы сосредоточиваются, или, говоря точнѣе, нѣкоторымъ образомъ связаны представленія зрительныя, и когда эта область подвергается разрушенію или поврежденію, весь характеръ зрительныхъ представленій или всего зрительнаго сознанія у человѣка мѣняется и онъ теряетъ способность пользоваться зрительнымъ запасомъ своихъ идей. Напримѣръ, увидѣвъ знакомаго на улицѣ и дѣйствительно увидѣвъ, т.е. получивъ зрительное впечатлѣніе, онъ въ то же время не въ состояніи узнать его, потому что разрушена область зрительной памяти - пострадалъ зрительный органъ. Въ другомъ мѣстѣ есть область, гдѣ сосредоточиваются слуховыя представленія; есть область, являющаяся преимущественно органомъ рѣчи, въ случаѣ разрушенія которой, человѣкъ теряетъ способность говорить;

при болѣе глубокихъ и широкихъ по захвату разрушеніяхъ, онъ теряетъ способность понимать рѣчь, когда еще сохраняется способность писать, а потомъ разрушается и эта способность. Такимъ образомъ, какая-то локализація психическихъ явленій въ различныхъ сферахъ мозговой дѣятельности несомнѣнна, но во всякомъ случаѣ въ этой локализаціи едва ли значительно освѣщенъ вопросъ о характерѣ той зависимости, которая существуетъ между явленіями психическими и физическими.

---ооо---

Къ физіологической психологіи близко примыкаетъ п с и х о л о г і я э к с п е р и м е н т а л ь н а я. Она стремится изучать душевныя явленія въ условіяхъ, которыя мы избрали сами, и такимъ образомъ пытается внести въ психологію н а у ч н ы й методъ. Тѣ изъ васъ, которые изучали логику, помнятъ, конечно различіе между опытомъ и наблюденіемъ. Послѣднее, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что мы, совсѣмъ не воздѣйствуя на предметъ, изучаемъ его такъ, какъ онъ есть, со всѣми осложняющими обстоятельствами. Экспериментъ же, напротивъ, есть вызовъ явленія въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя устроили мы сами. Сразу ясно, въ чемъ заключается преимущество эксперимента: въ первомъ случаѣ мы при наблюденіи не

знаемъ условій явленій, во второмъ мы гораздо болѣе ихъ знаемъ, потому что по крайней мѣрѣ старались ихъ предусмотрѣть, и сами всѣ ихъ устанавливали. При этомъ обстоятельства, избираемыя нами, могутъ быть гораздо болѣе подходящими для воспріятія явленій нежели тѣ, которыя случайно даются въ ходѣ вещей, какъ это бываетъ при простомъ наблюденіи. Повидимому, экспериментальной психологіи предстоитъ большое будущее, но до сихъ поръ она еще не успѣла оправдать возлагаемыхъ на нее огромныхъ упованій. Причина тому лежитъ отчасти въ чрезвычайной трудности предмета изслѣдованія, отчасти въ нѣкоторой ограниченности и случайности задачъ, которыя она себѣ ставила до сихъ поръ. Отъ экспериментальной психологіи повидимому прежде всего можно ждать рѣшенія проблемъ двоякаго рода: I| Точное установленіе связи между физіологическими и психическими состояніями. Наиболѣе цѣнное пріобрѣтеніе въ этой сферѣ представляетъ законъ Вебера - Фехнера о характерѣ зависимости возрастанія ощущеній отъ возрастанія раздраженій. На этомъ законѣ намъ придется остановиться; теперь укажу его общую формулу, по которой "въ то время, какъ раздраженія возрастаютъ въ геометрической прогрессіи, вызванныя ими ощущенія возрастаютъ въ ариѳметической". Въ экспериментальной психологіи постоянная повѣрка этого закона составляетъ главную задачу. Нельзя сказать, чтобы этотъ законъ былъ абсолютно установленъ: напротивъ, позднѣйшія изслѣдованія показали значительныя колебанія его, но въ общемъ смыслѣ его вѣ-

ренъ и, какъ увидите, чрезвычайно важенъ и не только по отношенію къ этому спеціальному вопросу о связи раздраженій съ ощущеніями, но вообще онъ имѣетъ важное значеніе для основного вопроса объ отношеніи физической сферы явленій къ сферѣ явленій психическихъ.

2| Изслѣдованіе отдѣльныхъ душевныхъ явленій и фактовъ въ произвольно избранныхъ нами обстоятельствахъ тамъ, гдѣ факты эти допускаютъ; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ психическія явленія по произволу вызываться не могутъ, по крайней мѣрѣ съ тою чистотою и точностью, какая нужна для того, чтобы экспериментъ назвать научнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ психологическіе эксперименты дѣйствительно возможны въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Наиболѣе могущественнымъ орудіемъ въ этой области изслѣдованій до сихъ поръ является г и п н о т и з м ъ съ открытою въ немъ с и л о ю в н у ш е н і я. Пользуясь внушеніемъ, мы можемъ въ загипнотизированномъ субъектѣ по произволу подавлять одни ряды душевныхъ фактовъ и давать исключительное развитіе другимъ... Мы можемъ вырвать у него одни чувства и желанія и навязать ему другія; можемъ заставить его воспринимать то, чего вовсе нѣтъ, и не воспринимать того, что находится прямо передъ нимъ. Фактъ еще болѣе загадочный, такъ называемыя внушенныя галлюцинаціи: мы можемъ заставить его совсѣмъ забыть одни событія его прошлаго и съ галлюцинаторною яркостью переживать другія, напримѣръ, одного солдата заставили пережить сраженіе, въ которомъ онъ былъ раненъ, вновь, въ со-

стояніи гипноза, и впечатлѣніе на него всей картины было настолько сильно, что въ тотъ моментъ, когда, по воспоминанію, въ него попала пуля, онъ упалъ въ глубокій обморокъ. Такъ что были воспроизведены всѣ ощущенія, сопровождавшіяся даже физическими состояніями. Въ особенности странной представляется та власть, которую этимъ путемъ получаютъ психическія состоянія надъ процессами тѣла: напримѣръ, путемъ внушенія можно вызвать и прекратить параличъ, можно однимъ воображеніемъ вызвать настоящіе ожоги, заставить загипнотизированнаго вообразить, что его коснулись каленымъ желѣзомъ, когда его коснулись просто карандашемъ; можно, сказавъ ему, что ему поставлена мушка, вызвать соотвѣтственный нарывъ; можно вызывать и останавливать физіологическія отправленія, выдѣленія и т.д. Тутъ мы можемъ играть на психикѣ человѣка какъ на инструментѣ, вызывать одни явленія и выдѣлять другія, можемъ навязать ему воспоминанія о вещахъ, никогда не бывшихъ и т.д. Уже изъ этихъ примѣровъ съ гипнотизмомъ видно, какое вообще значеніе для психологіи можетъ имѣть изученіе анормальныхъ фактовъ душевной жизни. Въ этомъ коренится значеніе п с и х о п а т о л о г і и въ циклѣ психологическихъ наукъ.

Важное мѣсто между способами экспериментальнаго изслѣдованія душевныхъ явленій занимаетъ также такъ называемая психометрія, т.е. измѣреніе времени душевныхъ процессовъ. Въ настоящее время это одна изъ самыхъ популярныхъ задачъ психическихъ изслѣдованій; главнымъ образомъ, заняты психологи-

ческія лабораторіи , которыхъ появилось такъ много, которыя есть и въ Россіи, даже въ Москвѣ при психіатрической клиникѣ. Самая значительная изъ нихъ это лабораторія Вунда въ Лейпцигѣ, гдѣ экспериментальныя изслѣдованія стали производиться впервые со всею научною точностью. Отъ этой области въ будущемъ можно ожидать многаго, но про теперешнее ея состояніе можно сказать, что она еще не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ. Прежде всего путемъ этихъ измѣреній, которыя дѣлаются чрезвычайно кропотливо, внимательно, съ затратой большихъ трудовъ, еще до сихъ поръ не получено никакихъ безспорныхъ результатовъ принципіальнаго характера для психологіи, которые рѣзко перемѣнили бы освѣщеніе какихъ нибудь психологическихъ истинъ, напротивъ значеніе цифръ получается гадательное, и когда начинаютъ слишкомъ рѣшительно ими пользоваться, переходя сразу къ самымъ широкимъ обобщеніямъ, то результаты получаются весьма шаткіе. Во вторыхъ, нельзя не обратить вниманія на то, что самыя цифры являются по своему внутреннему значенію довольно проблематичными. Напримѣръ, когда измѣряютъ простые психическіе акты, то въ высшей степени трудно утверждать, точно ли полученное время измѣряетъ только эти психическіе акты, или иногда они съ неизбѣжностью бываютъ дополнены равными другими, можетъ быть, гораздо болѣе сложными актами, безъ которыхъ самый экспериментъ былъ бы невозможенъ. Возьмемъ напримѣръ извѣстный опытъ; съ полученіемъ какого нибудь впечатлѣнія, какъ только его замѣчали, немедленно отнимали руку отъ

той кнопки, которую держали; вслѣдствіе этого отнятія руки токъ прекращался и, такимъ образомъ, механически отмѣчалось время акта воспріятія, напр. зрительнаго впечатлѣнія. Однако ни для экспериментатора, ни для экспериментируемаго этого недостаточно; вѣдь не только надо увидѣть, надо и сознать, что увидѣлъ, а разъ увидѣлъ, что надо сдѣлать извѣстное движеніе, надо и выбрать это движеніе: нето я долженъ подавить, не-то я долженъ поднять. Тутъ происходитъ рядъ очень быстрыхъ актовъ, сложность которыхъ можетъ измѣняться; по крайней мѣрѣ, это возраженіе съ неизбѣжностью должно представиться: тутъ будетъ и оцѣнка факта, что время наступило, что это то, что нужно, тутъ и выборъ извѣстнаго дѣйствія, тутъ еще нужно считаться съ тѣмъ временемъ, которое идетъ просто на внутреннее смущеніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ въ моментъ необходимаго дѣйствія - движеніе обыкновенно не сразу дѣлается; конечно, упражненіемъ можно до извѣстной степени сократить этотъ промежутокъ, но всетаки если дѣло доходитъ до обращенія съ чисто механическими актами, то на основаніи ихъ всегда трудно бываетъ рѣшить, видѣлъ человѣкъ или нѣтъ, получилъ онъ или нѣтъ данное зрительное впечатлѣніе. Нѣкоторое время всегда проходитъ между появленіемъ зрительнаго образа и отнятіемъ руки, но что произошло въ душѣ сказать всетаки трудно со всею точностью, и едва ли будетъ вѣрно сказать, что ничего не произошло кромѣ чистаго зрительнаго ощущенія. На самомъ дѣлѣ, какъ всегда въ

психологіи, мы получаемъ вмѣсто простого сложный фактъ, простыхъ фактовъ въ психологіи и нѣтъ, а если есть, то ихъ очень трудно выдѣлить и наблюдать какъ нѣчто совсѣмъ обособленное. Еще больше неяснаго и спорнаго приходится констатировать въ ходѣ самаго изслѣдованія, основаннаго на этихъ опытахъ. Такъ прежде всего даже получаемыя цифры оказываются чрезвычайно колеблющимися у разныхъ изслѣдователей. Приведу вамъ весьма интересный въ этомъ отношеніи примѣръ. Обыкновенно время простыхъ реакцій, т.е. иначе сказать, время простыхъ ощущеній выражается сотнями тысячныхъ секундъ. Берутся тысячныя секунды, считаются и оказываются цѣлыя сотни. Цифры получаются разныя для слуховыхъ зрительныхъ и другихъ ощущеній, во всякомъ случаѣ приходится считать сотнями; но въ Москвѣ руководитель психологической лабораторіи, Токарскій, производилъ этого рода опытъ при значительно видоизмѣненныхъ условіяхъ, и у него вмѣсто сотенъ тысячныхъ получились единицы тысячныхъ; тамъ, положимъ, гдѣ было 0,172, у него получалось 0,008 или 0,009 отъ перемѣны способа изслѣдованія. Конечно, этимъ споръ не рѣшенъ, но во всякомъ случаѣ *a priori* этотъ второй выводъ, такъ расходящійся съ обычнымъ, представляется болѣе правдоподобнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы простые акты души были такъ длительны, какъ это утверждаютъ нѣкоторые, то вся душевная жизнь должна была бы протекать медленнѣе, чѣмъ она протекаетъ. Возьмемъ простой примѣръ, напримѣръ, бѣглое чтеніе книги; вѣдь если положить, что на каждое зрительное впечатлѣніе

нужно потратить хоть 0,2 секунды, то вѣдь чтеніе выйдетъ медленнѣе того, чѣмъ какъ мы на самомъ дѣлѣ читаемъ: слѣдовательно тутъ есть какой то важный недочетъ изслѣдованія. Весьма возможно, что впослѣдствіи всѣ эти нарушающіе точность результатовъ факторы будутъ приняты во вниманіе, но пока эта область изслѣдованія стоитъ, такъ сказать, у преддверія того, къ чему она стремится, т.е. точнаго изслѣдованія психическихъ актовъ съ ихъ количественной стороны. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ психологіи существуетъ цѣлый рядъ вспомогательныхъ дисциплинъ, которыя всѣ пользуются объективнымъ методомъ.

Эти дисциплины чрезвычайно важны, но все же надо постоянно помнить, что методы всѣхъ этихъ дисциплинъ суть только вспомогательные для коренныхъ задачъ психологіи.... Окончательный ключъ ко всему лежитъ все таки въ самонаблюденіи и въ томъ, что даетъ оно. Только провѣряя внѣшнія данныя показаніями собственнаго внутренняго опыта и переводя ихъ на его языкъ, мы можемъ уразумѣть эти внѣшнія данныя о чужой психической жизни. Эти данныя внѣшняго наблюденія прежде всего важны тѣмъ, что позволяютъ намъ въ насъ самихъ различить индивидуальное отъ универсально-человѣческаго и такимъ образомъ возвыситься надъ своею индивидуальною ограниченностью; но все же чужія душевныя состоянія мы понимаемъ только тогда, когда нашли нѣчто имъ аналогичное въ себѣ: внѣшнее наблюденіе полезно тѣмъ, что заставляетъ искать этихъ аналогій въ самонаблюденіи, понимать ихъ цѣну, и со-

ответственно имъ направлять анализъ на отдѣльные переживаемые нами факты. Но если бы наше самонаблюденіе совсѣмъ замолкло или если бъ мы совсѣмъ отвернулись отъ него, тогда одно внѣшнее наблюденіе ничему бы не научило насъ о душевныхъ фактахъ... У философовъ и ученыхъ неоднократно возникала мечта совсѣмъ покончить съ интроспективною психологіею и всецѣло замѣнить ее физіологіей мозга и нервной системы. Однако изъ этой мечты и до сихъ поръ ничего не выходило и никогда ничего не выйдетъ, - мы теперь знаемъ почему... Вообразимъ, въ самомъ дѣлѣ, наблюдателя, не принадлежащаго къ человѣческому міру |положимъ, жителя съ какой нибудь другой планеты|, который обладаетъ такой далеко идущей чувствительностью, что видитъ нашъ мозгъ насквозь, во всѣхъ его мельчайшихъ движеніяхъ,измѣненіяхъ и процессахъ и который при этомъ одаренъ высокимъ и тонкимъ умомъ. Но представимъ себѣ,что онъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что люди переживаютъ внутри себя, т.е. о ихъ ощущеніяхъ и мысляхъ, о ихъ желаніяхъ, о ихъ любви и ненависти, и ихъ страданіяхъ и радостяхъ и т. п. Что же? Созерцая человѣческій мозгъ во всѣхъ подробностяхъ того, что въ немъ дѣлается, узнаетъ ли онъ человѣческую психологію и пойметъ ли человѣческую душу? Вѣдь совершенно очевидно, что нѣтъ. Онъ увидитъ безконечно сложныя движенія безконечно многихъ и и разнообразныхъ частицъ, составляющихъ наши нервы и нервные центры; нѣкоторыя изъ этихъ движеній будутъ ему,такъ сказать,до-тла извѣстны, другія|если допустить воздѣйствіе духа на матеріальный ме-

ханизмъ нашего организма, какъ начала самостоятельнаго, дѣйствующаго по своимъ законамъ, преслѣдующаго свои цѣли| покажутся ему загадочными, непонятными и какъ будто не будутъ вытекать изъ тѣхъ данныхъ, которыя механически предшествовали этимъ движеніямъ; но откуда онъ узнаетъ, какимъ изъ этихъ движеній соотвѣтствуютъ ощущенія, какимъ - понятія разума, какимъ - наши чувства, какимъ - тѣ или другія страсти? Эти частицы обладаютъ опредѣленными механическими, физическими и химическими свойствами, но на нихъ вовсе не написано, отвѣчаютъ ли онѣ въ своихъ переталкиваніяхъ ощущеніямъ или мыслямъ, желаніямъ или отвращеніямъ. Между тѣмъ физіологъ, совсѣмъ отказавшійся отъ интроспективнаго метода, попадаетъ въ положеніе этого предполагаемаго небожителя, только съ тою важною разницею, что онъ далеко не имѣетъ исчерпывающаго и полнаго понятія о процессахъ въ мозгу и въ движеніяхъ мозга и ничего не можетъ увидѣть, кромѣ движеній, а въ этихъ движеніяхъ ничего кромѣ механическихъ свойствъ, кромѣ тѣхъ или иныхъ измѣненій направленія и скорости. Поэтому на практикѣ физіологи, пытающіеся строить психологію на чисто физіологическихъ данныхъ, всегда отправляются отъ какой нибудь заранѣе усвоенной психологической системы и группируютъ физіологическій матеріалъ сообразно съ ея требованіями и предположеніями. При этомъ качество ихъ работы находится въ самой тѣсной зависимости отъ достоинства этихъ заранѣе усвоенныхъ взглядовъ. Яркій тому примѣръ ф р е н о л о г і я; основатели этой,теперь уже брошенной, науки,когда-то имѣвшей большой успѣхъ и увлекавшей даже очень

крупные умы, отправлялись отъ ложнаго психологическаго представленія о душевныхъ свойствахъ, наклонностяхъ и страстяхъ, какъ о простыхъ обособленныхъ и довлѣющихъ себѣ фактовъ психической жизни; и вотъ, соотвѣтственно этому предвзятому взгляду, они для каждаго свойства, каждой наклонности и господствующей страсти искали особаго мѣста въ видѣ возвышенія на поверхности черепа, пускались въ очень разнообразныя тонкости наблюденій. Кто знаетъ, можетъ быть въ этихъ наблюденіяхъ для будущей физіологіи и для будущей психологіи есть и какія-нибудь положительныя данныя, но въ цѣломъ эта система, конечно, не выдерживаетъ критики, потому что исходная точка ея въ психологическомъ смыслѣ оказывается совершенно несостоятельной.

----ооо----

Можно поэтому самымъ рѣшительнымъ образомъ сказать: **безъ самонаблюденія нѣтъ психологіи**.... Тѣмъ важнѣе систематически рѣшить вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ самонаблюденія, какъ источника научныхъ истинъ...Важнѣйшее преимущество мы уже знаемъ: мы воспринимаемъ психическую дѣйствительность такъ, какъ она есть, въ ея подлинныхъ признакахъ. Въ связи съ нимъ находится другое, о которомъ мы еще не говорили: по крайней мѣрѣ нѣкоторыя душевныя

явленія мы воспринимаемъ въ ихъ настоящей внутренней связи, въ ихъ дѣйствительной причинности, слѣдовательно, получаемъ не только результатм вызвавшихъ ихъ процессовъ, но воспринимаемъ самые эти производящіе процессы въ ихъ настоящихъ внутреннихъ звеньяхъ. Въ этомъ заключается весьма важное различіе опыта внутренняго отъ опыта внѣшняго. Во внѣшнемъ наблюденіи мы всегда усматриваемъ только слѣдованіе явленій другъ за другомъ, но не воспринимаемъ прямо того, что ихъ связываетъ другъ съ другомъ, что одни изъ нихъ дѣлаетъ причиной другихъ. Оттого нужны цѣлые ряды наблюденій и опытовъ, чтобы дѣйствительно убѣдиться, что одно явленіе есть причина другого. Такъ по крайней мѣрѣ бываетъ всегда, когда человѣкъ только начинаетъ знакомиться съ предметами внѣшняго опыта, и когда ему еще не помогаютъ никакія аналогіи, вынесенныя изъ предшествующихъ заключеній. |Нагрѣтое тѣло расширяется; но когда мы это видимъ въ первый разъ, откуда мы можемъ знать, что это происходитъ именно отъ тепла, а не отъ чего-нибудь другого? Камень безъ поддержки падаетъ; но какъ много нужно наблюдать и думать, чтобы придти къ идеѣ всемірнаго тяготѣнія|. Въ психической сферѣ другое: здѣсь прямо, въ отдѣльныхъ случаяхъ, мы съ абсолютной увѣренностью усматриваемъ причинную связь между отдѣльными переживаемыми нами состояніями. Я съ сознательной добровольностью двинулъ рукой, - и я знаю, что это Я ее двинулъ, что причина движенія - моя воля, что она не сама двинулась и не по возбужденію отъ посторонней мнѣ силы. Чтобы убѣдиться въ

этомъ, мнѣ едва ли нужно припоминать ряды прошлыхъ опытовъ, - вѣдь и въ каждомъ прошломъ опытѣ я различалъ доброволъность движенія только по присутствію моей воли, а были въ прошломъ и движенія невольныя | по рефлексу, судорогѣ, подъ давленіемъ внѣшней силы | и я знаю объ этомъ именно потому, что никакихъ усилій при этомъ самъ не дѣлалъ, а если и дѣлалъ, то скорѣе чтобы сдержать эти движенія. Тутъ является для насъ неоспоримая внутренняя мѣрка. Или, предположимъ, я чувствую жалость къ несчастному человѣку, составляю планы, какъ помочь ему и осуществляю эти планы. Для меня непосредственно ясна причинная связь этихъ явленій; я составляю планы помочь потому, что жалѣю, и если бъ не жалѣлъ, нечего было бы мнѣ и хлопотать и я внутренне увѣренъ, что я и не сталъ бы хлопотать, еслибы не желалъ. Какъ бы мы узнали, почему одинъ помогаетъ другому, если бы не наблюдали въ самихъ себѣ чувства жалости? Или я ненавижу человѣка и браню его. Едва ли нужны многіе опыты, чтобы увѣриться, что въ брани воплощается мое чувство. Или я рѣшаю математическую задачу и на основаніи извѣстныхъ данныхъ прихожу къ опредѣленному рѣшенію. Я знаю, что мое рѣшеніе вызвано этими данными и что я потому только пришелъ къ нему, что надъ ними напряженно думалъ и искалъ соотвѣтствующаго имъ рѣшенія. Все это я прямо пережилъ. Такъ судимъ мы о себѣ и о другихъ людяхъ по тому же принципу внутренней сообразности и, смотря по ихъ характерамъ и настроеніямъ, - одного отъ нихъ ждемъ, другого

нѣтъ. Въ связи съ этимъ чувствомъ нашего внутренняго опыта находится переживаемое нами чувство художественной правды по отношенію къ содержанію различныхъ произведеній литературы. Въ художественныхъ произведеніяхъ, которыя мы читаемъ, въ піесахъ, которыя мы видимъ на сценѣ, одни дѣйствія представляются насъ сообразными съ изображаемыми характерами,другія-нѣтъ.Что тутъ рѣшаетъ вопросъ? отъ чего зависитъ такое наше сужденіе?чѣмъ мы руководимся когда ставимъ тотъ или другой приговоръ объ изображаемыхъ событіяхъ или лицахъ? Едва ли въ этомъ случаѣ рѣшающая роль можетъ принадлежать нашему внѣшнему наблюденію надъ аналогичными характерами, положеніями и дѣйствіями. Вѣдь характеры, изображаемые художникомъ, обыкновенно бываютъ индивидуальны; рядомъ съ типическими чертами у нихъ всегда дается нѣчто свое собственное, что два раза не повторяется; съ другой стороны, весьма возможно, что мы никогда не видали тѣхъ положеній и тѣхъ дѣйствій, которыя намъ приходится созерцать и судить. Положимъ, мы судимъ о внутренней сообразности въ развитіи характера и дѣйствій такихъ типовъ, какъ Отелло и Макбетъ. Едва ли могли мы часто видѣть людей совершенно съ такимъ же характеромъ,совсѣмъ въ такомъ положеніи и съ такимъ же настроеніемъ. Вѣдь это люди другого времени, совсѣмъ другого душевнаго строя, чѣмъ тотъ, который свойственъ намъ,и жившіе въ совсѣмъ другихъ условіяхъ. Почему же мы такъ увѣренно судимъ о томъ, что сообразно съ ихъ душевнымъ складомъ, и что нѣтъ, что могутъ они совершить и чего не могутъ? И почему

мы такъ глубоко вѣримъ въ правдивость даннаго намъ изображенія? Конечно, мы тутъ руководствуемся просто только внутренней сообразностью изображаемаго. Художественный геній Шекспира заставилъ насъ ярко представить ихъ душу, душу этихъ своихъ героевъ, раскрылъ намъ ихъ внутренній міръ, а, слѣдовательно, тѣмъ самымъ раскрылъ и тѣ связи, которыя вызываютъ послѣдовательность переживаемыхъ ими состояній. До извѣстной степени ихъ внутренній міръ, когда мы проникаемся этими образами, становится нашимъ собственнымъ міромъ: мы его переживаемъ какъ свой, и стало быть, и судимъ, какъ свой, точно такъ же какъ мы судимъ свои собственные поступки по ихъ внутренней связи. Наоборотъ, если возьмемъ какое нибудь фальшивое произведеніе, насъ оттолкнетъ безсвязность и взаимное несоотвѣтствіе изображаемыхъ душевныхъ состояній и дѣйствій, оттолкнетъ тотчасъ же, какъ только мы постараемся къ нимъ внутренне приблизиться, постараемся представить ихъ, какъ нѣчто такое, что могли бы мы пережить сами. Не будь этого непосредственнаго усмотрѣнія необходимости душевныхъ процессовъ, инстинктъ художественной правды едва ли могъ бы развиться въ человѣкѣ.

---ooo---

Въ прошлой лекціи мы остановились на двухъ важнѣйшихъ преимуществахъ самонаблюденія или внутренняго опыта: сознательныя душевныя явленія открыты нашему самонаблюденію въ своихъ настоящихъ свойствахъ, - такими, каковы они на дѣлѣ; съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы непосредственно и прямо усматриваемъ соединяющую ихъ внутреннюю причинную связь. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ опытъ внѣшній представляетъ рѣзкую противоположность опыту внутреннему: какъ мы могли убѣдиться, мы никогда не воспринимаемъ явленій и предметовъ внѣшней природы въ ихъ дѣйствительныхъ качествахъ и въ ихъ настоящемъ составѣ; не говоря уже ни о чемъ другомъ, они всегда окрашиваются для насъ чувственными свойствами |цвѣта, звука, запаха, вкуса и т.д.|, которыхъ въ объективной природѣ самой по себѣ нѣтъ, и съ другой стороны, всѣ наши наблюденія надъ внѣшнимъ міромъ неизбѣжно страдаютъ-отъ весьма тѣсныхъ границъ въ остротѣ нашей чувственной воспріимчивости. |столъ для непосредственнаго наблюденія - сплошной, неподвижный, совершенно опредѣленный и простой формы....для отвлеченной физики это облако атомовъ, отдѣльныя частицы котораго, сравнительно съ величиной каждой изъ нихъ, находятся иногда очень далеко другъ отъ друга, которое постоянно движется, - формы котораго, разсматриваемыя детально, измѣнчивы и очень сложны|. Знаемъ мы также, что и причинную связь явленій физической природы мы никогда не усматриваемъ прямо и непосредственно, а всегда только дѣлаемъ о ней догадки и выводы.

Впрочемъ, и въ нашей душевной сферѣ мы далеко не во всѣхъ случаяхъ воспринимаемъ внутренню связь протекающихъ въ ней явленій, сплошь и рядомъ мы не только ничего не наблюдаемъ въ ней, кромѣ слѣдованія фактовъ другъ за другомъ во времени,но и остаемся при этомъ глубоко убѣжденными, что ничего, кромѣ слѣдованія во времени въ ней въ данномъ случаѣ и нѣтъ. Положимъ, я осматриваю какой нибудь заинтересовавшій меня ящикъ: я осмотрю его верхъ, потомъ перейду къ бокамъ, потомъ огляжу низъ его, потомъ его раскрою и осмотрю внутренность,-черезъ это получится рядъ психическихъ событій, - рядъ воспріятій различныхъ частей ящика. Но я не только не буду наблюдать при этомъ причинной зависимости между отдѣльными моментами ряда |напримѣръ, чтобы воспріятіе верха было п р и ч и н о й, п о р о ж д а л о воспріятіе боковъ|, я буду, наоборотъ; глубоко убѣжденъ, что тутъ вовсе и нѣтъ никакой причинной связи, а только простая послѣдовательность явленій. - Я могъ бы начать осмотръ снизу или съ внутренности и увидалъ бы рѣшительно то же самое, только въ другомъ порядкѣ. И, наоборотъ, если бы во время моего осмотра ящика вдругъ потухъ освѣщающій его свѣтъ, рядъ моихъ воспріятій прервался бы, все равно въ какомъ бы порядкѣ я ни осматривалъ ящикъ. Совершенно поэтому ясно, что въ данномъ психическомъ рядѣ явленія предшествующія вовсе не суть п р и ч и н ы послѣдующихъ; они только протекаютъ, но другъ друга не порождаютъ. Причина ихъ лежитъ не въ психическомъ

рядѣ, а въ чисто физическихъ раздраженіяхъ нашего глаза, исходящихъ изъ внѣшней среды. Психически мы имѣемъ здѣсь только послѣдовательность и ничего больше. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество: къ нимъ относятся всѣ случаи, въ которыхъ рядъ психическихъ измѣненій въ насъ вызывается прямымъ воздѣйствіемъ внѣшняго міра.

Существуетъ другая группа случаевъ, въ которыхъ, хотя причинная зависимость между данными психическими фактами и можетъ быть предположена|впрочемъ безъ полной достовѣрности... можно предположить причину просто въ нашемъ мозговомъ и нервномъ механизмѣ или же въ безсознательной дѣятельности души|, но прямо не усматривается и не наблюдается. Положимъ, я попалъ въ мѣстность, въ которой не былъ очень давно, но гдѣ живалъ когда то подолгу. И вотъ, всматриваясь въ окружающую меня обстановку, я вдругъ съ необыкновенною ясностью припоминаю какое - нибудь событіе, до такой степени забытое мною, что, кажется, его никогда и не было. Причина здѣсь, повидимому, на лицо: она заключается въ моихъ теперешнихъ воспріятіяхъ, въ томъ, что я у в и д ѣ л ъ мѣсто, гдѣ произошло это событіе; воспоминаніе возникло во мнѣ, какъ результатъ дѣйствія законовъ ассоціаціи идей по смежности и сходству.| Хотя,какъ я сейчасъ говорилъ, нельзя съ увѣренностью сказать, что мое сознательное воспріятіе знакомыхъ мѣстъ есть единственная и прямая причина всплывшаго во мнѣ воспоминанія. Очень возможно, что это мое воспріятіе дало только импульсъ моему нерв

но-мозговому аппарату или безсознательной душевной дѣятельности, и мое воспоминаніе попало въ сознаніе только въ видѣ отдѣленнаго результата весьма сложныхъ процессовъ. Но во всякомъ случаѣ я не имѣю непосредственнаго сознанія о той интимной связи, которая привязываетъ мое воспоминаніе къ переживаемымъ воспріятіямъ. Я не вижу той неизбѣжности, которая заставляетъ мое воспоминаніе возникнуть именно въ данный моментъ. Я могу даже быть очень удивленъ, что оно стоитъ передо мной такъ ярко, хотя казалось, что съ нимъ уже все кончено. Или другой случай: я озабоченно думаю о какомъ-нибудь вопросѣ и вдругъ нежданно-негаданно въ мое сознаніе врывается воспоминаніе о какой нибудь совершенно ничтожной и ничего не значащей для меня встрѣчѣ и развлекаетъ меня. Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ капризовъ ассоціаціи идей. Но въ чемъ онъ состоитъ, этого мы обыкновенно совсѣмъ не замѣчаемъ. Всего чаще мы бываемъ удивлены и раздосадованы этой внезапной помѣхой въ нашей внутренней работѣ.

Но есть еще и третья группа фактовъ, на которую я обращалъ ваше вниманіе въ моей прошлой лекціи. Вы хотите сдѣлать нѣкоторое опредѣленное движеніе рукой и дѣлаете его. Вы любите кого-нибудь и постоянно думаете объ этомъ лицѣ, желаете съ нимъ встрѣтиться и дѣлаете все отъ васъ зависящее, чтобы встрѣча состоялась. Вы ненавидите кого нибудь, и вамъ противенъ всякій успѣхъ, которымъ пользуется этотъ человѣкъ, особенно если этотъ успѣхъ относится къ обстоятельствамъ, кото-

рыя и заставили васъ его ненавидѣть, вы стараетесь разрушить его замыслы, - если ваша ненависть совсѣмъ покорила вашу душу,-вы будете искренно радоваться всякому его горю и страданію. Напротивъ, если вамъ кого-нибудь очень жаль, вы будете ломать себѣ голову, какъ помочь дорогому для васъ человѣку и совершите цѣлый рядъ дѣйствій, чтобы вывести его изъ печальныхъ обстоятельствъ или по крайней мѣрѣ облегчить его положеніе. Если вы задумались надъ какимъ-нибудь труднымъ теоретическимъ вопросомъ, вы будете перебирать въ своемъ умѣ все, что относится къ интересующей васъ проблемѣ и будете настойчиво пытаться сопоставить эти данныя такъ, чтобы изъ нихъ вышло рѣшеніе, отвѣчающее смыслу разсматриваемаго вопроса и т.д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а ихъ можно было бы привести очень много, для насъ не можетъ быть сомнѣнія, гдѣ причины и гдѣ слѣдствія въ переживаемыхъ нами состояніяхъ и совершаемыхъ нами дѣйствіяхъ. Мы безусловно увѣрены, что если бы мы не хотѣли даннаго рукѣ движенія, она сама отъ себя не совершила бы его. Мы очень хорошо знаемъ, что если бы мы не ненавидѣли, мы и не хотѣли бы сдѣлать нашему ближнему непріятность. Мы не менѣе хорошо знаемъ, что если бы данная задача не интересовала насъ ни въ какомъ отношеніи, мы не стали бы надъ ней трудиться. Во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ причинная связь между явленіями не только угадывается или выводится, она прямо и непосредственно усматривается и переживается. Для человѣка, желающаго насолить своему заклятому врагу,

незачѣмъ обращаться къ учебникамъ психологіи или объясненіямъ людей, умудренныхъ житейскимъ опытомъ, чтобы понять причину своего желанія: объ этомъ ему лучше всего скажетъ его собственное сердце.

---ооо---

Такимъ образомъ, послѣдовательность психическихъ событій въ насъ представляетъ т р и главные типа: I| Въ слѣдованіи психическихъ событій другъ за другомъ мы не только н е н а б л ю д а е м ъ ничего, кромѣ простого слѣдованія, но ничего больше и н е п р е д п о л а г а е м ъ. Причину каждаго даннаго звена ряда мы полагаемъ не въ предшествующихъ душевныхъ фактахъ, а внѣ психической сферы, - въ физическихъ процессахъ внѣ нашего организма или внутри его. Сюда относится весь нашъ чувственный опытъ, - такъ протекаютъ всѣ наши ощущенія. По крайней мѣрѣ,мы непосредственно относимъ всякое ощущеніе къ какимъ-нибудь раздраженіямъ. Притомъ, если это раздраженіе исходитъ отъ органовъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, то окончательная причина лежитъ внѣ организма человѣка; если же объ этихъ раздраженіяхъ даетъ знать намъ наше органическое чувство, тогда раздраженія вытекаютъ изъ тѣхъ внутреннихъ измѣненій, которыя мы переживаемъ въ собственномъ организмѣ. 2| Хотя мы наблюдаемъ только слѣдованіе психическихъ событій другъ за другомъ, иногда для насъ довольно даже неожиданное, мы все таки пред-

полагаемъ ту или другую внутреннюю причинную связь между ними.|сюда относятся факты возникновенія воспоминаній, внезапнаго пробужденія новыхъ мыслей, случайной и непроизвольной игры нашего воображенія|.3| Мы не только внутренно наблюдаемъ слѣдованіе психическихъ фактовъ другъ за другомъ,но и причинную связь между ними.

----ооо----

Какимъ же общимъ свойствомъ отличаются факты этой третьей группы? Во всѣхъ нихъ можно отмѣтить 2 признака: I| Полное логическое соотвѣтствіе между содержаніемъ причины и содержаніемъ слѣдствія |одно выводимо изъ другого, если, можетъ быть, не во всѣхъ деталяхъ, то, во всякомъ случаѣ, въ своемъ общемъ содержаніи.|2| Присутствіе в о л и, д ѣ я т е л ь н а г о с т р е м л е н і я, а к т и в н о с т и, у с и л і я... какъ необходимаго момента въ звеньяхъ воспринимаемаго причиннаго ряда. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ движемъ нашею рукою, воспринимаемое нами движеніе руки есть только изображеніе или повтореніе того движенія, которое мы задумали раньше. Когда изъ жалости мы помогаемъ кому нибудь, смыслъ нашихъ дѣйствій находится въ полномъ соотвѣтствіи съ нашимъ общимъ желаніемъ облегчить чужія страданія наиболѣе пригоднымъ для того путемъ. Тутъ это желаніе во всемъ своемъ мыслимомъ содержаніи только переводится на внѣшнія дѣйствія. Когда мы обдуманно и сознательно рѣшаемъ какую-нибудь задачу, пріемы нашего рѣшенія представляютъ логически неизбѣжное слѣдствіе самаго существа задачи. Такъ, по крайней мѣрѣ, бы-

ваетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы поступаемъ цѣлесообразно, т.е. вѣрно понимаемъ условія, въ которыхъ намъ приходится дѣйствовать. Однако, и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы заблуждаемся, наши дѣйствія находятся въ полномъ логическомъ соотвѣтствіи и съ нашими желаніями и съ нашими ошибками въ оцѣнкѣ обстоятельствъ дѣла. Въ этомъ смыслѣ всякіе сознательные поступки человѣка имѣютъ с у б ъ е к т и в н у ю ц ѣ л е с о о б р а з н о с т ь|.

Съ другой стороны, непремѣннымъ признакомъ фактовъ разсматриваемой группы является наличность в о л и и д ѣ я т е л ь н ы х ъ с т р е м л е н і й. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,во всѣхъ примѣрахъ, которые я привелъ,одно изъ звеньевъ процесса въ началѣ или серединѣ его непремѣнно воля, которая всегда даетъ душѣ какія нибудь дѣятельныя стремленія. Положимъ, я кого нибудь жалѣю; въ этомъ уже коренится стремленіе помочь, которое переходитъ въ рѣшеніе помочь, и воля помочь воплощается въ рядѣ дѣйствій. Я желаю извѣстнымъ образомъ двинуть рукой; тутъ уже воля является начальнымъ моментомъ дѣйствія. Активность въ широкомъ смыслѣ еще болѣе присуща нашимъ чувствамъ, желаніямъ и всему тому, что можно подвести подъ понятіе стремленія. Понятіе д ѣ я т е л ь н о с т и, а к т и в н о с т и, у с и л і я представляетъ какъ бы особую п с и х о л о г и ч е с к у ю к а т е г о р і ю. |высшее неразложимое понятіе|, извлекаемую изъ того порядка душевныхъ явленій, о которомъ я говорю теперь. Въ этомъ понятіи мы обоб-

щаемъ непосредственно усматриваемое и переживаемое въ нашихъ усиліяхъ и стремленіяхъ ихъ п р о и з в о д я щ е е или п р и ч и н я ю щ е е отношеніе къ ихъ эффектамъ, |т.е. что именно они, а не что-нибудь другое, суть п р и ч и н ы данныхъ дѣйствій. Я двинулъ рукою, потому что хотѣлъ и только потому|. Этотъ непосредственно воспринимаемый мною моментъ непремѣнно долженъ присутствовать во всѣхъ случаяхъ этой категоріи, разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ, и всѣ эти случаи, собственно говоря, только въ той мѣрѣ и понятны въ послѣдовательныхъ составляющихъ ихъ психическихъ звеньяхъ, поскольку они опредѣляются нашей собственной активностью. Наоборотъ, тѣ элементы въ нихъ, которые вносятся извнѣ, въ которыхъ выражается зависимость нашей дѣятельности отъ причинъ для нея посторонніихъ, именно эта сторона дѣла оказывается для насъ непосредственно закрытой. Тутъ мы уже связи причинъ и слѣдствій не видимъ. Въ нашихъ же случаяхъ это п р о и з в о д я щ е е или п р и ч и н н о е отношеніе нашей дѣятельной воли къ переживаемымъ нами состояніямъ, какъ ея дѣйствіямъ, достигаетъ замѣчательной наглядности. Положимъ, я х о ч у сдѣлать усиліе и дѣлаю его. Здѣсь мое настойчивое хотѣніе сдѣлать усиліе само есть своего рода у с и л і е, оно уже имѣетъ форму твердо выраженнаго стремленія, которое мной овладѣло, и такимъ образомъ въ данномъ случаѣ причина есть усиліе въ его зарожденіи, дѣйствіе есть усиліе въ его развитіи, при

немъ всѣ моменты этого перехода не только протекли передъ нами и пережиты нами, но они п р о д ѣ л а н ы нами, - вѣдь усиліе это н а ш е. Или я хочу сосредоточиться на чемъ-нибудь и сосредоточиваюсь, |здѣсь тоже самое: хотѣніе сосредоточится есть уже отвращеніе своей мысли отъ всего другого|. Или я хочу о чемъ нибудь не думать, |здѣсь повторное удаленіе данной мысли есть только продолженіе того перваго сопротивленія ей, которое я оказалъ ей именно тѣмъ самымъ, что не захотѣлъ о ней думать|. Вѣдь и это нехотѣніе есть сопротивленіе, есть возстаніе противъ нея. **Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ различіе моментовъ не столько во времени, сколько въ достигнутой интенсивности** въ однородномъ содержаніи| самомъ усиліи|.

Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, мы уже не имѣемъ такой наглядности переживаемаго нами внутренняго причиннаго процесса; намъ уже не въ такой степени все въ немъ ясно и очевидно въ своемъ внутреннемъ неизбѣжномъ развитіи; его мгновенія уже не имѣютъ качественной однородности, болѣе того, его моменты, вытекающіе изъ нашихъ дѣятельныхъ стремленій и актовъ нашей воли, хотя и зависятъ отъ этихъ стремленій и актовъ, но очевиднымъ образомъ не отъ нихъ однихъ. Я двигаю рукой по своему желанію; но вѣдь это лишь до тѣхъ поръ, пока рука моя здорова, - если она будетъ парализована, она будетъ неподвижна, не смотря ни на какія мои усилія, хотя съ другой стороны, она была бы неподвижна и теперь, при своемъ здоровомъ состояніи, если бы я н е х о т ѣ л ъ, чтобы она

двигалась, |такъ и въ другихъ примѣрахъ, - чтобы помочь или повредить, надо быть способнымъ къ дѣйствію, если бы моя способность дѣйствовать была парализована, то я остался бы при одномъ желаніи, и никакого дѣйствія съ моей стороны не послѣдовало бы: чтобы разрѣшить научный вопросъ, надо имѣть здоровую и ясную голову и т.д.|. Во всѣхъ этихъ случаяхъ воля является не единственнымъ факторомъ, рядомъ съ нею присутствуютъ и другіе|въ видѣ помогающихъ или препятствующихъ ей условій|. Вслѣдствіе этого не всѣ звенья ряда намъ одинаково ясны и понятны, - нѣкоторыя, напротивъ, тусклы и загадочны. Въ этомъ случаѣ, какъ еще болѣе ясно увидимъ впослѣдствіи,можно выставить такое общее правило: наши дѣйствія, ровно настолько намъ непосредственно понятны, поскольку они зависятъ отъ насъ самихъ. Напротивъ, въ нихъ загадочно и недоступно въ своемъ внутреннемъ механизмѣ все то, что внесено посторонними для насъ фактами. Хотя все - таки каждый изъ подобныхъ случаевъ имѣетъ гѣ 2 признака, о которыхъ я говорилъ сей часъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть нѣкоторыя отдѣльныя звенья остаются загадочны, и мы относимся къ нимъ пассивно, какъ къ нѣкоторому данному факту, но все же въ общемъ характерѣ переживаемой нами внутренней причинности присутствуетъ и вышеназванное усиліе и внутреннее логически понятное соотвѣтствіе переживаемыхъ нами причинъ съ вытекающими изъ нихъ дѣйствіями. Ну, положимъ, я хочу рѣшить задачу, и задача, въ концѣ концовъ, оказывается

рѣшенной соотвѣтственно своему смыслу и соотвѣтственно моему желанію освѣтить ее съ извѣстной стороны. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ присутствуютъ,какъ неизбѣжно входящія звенья, наши стремленія въ формѣ желаній и акты нашей воли въ формѣ усилій къ направленію насъ къ тому или другому опредѣленному результату.

---ooo---

Эти на основанія опыта полученные выводы о нашемъ непосредственномъ переживаніи внутренней причинности духа, вѣроятно, вызвали бы возраженіе со стороны очень многихъ психологовъ...Между ними существуютъ цѣлыя школы, которыя отрицаютъ духовную причинность вообще: наглядная иллюстрація къ тому общему факту, что въ психологіи очень часто самыя ясныя показанія опыта отвергаются ради предвзятыхъ теоретическихъ соображеній. - Фактъ особенно характерный и, такъ сказать, исключительный для психологіи, потому, что въ другихъ наукахъ не замѣчается. Намъ еще неоднократно придется вернуться къ его причинамъ. Это отрицаніе въ современной психологіи имѣетъ двоякую форму - болѣе умѣренную и болѣе крайнюю. Болѣе умѣренная не отрицаетъ психической причинности совсѣмъ, она ее только совершенно обособляетъ отъ причинности физической но въ своей сферѣ даетъ, можетъ быть,

болѣе широкое ей мѣсто, нежели предполагаетъ наше обычное, не руководящееся никакими предвзятыми положеніями наблюденіе.. По ея коренному принципу, ни физическія явленія не могутъ быть причинами психическихъ, ни наоборотъ; психическія событія имѣютъ всегда п с и х и ч е с к і я п р и ч и н ы, физическія - ф и з и ч е с к і я, но никакого взаимнаго вліянія, никакого переплетенія между видами причинности быть не можетъ. Психическіе и физическіе ряды только всегда совпадаютъ въ результатахъ и развиваются п а р а л л е л ь н о не только въ насъ, но и во всемъ мірѣ. Все физическое имѣетъ психическую подкладку. Всякій физическій фактъ имѣетъ соотвѣтствующій психическій, но они другъ въ другѣ не отражаются; физическая и психическая сторона, каждая развивается сама по себѣ, представляя вполнѣ замкнутый, нигдѣ не прерываемый рядъ причинъ. Эта теорія, носящая названіе теоріи параллелизма, впервые возникла у Спинозы и сдѣлалась очень популярна. Въ 19-мъ вѣкѣ она получила очень широкое развитіе прежде всего у знаменитаго физіолога и психолога Фехнера, а потомъ у очень многихъ представителей современной психологіи, напримѣръ Паульсена, Вунда Съ этой точки зрѣнія окажется, что мы переживаемъ настоящую причинность, когда мы хотимъ думать о какой нибудь вещи и думаемъ, но когда мы захотимъ двинуть рукой и двинемъ, то тутъ только совпаденіе: рука двинулась вслѣдствіе однихъ физическихъ причинъ, которыя протекли въ нашемъ мозгу, а то, что тутъ была еще воля, это только сопровождающее об-

стоятельство, но не какой нибудь рѣшающій факторъ, что либо прибавляющій къ условіямъ возникновенія явленія. Первый типъ послѣдовательности психическихъ явленій, т.е. когда предполагается, что они только протекаютъ другъ за другомъ и вызваны чѣмъ то постороннимъ, этотъ типъ совершенно отрицается. Ничто физическое не можетъ породитъ что либо психическое. Поэтому, если обратиться къ тѣмъ вышеназваннымъ тремъ типамъ послѣдовательности психическихъ явленій, то выйдетъ, что эта теорія собственно признаетъ только второй типъ послѣдовательности психическихъ явленій и третій съ важнымъ ограниченіемъ: наши усилія имѣютъ отношеніе лишь къ нашимъ душевнымъ состояніямъ, но не къ тѣлеснымъ движеніямъ, - эти послѣднія возникаютъ сами собою. Въ болѣе крайней формѣ психическая причинность отрицается безусловно, какъ въ отношеніи физическихъ, такъ и самихъ п с и х и ч е с к и х ъ явленій. К а ж д о е психическое явленіе о д и н а к о в о есть результатъ какого нибудь физіологическаго процесса въ мозгу, и н и о д н о не можетъ имѣть обратнаго вліянія на мозгъ |физіологическій процессъ непрерывенъ и замкнутъ въ себѣ|. Психическіе факты чисто субъективные показатели фактовъ физическихъ не больше. Они слѣдуютъ другъ за другомъ не потому, чтобы вызывали другъ друга, а потому что вызываютъ другъ друга отвѣчающіе имъ физико-химическіе процессы въ мозгу. Эта теорія э п и ф е н о м е н и з м а. Для нея существуетъ только послѣдовательность душевныхъ состояній пер-

ваго типа. Съ этой точки зрѣнія переживаемая нами душевная самодѣятельность есть только иллюзія.

---ооо---

Прошлую мою лекцію я посвятилъ выясненію той важной истины, что въ нѣкоторыхъ психическихъ явленіяхъ мы непосредственно воспринимаемъ внутреннюю причинную связь между ними. Указывалъ я и на то возраженіе, съ которымъ можно встрѣтиться при разсмотрѣніи этого вопроса. Существуетъ взглядъ, по которому психическіе факты сами по себѣ не могутъ быть ни чему п р и ч и н о й. Это только субъективныя отраженія процессовъ въ нашемъ мозгѣ, а въ этихъ процессахъ нѣтъ никакой другой необходимости, кромѣ чисто физической. Поэтому психическія факты не имѣютъ никакого вліянія ни на то, что дѣлается въ мозгу, ни другъ на друга. Они только отражаютъ мозговыя измѣненія, но сами совершенно б е з д ѣ й с т в е н н ы| Эпифеноменизмъ|.

Впослѣдствіи мы подробно остановимся на этомъ взглядѣ и я постараюсь вамъ показать, насколько поспѣшенъ и неправиленъ такой судъ надъ прямыми свидѣтельствами внутренняго опыта. Теперь въ этомъ нѣтъ нужды, - и по простой причинѣ. Отвергая психическую причинность въ принципѣ, психологи всѣхъ школъ признаютъ ее на фактѣ и не могутъ посту

пать иначе въ виду требованій очевидности. Эпифеноменистъ, напримѣръ, думаетъ, что психическія явленія сами по себѣ ничего породить не могутъ, но факты 3-ой группы онъ съ немногими измѣненіями толкуетъ такъ же, какъ и мы. Онъ не считаетъ волю п р и ч и н о й движенія руки, чувства и стремленія - п р и ч и н а м и поступковъ, но зато онъ видитъ въ нихъ н е о б х о д и м о е п р е д ш е с т в у ю щ е е у с л о в і е данныхъ эффектовъ. Онъ всетаки согласенъ, что не будь моего х о т ѣ н і я, рука не двинулась бы, не будь жалости, я бы не сталъ помогать, не будь ненависти, я бы не сталъ отвращаться отъ человѣка или вредить ему. Для него только и хотѣніе и жалость суть субъективные показатели отвѣчающихъ имъ физическихъ процессовъ, которые и п р о и з в о д я т ъ я в л е н і я. Съ этой точки зрѣнія опять выходитъ, что мы воспринимаемъ внутри себя настоящую причинную связь происходящаго съ нами и вѣрно усматриваемъ отношеніе моментовъ дѣйствій только не прямо, а чрезъ призму субъективныхъ показателей. Различіе получается лишь въ теоретической тонкости, причемъ остается вполнѣ непостижимымъ, откуда въ сознаніи взялось такое ясновидѣніе истиннаго причиннаго порядка явленій, хотя мы ихъ воспринимаемъ не въ ихъ настоящемъ видѣ. Во всякомъ случаѣ фактъ внутренняго воспріятія причинныхъ связей совершающагося въ насъ признается, а пускаться въ анализъ всѣхъ его возможныхъ объясненій было бы теперь преждевременнымъ

Воспріятіе внутренней дѣйствительности душевной жизни и прямое усмотрѣніе причинной связи ея процессовъ суть такія преимущества самонаблюденія, которыхъ не имѣетъ никакой другой методъ и которыя выдвигаютъ философское значеніе психологіи и даютъ ей особое положеніе среди другихъ наукъ. Отчего же психологія находится въ такомъ несовершенномъ состояніи? - Отчего же относительно ея будущаго едва ли могутъ быть такія увѣренныя надежды, какія мы питаемъ по отношенію, напримѣръ, къ будущему астрономіи, механики. Дѣло въ томъ, что если велики достоинства метода самонаблюденія, то велики и его недостатки.

---ooo---

Среди недостатковъ, принадлежащихъ самой природѣ нашего самонаблюденія сравнительно съ наблюденіемъ внѣшняго міра, прежде всего приходится остановиться на той общей формѣ, въ которой намъ являются психическіе факты. Всѣ предметы внѣшняго опыта даны намъ въ п р о с т р а н с т в ѣ, всѣ факты внутренняго опыта даны намъ только в о в р е м е н и. Отсюда получается очень важное различіе между науками физическими и психологіей, которое служитъ не въ пользу послѣдней. Ко всѣмъ

вещамъ и процессамъ внѣшней природы прилагаются законы геометріи и наукъ, съ ней связанныхъ| напримѣръ механики|; напротивъ, къ процессамъ нашего внутренняго опыта ни геометрія, ни механика въ сколько нибудь опредѣленномъ значеніи этого термина не имѣютъ никакого примѣненія. Между тѣмъ наше точное, математическое знаніе какихъ бы то ни было явленій находится въ тѣсной зависимости отъ приложимости къ нимъ геометрическихъ и механическихъ схемъ, - вся исторія науки подтверждаетъ это... Бытіе въ пространствѣ несравненно устойчивѣе для нашей мысли, чѣмъ бытіе только во времени. Въ пространствѣ заразъ дано безконечно много, притомъ въ очень многообразныхъ и абсолютно опредѣленныхъ отношеніяхъ. |пространство по самому общему смыслу ф о р м а с о с у щ е с т в о в а н і я|. Время есть общая форма с л ѣ д о в а н і я явленій, въ немъ все неудержимо протекаетъ и не стоитъ неподвижно... Въ пространствѣ цѣлыхъ т р и измѣренія, - про время обыкновенно говорятъ, что въ немъ только о д н о измѣреніе. Однако, и это одно измѣреніе отличается отъ измѣреній въ пространствѣ очень невыгоднымъ свойствомъ: длина въ пространствѣ представляетъ нѣчто заразъ данное во всѣхъ своихъ звеньяхъ, ее можно поэтому пройти и впередъ, и,повторнымъ движеніемъ,назадъ; напротивъ,длина во времени выражается непрерывнымъ и абсолютнымъ исчезновеніемъ всѣхъ предшествующихъ моментовъ при наступленіи каждаго новаго, - поэтому возвратное движеніе по ней совершенно немыслимо. Оттого все данное въ пространствѣ

и з м ѣ р и м о: каждую данную въ немъ величину мы можемъ сравнить съ другими намъ извѣстными и можемъ разнообразно передвигать эти вторыя величины, чтобы во всей точности опредѣлить, сколько разъ они займутъ то мѣсто, которое занято измѣряемой величиной. И это относится не только къ неподвижнымъ предметамъ въ пространствѣ, - это одинаково справедливо и о процессахъ въ немъ. Вѣдь процессы въ пространствѣ сводятся къ различнымъ видамъ движенія. Между тѣмъ всякое движеніе проходитъ какія - нибудь разстоянія и измѣряется линіями пройденныхъ путей. Подобнымъ же образомъ измѣряется скорость движенія черезъ сравненіе проходимыхъ путей съ линіями знакомыхъ намъ движеній |напримѣръ, стрѣлки по циферблату часовъ|. Наоборотъ, время | взятое отдѣльно отъ пространства | н е и з м ѣ р и м о въ точномъ смыслѣ слова. Вся суть времени въ томъ, что все, въ немъ данное, непрерывно проходитъ. Оттого явленія, которыя совершаются только во времени, могутъ быть измѣряемы лишь приблизительно и притомъ косвеннымъ образомъ |черезъ сопоставленіе съ пространственными измѣненіями, когда, напримѣръ, мы измѣряемъ теченіе нашихъ душевныхъ состояній часами|. Но, какъ я вамъ указывалъ по поводу психометріи, вѣдь измѣряются, въ концѣ концовъ, только внѣшнія дѣйствія, которыми мы обозначаемъ начало и конецъ для насъ психическаго процесса, самый же психическій процессъ для строгаго вычисленія совершенно неуловимъ. Это несомнѣнно очень важный недостатокъ, который дѣлаетъ невозможнымъ

изученіе психическихъ явленій съ количественной стороны.

Съ этимъ первымъ недостаткомъ тѣсно связанъ второй: все подлежащее времени, какъ своей исключительной формѣ, неудержимо протекаетъ со всѣмъ своимъ содержаніемъ; поэтому, хотя вѣрно, что психическіе факты открываются нашему самонаблюденію въ своей внутренней полной дѣйствительности, но это относится только къ каждому переживаемому моменту, т.е. къ п с и х о л о г и ч е с к о м у н а с т о я щ е м у, которое, какъ увидимъ потомъ, надо отличать отъ настоящаго въ абсолютномъ смыслѣ, какъ совершенно недѣлимаго момента въ а б с т р а к т н о м ъ в р е м е н и. Собственно, настоящее, какъ нѣчто недѣлимое, какъ абстракція, нами никогда не переживается и никогда внутренне не воспринимается. Такъ что воспринимаемое всегда есть что-то длительное, продолжающееся, хотя бы самое короткое время. Въ этомъ смыслѣ настоящее, съ которымъ имѣетъ дѣло наше сознаніе, есть только приблизительно настоящее. И мы имѣемъ всегда на лицо только воспринимаемый нами нѣкоторый длительный процессъ, въ которомъ мы, однако, заразъ схватываемъ и начало, и конецъ. Какъ это возможно, это вопросъ чрезвычайно трудный, о которомъ много придется говорить. Вы увидите впослѣдствіи принципіальное значеніе этого факта, но во всякомъ случаѣ для непосредственнаго воспріятія настоящее дано уже какъ нѣкоторое сочетаніе изъ прошлаго, будущаго и чего-то неуловимаго, что въ этомъ случаѣ составляетъ

настоящее. Но если даже такъ будемъ понимать настоящее, въ чисто психологическомъ смыслѣ, то всетаки придется сказать, что наше настоящее содержитъ въ себѣ только очень ограниченный кругъ данныхъ, по крайней мѣрѣ ясно сознаваемыхъ данныхъ; зразъ мы можемъ вмѣщать въ себѣ только весьма небольшое количество психическихъ фактовъ. Своего прошлаго мы не воспринимаемъ прямо, оно дается намъ только въ посредствующей формѣ в о с п о м и н а н і я. Ни одинъ душевный процессъ, |сознаваемый, какъ таковой| не попадаетъ въ наше настоящее цѣликомъ, въ каждый настоящій моментъ мы переживаемъ только его отдѣльныя звенья, имѣя предшествующія звенья лишь въ в о с п о м и н а н і й, послѣдующія лишь въ о ж и д а н і и. Черезъ это вопросъ о природѣ воспоминанія получаетъ первостепенное значеніе для психологическаго метода. Конечно, большую часть нашей психической живни мы имѣемъ какъ данное воспоминаній. И вотъ мы наталкиваемся на слѣдующій фактъ: наша память по крайней мѣрѣ, сознательная, |наша бевсознательная память гораздо шире и богаче содержаніемъ, о чемъ подробно будемъ говорить впослѣдствіи| есть довольно тусклое, а во многихъ отношеніяхъ и прямо невѣрное, зеркало пережитаго нами; не говоря уже о бевчисленныхъ и н д и в и д у а л ь н ы х ъ различіяхъ въ устройствѣ памяти у отдѣльныхъ людей, - наша способность воспоминанія уже по своимъ основнымъ свойствамъ обладаетъ важными недостатками, какъ общаго, такъ и спеціальнаго характера. Главный ея общій недостатокъ состоитъ:

въ н е п о л н о т ѣ воспроизведенія пережитыхъ процессовъ. Память наша сохраняетъ только наиболѣе рѣзкіе и яркіе моменты въ нихъ. Напротивъ мелкія детали, хотя онѣ иногда могутъ имѣть очень существенное значеніе, обыкновенно теряются безслѣдно. Это можетъ испытать на себѣ каждый, кто, только что переживъ что-нибудь, особенно заинтересованъ въ томъ, чтобы вспомнить всѣ подробности протекшаго событія: онъ очень скоро съ грустью убѣдится, что очень многіе пункты въ воспоминаемой картинѣ оказываются пустыми и темными, хотя бы она только что прошла передъ нами, и хотя бы мы отнеслись къ ней съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ. Такимъ образомъ наша память очень многое п р о п у с к а е т ъ въ пережитой нами дѣйствительности. Ея другой недостатокъ въ томъ, что она нерѣдко положительнымъ образомъ и с к а ж а е т ъ наше прошлое. Здѣсь, напримѣръ, приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, что можно назвать т е н д е н ц і о з н о с т ь ю нашей памяти. Моменты тяжелые или постыдные въ нашемъ прошломъ обыкновенно плохо удерживаются памятью, - за исключеніемъ случаевъ, когда человѣкъ прямо начинаетъ смаковать то, что имъ пережито, или для того, чтобы самого себя убѣдить въ полной отчаянности своего положенія, или въ порывѣ мести какимъ - нибудь особеннымъ обстоятельствамъ, - но обыкновенно память, подчиняясь нѣкоторому побужденію самосохраненія, какъ бы убѣгаетъ отъ нихъ. Мы

стараемся забыть непріятности, и онѣ или совсѣмъ исчезаютъ или сохраняются въ гораздо меньшей отчетливости и яркости, чѣмъ это произошло бы при иныхъ условіяхъ. Напротивъ, моменты пріятные или, хотя и безразличные, но интересные своимъ разнообразіемъ запоминаются нами хорошо. Оттого наша память о п т и м и с т и ч н а |это сказывается въ любопытныхъ аберраціяхъ памяти: самые тяжелые періоды нашей жизни иногда не только вспоминаются потомъ съ удовольствіемъ, но серьезно разсматриваются самими воспоминающими, какъ время для нихъ очень счастливое или даже, какъ самое счастливое время въ ихъ прошломъ. Вѣроятно, многіе изъ васъ слыхали отъ людей, бывавшихъ на войнѣ и испытавшихъ при этомъ самыя тяжелыя ощущенія горя страха, отчаянія, холода, голода, быть можетъ жестокихъ физическихъ страданій отъ болѣзней и ранъ, что это все таки было самое счастливое время ихъ жизни. Какъ объяснить этотъ фактъ? Сказывается ли въ такой оцѣнкѣ просто слѣдствіе пріятнаго контраста между прежними волненіями и теперешнимъ спокойствіемъ, который заставляетъ думать о пережитыхъ бѣдствіяхъ съ удовольствіемъ? Едва ли дѣло только въ этомъ: вѣдь тогда бы все таки сохранилось сознаніе о бѣдственности прошлаго. Скорѣе здѣсь мы имѣемъ болѣе сложный случай: тяжелые моменты былого времени въ памяти потускнѣли и сгладились, а то, что было въ немъ привлекательнаго, - разнообразіе впечатлѣній, подъемъ душевной энергіи, необычайная полнота жизни, - это все не только оста-

лось въ воспоминаніи, но, быть можетъ, даже и выросло противъ своего дѣйствительнаго уровня|....
Въ самомъ дѣлѣ надо считаться и съ этимъ послѣднимъ факторомъ: на помощь памяти слишкомъ часто приходитъ в о о б р а ж е н і е и дополняетъ отъ себя забытые моменты событій, всегда сначала въ формѣ предположенія, а потомъ уже это сливается въ цѣлую картину воспоминаемаго нами какъ такое же входящее въ него звено, какъ и всѣ другія. Оно нечувствительно передѣлываетъ прошлое или украшая его или, напротивъ, омрачая, смотря по нашему настроенію. Оттого на свѣтѣ такъ много безсознательныхъ лгуновъ. Это недостатокъ практическій, но вѣдь основа, на которой вырастаетъ этотъ недостатокъ, должна имѣть огромное теоретическое значеніе; вѣдь подобныя операціи по поводу другихъ мотивовъ, а не всегда только мотивовъ пріятнаго и непріятнаго, могутъ являться въ области нашей памяти, и когда мы анализируемъ пережитыя психическія событія только съ точки врѣнія различныхъ теоретическихъ вопросовъ.

---ооо---

Рядомъ съ этимъ приходится указать на важные спеціальные недостатки нашей памяти. Далеко не всѣ психическія состоянія, при равныхъ условіяхъ, воспроизводятся въ нашемъ воспоминаніи одинаково хо

рошо. Напротивъ, здѣсь существуетъ огромная градація отупеней. Обратимся къ ощущеніямъ. Мы сравнительно хорошо воспроизводимъ въ памяти цвѣта, оттѣнки, видимыя формы, движенія, звуки и ихъ различныя сочетанія. Но ощущенія, такъ называемыхъ, н и з ш и х ъ чувствъ воспроизводятся гораздо хуже Попробуйте со всею отчетливостью, съ такою, съ какой вы вспоминаете предметъ, видимый для глаза, вспомнить вкусъ или запахъ даже какого-нибудь очень знакомаго вамъ вещества или предмета. Вы скоро почувствуете внутреннее затрудненіе... Вы замѣтите, что въ вашемъ воспоминаніи не хватаетъ чего то очень существеннаго. Если дѣло идетъ о запахѣ, вы хорошо вспомните его дѣйствіе на дыханіе |удушливъ онъ или нѣтъ|, вспомните его осязательное и органическое дѣйствіе |острый онъ или нѣтъ|, вспомните его характеръ дѣйствія на ваше самочувствіе |пріятный онъ или непріятный|; но самая суть запаха, его непередаваемое внутреннее качество,- которое вы, однако, отлично знаете, пока предметъ нюхаете и сейчасъ же узнаете, когда опять понюхаете, - отъ васъ куда-то ускользнетъ; не то, чтобы его совсѣмъ не было, но является не совсѣмъ то, что дѣйствительно бываетъ. Мы постоянно будемъ давать невѣрную оцѣнку прошлому, если будемъ судить только по воспоминаніямъ. Если отъ запаха что и осталось въ вашемъ сознаніи, то весьма неясно, тускло и неопредѣленно. То же самое относится и къ вкусу. Попытайтесь вспомнить вкусъ чернаго хлѣба такъ же ясно, какъ вы, положимъ, вспоминаете цвѣтъ его. Опять и это едва ли удастся вамъ:

вы вспомните не самый вкусъ, а скорѣе его сопровождающія обстоятельства: вяжущее дѣйствіе на ротъ, обонятельное воздѣйствіе на дыхательный процессъ и т.д. Но то, что во вкусѣ есть самаго существеннаго, опять внутренно куда то уплыветъ отъ васъ или получитъ очень неясный обликъ .

---ооо---

И это относится далеко не къ однимъ ощущеніямъ обонянія и вкуса. Въ душѣ, пожалуй, гораздо болѣе состояній слабо воспроизводимыхъ, чѣмъ хорошо воспроизводимыхъ. Это не значитъ,однако, что они совсѣмъ забываются, - равъ мы ихъ узнаемъ,при всякомъ новомъ воспріятіи, какъ давно знакомыя, - значитъ, мы ихъ п о м н и м ъ, но отчетливо воспроизвести воображеніемъ не можемъ. Въ этомъ отношеніи нужно очень различать между з а п о м и н а е м о с т ь ю и в о с п р о и з в о д и м о с т ь ю по произволу. Чувство обонянія иногда называютъ чувствомъ памяти по преимуществу. Дѣйствительно, когда мы услышимъ какой нибудь раньше испытанный нами хорошій запахъ, мы не только необыкновенно ярко вспоминаемъ прежде полученное ощущеніе этого запаха, но это воспоминаніе служитъ особенно живымъ стимуломъ для того, чтобы напомнить намъ все то, что было съ этимъ запахомъ связано, всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ мы его впер-

вые восприняли. Можетъ быть, ничто такъ хорошо не напоминаетъ прежде пережитое, какъ какой нибудь характерный запахъ, когда то воспринятый, потомъ забытый; воспринятый вновь, онъ возвращаетъ намъ воспоминаніе о себѣ въ прошломъ и при этомъ чрезвычайно оживляетъ и все другое, что съ нимъ когда то было связано. Но что касается воспроизводимости, то, несомнѣнно, въ сферѣ обоняніе она является весьма слабой, точно такъ же, какъ и во многихъ другихъ сферахъ чувствованія. Возьмемъ чувство боли, - оно сказывается въ положеніи совершенно аналогичномъ обонятельнымъ и вкусовымъ ощущеніямъ. И тутъ мы вспоминаемъ скорѣе сопровождающія обстоятельства, чѣмъ самую боль. Мы помнимъ, длящаяся она или прерывистая, тупая или острая, рѣжущая или ноющая, выносимая или совсѣмъ нестерпимая. Т. е. мы вспоминаемъ свойства ея теченія, ея осязательнаго воздѣйствія, ея отношенія къ нашему общему самочувствію скорѣе въ смыслѣ отвлеченной характеристики: можно ее перенести или нельзя, въ какой степени можно сопротивляться, а не то, что составляетъ въ ней для насъ главное и отъ чего зависитъ все остальное, хотя мы тотчасъ же узнаемъ это главное, когда ощутимъ боль, испытанную раньше. Но пока этого нѣтъ, до тѣхъ поръ мы настолько неясно можемъ ее воспроизводить, что часто даемъ ей невѣрную оцѣнку. Это очень часто встрѣчающееся въ жизни явленіе, что люди испытывающіе самыя мучительныя ощущенія, когда послѣднія кончатся, довольно легкомысленно идутъ имъ навстрѣчу потому, что не въ состояніи ихъ вообразить.

Имъ кажется, что это не такъ страшно, хотя это и окажется именно такимъ, когда они начнутъ снова переживать извѣстную категорію ощущеній.

Слабо воспроизводимыми оказываются факты и болѣе сложнаго высокаго порядка. |Попытайтесь во всѣхъ подробностяхъ и со всею отчетливостью вспомнить какое-нибудь очень сильное чувство, владѣвшее всѣмъ вашимъ существомъ, но которое теперь уже прекратилось и мотивы для котораго совсѣмъ исчезли. Исполнить эту задачу легче, чѣмъ вспомнить боль или запахъ, но разрѣшается она все таки лишь окольнымъ путемъ: чтобы вспомнить прежнее чувство, надо усиліемъ воображенія совсѣмъ отвлечься отъ новыхъ обстоятельствъ нашей жизни и всецѣло перенестись въ прежнюю обстановку и въ прежнія житейскія отношенія. Чѣмъ ярче мы ихъ себѣ представимъ, не думая ни о чемъ другомъ, тѣмъ яснѣе проснется въ насъ прежнее чувство, но уже не въ качествѣ безстрастной идеи о чувствѣ, а въ видѣ его, хотя и слабаго, но повторнаго переживанія. Какъ чужія чувства мы понимаемъ, только живо поставивъ себя въ положеніе другихъ, и принудивъ себя внутренно пережить то, что они должны испытывать, такъ и свои собственныя чувства въ прошломъ мы воспроизводимъ ясно черезъ ихъ повторное симпатическое переживаніе|.

Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и объ актахъ нашей воли. Во время совершенія нашихъ дѣйствій мы всѣмъ существомъ чувствуемъ ихъ полную зависимость отъ насъ и ихъ происхожденіе изъ нашихъ внутреннихъ рѣшеній и усилій. Но когда дѣло кончено, мы часто съ недоумѣніемъ спрашиваемъ се-

бя: гдѣ же тутъ была наша добрая воля? И мы часто готовы свалить на неизбѣжное сцѣпленіе обстоятельствъ тѣ самые свои поступки, которые всецѣло вмѣняли себѣ, когда совершали ихъ. Только путемъ сосредоточеннаго и добросовѣстнаго воспроизведенія въ нашемъ воспоминаніи всѣхъ обстоятельствъ нашего поведенія мы можемъ до нѣкоторой степени воспроизвести для себя и добровольность ихъ опять черезъ повторное переживаніе тогдашняго состоянія и тогдашняго самочувствія. Что акты воли въ воспоминаніи воспроизводятся плохо, это доказывается и болѣе элементарными фактами. Пока я по произволу двигаю рукою въ разныя стороны, я совершенно увѣренъ, что я самъ ею двигаю. Но когда движеніе кончилось, я уже могу испытывать сомнѣніе, точно ли я не былъ къ тому вынужденъ и дѣйствовалъ по собственному почину? Сомнѣніе ослабляется здѣсь только легкостью повѣрки.

Напротивъ, легко воспроизводимыми, кромѣ ощущеній врительныхъ, слуховыхъ, нѣкоторыхъ осязательныхъ въ особенности смѣшанныхъ съ ощущеніями мускульнаго чувства, чисто мускульныхъ, и всѣхъ безчисленныхъ представленій нашего ума, возникшихъ изъ разнообразныхъ комбинацій въ этихъ ощущеніяхъ, оказываются всѣ логическіе процессы нашего ума, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается ихъ объективнаго содержанія. Разъ мы хорошо усвоили рѣшеніе какой нибудь задачи, мы всегда можемъ его повторить во всѣхъ его деталяхъ. Разъ мы ясно обдумали какой-нибудь предметъ, мы не только будемъ помнить общій выводъ, къ которому пришли, но при нѣ

которомъ сосредоточеніи можемъ указать и всѣ основанія, которыя насъ къ нему привели и т.д.|. Но отсюда исключается чисто психологическій и субъективный моментъ умственнаго процесса, который всегда состоитъ въ томъ или другомъ направленіи нашего вниманія, въ выборѣ однихъ идей и въ удаленіи другихъ, въ установленіи тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы начинаемъ смотрѣть на то или другое обстоятельство и, наконецъ, вообще въ извѣстной активности нашего ума, главнымъ образомъ, нашего вниманія въ его различныхъ проявленіяхъ. Эти разнообразные акты воспроизводятся вообще такъ же слабо, какъ и всякія другія проявленія нашей воли, но здѣсь по своей быстротѣ и неуловимости ихъ плохая воспроизводимость еще усиливается. Такъ что воспроизводятся въ этой сферѣ скорѣе результаты во всей ихъ сложности и послѣдовательности, нежели сама мыслящая дѣятельность въ ея субъективныхъ, такъ сказать, стимулахъ. Логическая сторона мысли воспроизводится хорошо, субъективно-психологическая - слабо.

---ооо---

Всѣ эти соображенія позволяютъ, повидимому, сдѣлать слѣдующее общее заключеніе: въ нашемъ сознаніи легче воспроизводятся о б ъ е к т и в н ые его э л е м е н т ы | то, что въ немъ относится

къ внѣшнему міру, - составляетъ содержаніе внѣшняго опыта|, нежели элементы с у б ъ е к т и в н ы е, |чисто внутреннія области дѣятельности нашего я и его отвѣтныхъ воздѣйствій на впечатлѣнія извнѣ|.. Вся психическая жизнь на всѣхъ ея стадіяхъ развитія можетъ быть охарактеризована, какъ непрерывная встрѣча с у б ъ е к т а с ъ о б ъ е к т о м ъ, т.е. того, что составляетъ наше внутреннее существо съ той внѣшней дѣйствительностью, съ которой мы непрерывно сталкиваемся въ нашей жизни. И вотъ, все, что въ ней относится къ дѣйствію объекта |непосредственное дѣйствіе объекта - ощущеніе, воспроизводящее его представленіе,обобщающее отдѣльныя представленія объективное понятіе| легче воспроизводится по своему содержанію, чѣмъ отвѣчающіе имъ чисто субъективные моменты нашего существованія. Такъ въ ощущеніяхъ, въ которыхъ различаютъ тонъ и качество| если, напримѣръ, имѣемъ красное пятно, то краснота составитъ качество, а пріятное или непріятное чувство, вызываемое его видомъ,- тонъ|, тонъ воспроизводится труднѣе, чѣмъ качество. Оттого чѣмъ большую роль въ ощущеніяхъ играетъ тонъ, тѣмъ труднѣе воспроизводимо ощущеніе, такъ какъ наиболѣе существенный элементъ въ немъ |субъективный| улетучивается|органическія ощущенія, осязаніе, обоняніе|. Отчего напр. обоняніе и вкусъ воспроизводимы хуже чѣмъ зрѣніе?Потому,что въ ощущеніяхъ вкуса и обонянія качество гораздо менѣе сильно и тонъ гораздо болѣе съ нимъ сливается, слѣдствіемъ чего являются гораздо меньшая внутренняя раздѣльность качествен

нато содержанія, чѣмъ въ томъ или другомъ зрительномъ ощущеніи. Отсюда же вытекаетъ трудная воспроизводимость во всемъ ихъ конкретномъ содержаніи чувствованій, чувствъ, прошлыхъ желаній, актовъ воли. Эти психическія состоянія мы воспроизводимъ двоякимъ путемъ: или черезъ подстановку отвлеченнаго понятія о данномъ состояніи (мы знаемъ, что радовались и, не вспоминая живыхъ подробностей пережитаго состоянія, просто подставляемъ знакомое намъ общее понятіе). Или мы воспроизводимъ эти состоянія черезъ аналогичное повторное переживаніе. Оно не всегда доступно для насъ. Такъ можно воспроизводить только болѣе высокія и идеальныя чувства, которыя вытекаютъ изъ идейныхъ мотивовъ, изъ общаго смысла переживаемыхъ обстоятельствъ и т.д. Но такъ очень трудно воспроизвести чувствованія, вызываемыя непосредственнымъ физіологическимъ раздраженіемъ (страданіе отъ боли). Для этого нужно повторить раздраженіе.

ЛЕКЦІЯ 5-я.

Въ прошлой лекціи мы разсматривали вопросъ о томъ, насколько в о с п о м и н а н і е можетъ служить надежнымъ орудіемъ для нашего знакомства съ дѣйствительнымъ содержаніемъ нашего внутренняго опыта. И мы убѣдились, что наше психическое прошлое представляется намъ не совсѣмъ въ томъ ви-

дѣ, въ какомъ дѣйствительно переживались его отдѣльные моменты. Происходитъ перспективная иллюзія: наиболѣе существенное и центральное въ моменты переживанія сглаживается и стушевывается, периферическое и производное выдвигается на первый планъ. Эта иллюзія имѣетъ огромное вліяніе на односторонность и неточность психологическихъ описаній. У отдѣльныхъ изслѣдователей при извѣстномъ складѣ ума и при извѣстныхъ предвзятыхъ взглядахъ, она очень помогаетъ игнорировать въ душевной жизни то, что въ ней есть самаго тонкаго, но въ то же время и самаго важнаго и основного.

Въ виду этого казалось бы, что нужно особенно дорожить наблюденіемъ надъ психическими фактами въ самый моментъ ихъ совершенія, т.е. поскольку они протекаютъ въ настоящемъ. И дѣйствительно, до извѣстной степени мы способны явиться наблюдателями того, что въ насъ дѣлается сейчасъ. Нашему сознанію всегда присуща какъ бы нѣкоторая сила внутренняго раздвоенія, благодаря которой оно одновременно является и тѣмъ, что сознаетъ и содержаніемъ сознанія. Мы вѣдь не только чувствуемъ, думаемъ, хотимъ, мы въ то же время и знаемъ о томъ, что сейчасъ чувствуемъ, или хотимъ, или думаемъ. Это превращеніе самого себя въ предметъ сознаванія есть с а м о с о з н а н і е. Въ нѣкоторой мѣрѣ эта способность сказывается у насъ въ каждое мгновеніе нашего духовнаго бытія. Ясное самосознаніе проявляется въ насъ далеко не всегда, но если ясное самосознаніе въ насъ нерѣдко отсутствуетъ, нѣкоторая степень с а м о ч у в с т в і я

все таки должна быть дана во всѣ моменты нашего внутренняго существованія. Е с л и м ы с о в с ѣ м ъ н е ч у в с т в у е м ъ с е б я, м ы н е м о ж е м ъ ч у в с т в о в а т ь и н и ч е г о д р у г г о г о, - въ непреложности этой истины мы еще не разъ убѣдимся. Пользуясь этой силой самораздвоенія мы можемъ одновременно явиться и дѣятелями и зрителями своего душевнаго процесса. При извѣстномъ навыкѣ и самообладаніи мы можемъ присматриваться къ протекающему внутри насъ потоку психическихъ измѣненій и по горячимъ слѣдамъ схватчвать и отмѣчать всѣ ихъ оттѣнки.

И все же этотъ способъ наблюденія за собою въ самый моментъ переживанія психическихъ фактовъ далеко не замѣняетъ анализа психической жизни при помощи воспоминанія. Самонаблюденіе въ моментъ переживанія по необходимости должно имѣть очень узкій круговоръ |мы должны стараться ограничить свой анализъ лишь тѣмъ содержаніемъ, которое дано въ настоящемъ; я уже не говорю о томъ, что такая задача по существу невыполнима до конца; настоящее неудержимо переходитъ въ прошлое и, стало быть, на немъ нельзя сосредоточиться, какъ на таковомъ: всякій психическій фактъ, какъ бы несложенъ и коротокъ онъ ни былъ, неизбѣжно имѣетъ нѣкоторую д л и т е л ь н о с т ь, и, слѣдовательно, для нашего сознанія въ немъ непремѣнно даны рядомъ съ настоящимъ содержаніемъ и его протекшіе моменты. Какъ я уже сказалъ въ прошлой лекціи, психическое настоящее не есть настоящее въ подлинномъ смыслѣ, то отвлеченное настоящее, съ которымъ

мы имѣемъ дѣло, когда представляемъ себѣ абстрактную идею времени. Такимъ образомъ, строго настоящаго, совсѣмъ лишеннаго отношенія къ прошлому, въ насъ вовсе и нѣтъ. Правда, приходится различать въ длительномъ психическомъ процессѣ то, что непосредственно дается, и то, что воспроизводится лишь посредствомъ воспоминанія, но границы тутъ до такой степени тягучи и неуловимы, что, собственно говоря, во всей строгости провести наблюденіе только надъ настоящимъ нѣтъ возможности. Когда мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ въ немъ всегда есть элементъ прошлаго. Всякое воспріятіе есть синтезъ ряда моментовъ. Если мы, напримѣръ, переживаемъ зрительное ощущеніе, то сначала мы имѣемъ только толчекъ въ сознаніи, который еще не приурочили ни къ какому опредѣленному факту нашей психической жизни. Далѣе, оно въ насъ является, какъ впечатлѣніе зрительнаго характера вообще, но тоже крайне неопредѣленное, затѣмъ уже мы его внутренно опредѣляемъ, какъ нѣкоторое качество |тотъ или другой цвѣтъ| и, обыкновенно, лишь послѣ этого мы способны усмотрѣть форму. Такимъ образомъ, для полученія всякаго воспріятія мы должны пережить цѣлый рядъ моментовъ. Аналогичное разсужденіе относится и ко всякому другому психическому состоянію|.

Но помимо этихъ невольныхъ ограниченій само наблюденіе въ настоящій моментъ и въ предѣлахъ даннаго ему содержанія ведетъ къ очень важнымъ недостаткамъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ фактомъ огромной важности: психологическія состоянія въ насъ, при вниманіи къ нимъ съ нашей стороны, текутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ когда такого вниманія нѣтъ. Сосредоточенное наблюденіе дѣйствуетъ на происходящіе въ насъ процессы ослабляющимъ или усиливающимъ, вообще искажающимъ образомъ. Положимъ, вы хотите вспомнить, какъ вы сердитесь и въ моментъ гнѣва начинаете усиленно наблюдать за собой, — вы, конечно, этимъ путемъ не узнаете, какъ вы обыкновенно сердитесь. Ставши сами надъ собой посторонними наблюдателемъ, вы лишите ваше чувство и его силы и его цѣльности; отъ него останется только самая незначительная часть, да и вовсе не въ томъ видѣ проявляющаяся, какъ проявлялась эта доля настроенія при условіяхъ нормальныхъ, т.е. когда напряженнаго обдуманнаго наблюденія не было. Уже не чувство будетъ владѣть вами, а вы имъ. Поэтому вы или вовсе не увидите того, чего ожидаете, или будете сами предъ собою разыгрывать роль сильно сердящагося человѣка, но безъ соотвѣтствующихъ ощущеній, стало быть именно не будетъ того, что надо наблюдать. Или, положимъ, вы захотѣли наблюсти во всѣхъ подробностяхъ, какъ вы размышляете о какомъ-нибудь вопросѣ. Будетъ великимъ самообманомъ съ вашей стороны, если вы подумаете, что

въ этомъ случаѣ вы воспринимаете вашъ мыслительный процессъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ совершаться всегда. Напротивъ, онъ сразу облечется въ необычныя формы: онъ сдѣлается вялымъ, неустойчивымъ, прерывистымъ. Ровно настолько, насколько вы заинтересуетесь самонаблюденіемъ, потеряетъ въ интересѣ тотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго въ себѣ вы наблюдаете. Ваше вниманіе будетъ разрываться между различными задачами и вы испытаете довольно мучительное внутреннее раздвоеніе. Результатъ вашей умственной работы подъ усиленнымъ собственнымъ контролемъ едва ли будетъ обладать серьезною цѣнностью: избытокъ контроля неизбѣжно ослабитъ энергію вашей мысли. Аналогичное слѣдствіе получится и въ томъ случаѣ, если мы захотимъ сосредоточенно наблюдать, какъ именно мы получаемъ отъ чего-нибудь у д о в о л ь с т в і е. |Положимъ отъ вкусной пищи|. Удовольствіе съ необходимостью мы получимъ тѣмъ меньшее, чѣмъ больше будемъ себя развлекать и отвлекать наблюденіемъ. Въ жизни разрушающее дѣйствіе на нормальный ходъ психическихъ дѣятельностей со стороны напряженнаго самонаблюденія самихъ дѣйствующихъ встрѣчается постоянно. Актеръ, который въ страстной, горячей сценѣ станетъ слишкомъ наблюдать за своими интонаціями, навѣрное съиграетъ слабо и холодно. Самонаблюденіе разрушитъ въ немъ то, что для него должно быть самымъ главнымъ; оно разрушитъ его увлеченіе. Ораторъ, который начнетъ безпокойно слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, всего скорѣе собьется и запутается и т.д. Искажающее и разъѣдающее вліяніе рефлексіи на самыя простыя и естественныя чувства,

составляетъ фактъ слишкомъ хорошо извѣстный въ исторіи культуры и слишкомъ часто наблюдаемый въ нѣкоторые ея періоды. Напримѣръ, какое странное, иногда даже отталкивающее впечатлѣніе производятъ хотя бы живненные романы нашихъ сантиментальныхъ идеалистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. А между тѣмъ по большей части это были истинно хорошіе, сердечные люди. Но они такъ трепетали надъ каждымъ своимъ душевнымъ ощущеніемъ, такъ усиленно анализировали свои страсти и такъ ими любовались, что ихъ чувства сразу теряли свою свѣжесть и непосредственность. Получалось что-то до того утрированное, что они сами не знали, какъ въ себѣ разобраться и что о себѣ думать. Главное несчастье многихъ изъ нихъ заключалось только въ томъ, что они, послѣ самыхъ сильныхъ своихъ увлеченій, внезапно открывали, что никакого увлеченія у нихъ вовсе и не было.

При этомъ нельзя не отмѣтить, что недостатки самонаблюденія въ моментъ теченія психическихъ состояній представляютъ значительную аналогію съ недостатками самонаблюденія чрезъ воспоминаніе, о которыхъ я говорилъ прошлый разъ. Самонаблюденіе въ моментъ переживанія психическихъ процессовъ дѣйствуетъ гораздо разрушительнѣе на субъективные элементы душевной живни, нежели на объективные. Между тѣмъ субъективнымъ элементамъ внутренняго опыта принадлежитъ господствующая роль въ выясненіи связи между психическими состояніями. Положимъ, вы опредѣленно наблюдаете какое нибудь зрительное воспріятіе, отъ этого оно только усилится, выдѣлится

изъ среды остальныхъ, протечетъ медленнѣе и въ то же время свободнѣе. Напротивъ, попробуйте уловить во всѣхъ деталяхъ, какъ въ васъ слагается какое-нибудь рѣшеніе воли. Своимъ наблюдательнымъ и совершательнымъ настроеніемъ вы прежде всего свою волю затормозите. Выйдетъ то же, что я указывалъ относительно воздѣйствія самонаблюденія на наши душевныя движенія, страсти, поступки, умственную работу. Весь внутренній процессъ пріобрѣтаетъ искаженный обликъ. Рѣшеніе воли или совсѣмъ не получится или получится, да не то. Между тѣмъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы имѣли именно с у б ъ е к т и в н ы е моменты внутренняго опыта.

Въ связи съ разсмотрѣнными до сихъ поръ недостатками самонаблюденія, намъ будетъ болѣе понятна та важная особенность внутренняго опыта, которая въ то же время есть основной недостатокъ самонаблюденія вообще, какъ метода при изученіи психическихъ явленій. Далеко не всѣ психическіе факты обладаютъ опредѣленностью и устойчивостью своего содержанія, - тѣмъ, что можно назвать его н а г л я д н о с т ь ю и у д о б о о б о з р и м о с т ь ю. Существуютъ цѣлые ряды фактовъ, притомъ обладающихъ кореннымъ значеніемъ для психическаго бытія въ его цѣломъ, которые неопредѣленны по существу, которые съ трудомъ воспроизводятся въ воспоминаніи, которыхъ нельзя вмѣстить ни въ какомъ представленіи съ сколько-нибудь наглядным содержаніемъ, которые неуловимы въ своемъ развитіи и ускользаютъ отъ сосредоточеннаго контроля наблюдающей мысли. И все же это суть факты, которые протекаютъ въ насъ каждое мгновеніе и безъ которыхъ нашъ душевный міръ не могъ бы обойтись

ни одной секунды. Отсюда вытекаетъ странное положеніе психолога средидругихъ научныхъ изслѣдователей. Въ другихъ наукахъ мы всегда легко различаемъ между безспорными фактическими данными и тѣми предположеніями, выводами и объясненіями, которые на нихъ строятся. Въ психологіи самые факты не представляютъ б е з с п о р н ы х ъ данныхъ. Напротивъ, о нихъ спорятъ больше, нежели о чемъ нибудь другомъ. И спорятъ не только о ихъ качествахъ, законахъ, толкованіи, спорятъ о самой ихъ н а л и ч н о с т и, притомъ наиболѣе основныхъ. Безспорно данное для однихъ психологовъ оказывается безспорно недан-нымъ для другихъ. Недаромъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ психологовъ нашего времени, Вильямъ Джемсъ, въ концѣ концовъ, приходитъ вообще къ сомнѣнію въ томъ, существуютъ ли самыя душевныя состоянія? Есть ли внашей душевной жизни что-нибудь, кромѣ физическихъ ощущеній? - И на это сомнѣніе онъ себѣ не даетъ отвѣта. Дѣйствительно, въ психической сферѣ во всемъ можно сомнѣваться, поскольку дѣло идетъ объ отдѣльныхъ фактахъ, ее составляющихъ. Какъ понять это удивительное свойство психической сферы? Для него едва ли можно указать другое объясненіе, кромѣ неопредѣленности, неуловимости, н е н а г л я д н о с т и очень существенныхъ элементовъ жизни нашего духа.

Нашъ умъ стремится къ н а г л я д н о м у. До нѣкоторой степени вѣрно сравненіе нашего ума съ нашимъ глазомъ, - нашъ глазъ хорошо видитъ то, что передъ нимъ, - внѣшнее ему, но онъ очень дурно воспринимаетъ то, что съ нимъ непосредственно соприкасается, и, тѣмъ болѣе, что происходитъ внутри его.

Конечно, сравненіе не есть еще объясненіе,но все же духъ нашъ подобенъ глазу въ томъ отношеніи, что онъ лучше воспринимаетъ данное ему, - объектъ, нежели свои внутреннія движенія. Настоящею н а г л я д н о с т ь ю |обозримостью, опредѣленностью| обладаетъ въ насъ только то, что относится къ воздѣйствіямъ внѣшняго міра и воспроизведеніямъ этихъ воздѣйствій. Себя мы чувствуемъ и сознаемъ постоянно - въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ удовольствіи и страданіи, въ каждой мысли, въ каждомъ желаніи, - и все же мы не имѣемъ въ своемъ внутреннемъ Я такого яснаго, опредѣленнаго образа, какой имѣемъ, напр., въ стоящемъ передъ нами матеріальномъ предметѣ. Предположимъ наблюдателя, умъ котораго весь охваченъ стремленіемъ къ наглядности во всемъ, что онъ мыслитъ, у котораго и все міросозерцаніе выработалось соотвѣтственно этой основной тенденціи его ума. |такіе люди обыкновенно бываютъ склонны къ матеріализму|;какъ это должно отразиться на его психологическихъ обобщеніяхъ? Въ душевной жизни онъ выдвинетъ на первый планъ ощущенія |въ виду ихъ сравнительной наглядности и въ виду ихъ ясно наблюдаемой связи съ физіологическими процессами|и воспроизведеніе ощущеній |также наиболѣе наглядный внутренній фактъ|. Все остальное содержаніе психической жизни онъ постарается вывести изъ этихъ фактовъ, игнорируя, а то и прямо отрицая то, чего изъ нихъ нельзя построить. Получится законченная психологическая система, но съ очень односторонним содержаніемъ .Какъ типическаго представителя такой манеры объяснять душевную жизнь, можно указать знаменитаго

французскаго психолога прошлаго столѣтія Кондильяка. |Онъ идетъ путемъ дедукціи. Онъ воображаетъ себѣ статую, одаренную способностью чувствовать и воспроизводить ощущенія, и предполагаетъ, что въ ней одно за другимъ пробуждаются внѣшнія чувства. И вотъ изъ различныхъ сочетаній между ощущеніями и сопровождающими ихъ удовольствіями и страданіями онъ постепенно выводитъ |впрочемъ съ весьма серьезными натяжками и скачками мысли| всѣ особенности ума, воли и чувства, какія мы наблюдаемъ въ собственной душѣ. Его ученіе пользовалось большой популярностью.| Аналогичный случай поисковъ за простыми, наглядными, легко измѣримыми элементами душевной жизни, какъ за единственными слагаемыми, представляетъ психологія Гербарта съ ея ученіемъ о представленіяхъ, ихъ связяхъ и столкновеніяхъ, какъ единственномъ содержаніи психическаго процесса .

И въ наши дни стремленіе найти въ наглядныхъ элементахъ психической жизни ключъ ко всему, что творится въ душѣ, пользуется неменьшимъ распространеніемъ среди психологовъ и очень отражается на содержаніи отдѣльныхъ психологическихъ объясненій и описаній. Какъ на рѣзкій примѣръ такого стремленія при объясненіи отдѣльныхъ областей душевной жизни, можно указать на теорію чувства у Джемса и Ланге|о которыхъ я уже говорилъ въ первой лекціи|.По этой теоріи, каждое чувство, какъ бы ни казалось оно сложнымъ и идеальнымъ, цѣликомъ сводится къ сопровождающимъ его органическимъ ощущеніямъ и тѣмъ идеямъ, которыя изображаютъ для насъ причину чувства. |Обращаясь къ прежнему примѣру, чувство гнѣва сводится къ ощущеніямъ прилива или отлива крови отъ

лица, біенія сердца, порывистаго дыханія, сжатія кулаковъ, дрожанія мускуловъ и т.д. плюсъ представленіе объ извѣстномъ лицѣ, насъ чѣмъ - нибудь разсердившемъ. Въ чувствѣ гнѣва, кромѣ этихъ чисто физическихъ ощущеній и кромѣ этого представленія, н и ч е г о б о л ь ш е н ѣ т ъ. Другіе психологи протестуютъ противъ такого слишкомъ простого объясненія: они выдвигаютъ то, что можно назвать волевымъ моментомъ въ чувствѣ. Вѣдь если бы данное лицо не вызвало въ насъ неудержимаго стремленія сопротивляться ея ему,, разрушить или по крайней мѣрѣ остановить его нежелательныя для насъ дѣйствія. отчего бы идея о немъ такъ всецѣло овладѣла нами и отчего могли бы возникнуть [illegible] физическіе эффекты? Мы не будемъ теперь рѣшать вопроса о томъ, какая изъ спорящихъ сторонъ права въ этомъ дѣлѣ, - намъ тутъ интересно другое. Разныя чувства, - гнѣва, страха, жалости, любви, ненависти, стыда, нѣжности, любопытства, удивленія, - мы переживаемъ постоянно: и вотъ можно спорить, и болѣе или менѣе безнадежно спорить, о томъ, въ чемъ же собственно эти чувства состоятъ, что мы въ нихъ воспринимаемъ. Нужно ли лучшее доказательство той печальной для психолога истины, что въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, хотя онъ всецѣло открытъ нашему самосознанію, далеко не все ясно для насъ самихъ и далеко не все вмѣщается въ отчетливыя и опредѣленныя формулы?

Возьмемъ другой примѣръ. Каждый ежеминутно испытываетъ на себѣ ту огромную роль, которая принадлежитъ во всѣхъ психическихъ процессахъ дѣятельности нашего в н и м а н і я, какъ разнообразно

и тонко проявляется въ насъ его сила, какъ передвигаетъ она всѣ элементы сознанія, какъ повышаетъ одни психическіе процессы и понижаетъ другіе, какъ загадочно умѣетъ она сосредоточиться не только на отдѣльныхъ частяхъ нашихъ представленій, но и на чисто идеальныхъ сторонахъ ихъ и отношеніяхъ. И вѣдь она не приходитъ къ намъ откуда-нибудь извнѣ: м ы с а м и ее составляемъ, мы ее внутренно переживаемъ и чувствуемъ, какъ рядъ собственныхъ усилій, во всѣхъ видахъ ея проявленія. Она болѣе, чѣмъ что нибудь другое составляетъ принадлежность нашего собственнаго существа. Казалось бы, относительно свойствъ, а тѣмъ болѣе относительно существованія этой силы, въ насъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній и никакихъ споровъ. А между тѣмъ существуютъ психологи, и очень почтенные, которые отнимаютъ у вниманія всѣ тѣ внутреннія качества, о которыхъ я говорилъ сейчасъ и совсѣмъ отвергаютъ его какъ дѣйствующую активность нашего субъекта. Для Рибо, напримѣръ, акты вниманія состоятъ изъ чисто физическихъ ощущеній мускульнаго порядка - намарщиванія лба, бровей, стискиванія рта и т.д. Кромѣ этого въ нихъ ничего нѣтъ всѣ внутренніе процессы въ насъ проистекаютъ сами собой. Какъ могъ возникнуть такой взглядъ? Конечно, онъ продиктованъ предвзятымъ воззрѣніемъ на общую природу душевныхъ явленій. Но еслибы акты вниманія воспринимались нами вполнѣ ясно и отчетливо, какъ, положимъ, мы воспринимаемъ красный или желтый цвѣтъ, - можно ли было бы въ описаніи ихъ такъ отважно итти противъ очевидности? Ясно, что тутъ принадлежитъ какая-то очень важная роль самимъ свойствамъ воспринимаемаго нами въ себѣ матеріала. Въ

подобномъ же положеніи находится вопросъ о волѣ вообще, по отношенію къ которой вниманіе есть только одна изъ формъ, и основныхъ формъ, ея проявленія. Отрицаніе воли, какъ особаго факта душевной жизни, не сводимаго ни на какіе другіе факты, есть одно изъ очень распространенныхъ предположеній современной психологіи, и иногда это отрицаніе получаетъ видъ очень рѣшительный. Напримѣръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ психологовъ |Мюнстерберга|,въ волевомъ актѣ всегда присутствуютъ только два феномена сознанія, а все остальное является только осложняющими обстоятельствами;эти феномены: во-первыхъ, представленіе о будущемъ движеніи или о будущемъ эффектѣ, который мы должны произвести, или о цѣломъ рядѣ движеній, которыя мы должны сдѣлать| это въ начальной стадіи волевого акта| и во вторыхъ, |въ окончаніи его|, воспріятіе достигнутой цѣли и выполненнаго движенія. Между этимъ представленіемъ о будущемъ движеніи и этимъ воспріятіемъ уже совершившагося движенія не посредствуетъ ничего психическаго.Переходъ отъ одного къ другому, отъ начальной стадіи волевого процесса къ его разрѣшенію, совершается механически въ нѣдрахъ нашего мозга, но въ сознаніи нисколько не отражается. Эти главные, коренные моменты воли могутъ въ нашемъ самочувствіи осложняться ощущеніемъ и представленіемъ, сопровождающимъ движеніе, логическими процессами, выборомъ мотивовъ, которые, собственно, суть просто логическія сужденія и т.д. Но не въ этихъ дополнительныхъ фактахъ сущность воли. Подобнымъ же образомъ объясняетъ волю и ограничиваетъ относящія ея къ явленіямъ воли

психическіе факты и другой довольно извѣстный современный психологъ,Цигенъ. Сопоставимъ эту теорію съ ученіемъ Джемса и Ланге о чувствѣ и постараемся объединить ихъ вмѣстѣ. Въ чувствахъ ничего нѣтъ, кромѣ физическихъ ощущеній или представленій о вызвавшихъ ихъ предметахъ, въ концѣ концовъ тоже сводящихся къ получаемымъ отъ этихъ предметовъ ощущеніямъ. Въ волѣ ничего нѣтъ, кромѣ ощущенія движенія и представленія о движеніи. Въ общемъ, оказывается, въ насъ ничего нѣтъ, кромѣ физическихъ ощущеній и ихъ воспроизведенія въ формѣ представленій. При этомъ, ни эти ощущенія, переживаемыя въ данный моментъ, ни эти представленія объ ощущеніяхъ прошлыхъ никакого вліянія на наши реальныя дѣйствія не имѣютъ, т.е. какія бы наши дѣйствія мы ни взяли, причина ихъ прежде всего лежитъ въ автоматическихъ отправленіяхъ нашего мозга, а всякаго рода психическія состоянія, - все, что мы называемъ волей, - это только сопровождающія ихъ отраженія: ихъ могло бы вовсе не быть, въ насъ могли бы совсѣмъ потускнѣть ощущенія и представленія, но если бы составъ физическихъ процессовъ въ мозгѣ остался прежній, то всѣ наши дѣйствія совершились бы такъ же какъ совершаются теперь, когда мы думаемъ и чувствуемъ Если теперь взять теорію аффектовъ Джемса, то въ ней мы найдемъ крайніе выводы этой точки зрѣнія. Она выставляетъ свой знаменитый парадоксъ, въ которомъ самая суть этой теоріи: мы не потому плачемъ, что опечалены, или бьемъ другого, что приведены въ ярость, а мы потому опечалены, что плачемъ, потому приведены въ ярость, что бьемъ другого, потому боимся, что дрожимъ; чувство есть явленіе позднѣйшее

сравнительно съ тѣми дѣйствіями, которыя по обычному иллюзорному взгляду оказываются результатомъ чувства. Положимъ, мы встрѣтили какого [illegible] звѣря: еще прежде, чѣмъ мы узнали его, уже сердце наше бьется, въ нашемъ организмѣ происходитъ страшное потрясеніе, и мы, еще ничего не сообразивъ, бѣжимъ. Такимъ образомъ, всякое чувство есть только сопровождающее обстоятельство, ничего отъ себя не прибавляющее къ физіологическому процессу и ко всѣмъ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя имъ въ насъ вызываются. Въ этомъ общемъ окончательномъ взглядѣ, который рѣдко [illegible]мъ ясно выражается, но къ которому очень близко стоятъ многіе психологи, - въ этомъ взглядѣ, что ничего нѣтъ, кромѣ ощущеній, пассивно отражающихъ автоматическіе процессы нашей нервной системы, - несомнѣнно, есть своя законченность, но нельзя не видѣть какія серьезныя недоумѣнія съ неизбѣжностью вызываются такимъ объясненіемъ душевной жизни; и прежде всего является такое недоумѣніе: отчего въ ощущеніяхъ вообще существуетъ то, что въ психологіи называется тономъ? Отчего эти отраженія слѣпыхъ и ко всему равнодушныхъ физическихъ процессовъ пріятны намъ и непріятны, окрашены удовольствіемъ или страданіемъ? Откуда это берется и зачѣмъ берется? Вѣдь, по основному закону эволюціи, въ живыхъ существахъ развиваются только тѣ свойства, которыя имъ полезны: въ этомъ и состоитъ дѣйствіе естественнаго подбора, что онъ самъ собой выдѣляетъ всѣ тѣ качества живыхъ существъ, которыя обезпечиваютъ имъ большій, сравнительно съ другими, успѣхъ въ борьбѣ за существованіе. Вѣдь другихъ мотивовъ для развитія ка-

кихъ либо свойствъ въ живыхъ существахъ та теорія, отъ которой отправляются психологи этой категоріи, не даетъ. Но какая же польза отъ нашихъ страданій, отъ нашихъ размышленій, отъ усилій борящейся воли, отъ угрызеній совѣсти, если они въ нашихъ поступкахъ ничего не могутъ ни измѣнить, ни подготовить? Эти поступки все равно совершаются абсолютно автоматически, какъ будто бы этихъ явленій не было. Можно вообще при такомъ взглядѣ задѣть вопросъ гораздо болѣе общаго характера: зачѣмъ вообще существуетъ въ насъ какая бы то ни было психика, если ей нигдѣ и ни въ чемъ не принадлежитъ никакой реальной роли? Тутъ является серьезное сомнѣніе; вѣдь одно изъ двухъ: или вся психическая жизнь и по своему происхожденію, и по своему огромному распространенію въ живыхъ существахъ, и по всему своему составу есть сплошной абсурдъ, противорѣчащій самымъ основнымъ законамъ органическаго развитія или мы въ толкованіи ея природы и ея роли въ нашей жизни и въ жизни другихъ существъ чего то не познаемъ.

Третій примѣръ мы возьмемъ изъ области того великаго спора, о которомъ мнѣ уже пришлось говорить въ моей первой лекціи, я разумѣю споръ между номиналистами и концептуалистами или универсалистами, которому начало было положено еще въ Средніе Вѣка. Универсалисты учатъ, что въ нашемъ умѣ кромѣ представленій о вещахъ существуютъ понятія о нихъ, какъ нѣкоторыя совсѣмъ особыя психическія образованія съ универсальнымъ содержаніемъ, помощью которыхъ мы и мыслимъ всѣ общія положенія и истины.

|Мы не только имѣемъ представленіе объ отдѣльныхъ людяхъ, но и понятіе о ч е л о в ѣ к ѣ в о о б щ е, не только представленіе о томъ или другомъ треугольникѣ, но и понятіе о всякомъ треугольникѣ вообще и т.д.|. Не будь этихъ универсальныхъ концепцій въ нашемъ разумѣ, наша обощающая мысль была бы невозможна.

Номиналисты отвѣчаютъ на это, что мы можемъ воображать и представлять только отдѣльные предметы, только частное содержаніе со всѣми его индивидуальными особенностями въ данный моментъ. Мы никогда не мыслимъ человѣка вообще, а всегда представляемъ какого- нибудь опредѣленнаго человѣка или опредѣленныхъ людей съ извѣстными особенностями лица, фигуры, цвѣта волосъ и т.д. Мы никогда не мыслимъ треугольника вообще, который не былъ бы ни великъ, ни малъ, ни прямоуголенъ, ни остроуголенъ, ни тупоуголенъ; представить что - нибудь подобное совсѣмъ невозможно. Мы всегда имѣемъ въ головѣ какіе - нибудь опредѣленные треугольники съ опредѣленными свойствами. Общность нашей мысли заключается не въ ея собственномъ содержаніи, а въ одинаковости употребляемыхъ нами названій и словъ Словомъ ч е л о в ѣ к ъ мы обозначаемъ всякаго человѣка. Поэтому, говоря что - нибудь о людяхъ, мы предполагаемъ, что и думаемъ о чемъ-то обнимающемъ все человѣчество. На самомъ дѣлѣ этого вовсе нѣтъ, - въ нашемъ умѣ всегда бываютъ даны только образы отдѣльныхъ людей и наша мысль всегда обращается съ ними. То же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ другихъ общихъ сужденіяхъ . Когда мы ихъ произносимъ, въ нашемъ умѣ капризно мелькаютъ отдѣльные образы, факты, ощущенія и ниче-

го больше. Къ нимъ сводится все содержаніе нашей мысли. Общность, обязательность принадлежитъ только названіямъ, но никакъ не тому, что происходитъ въ нашей головѣ соотвѣтственно этимъ названіямъ.

Номиналистическую теорію я считаю особенно поучительнымъ и въ то же время весьма живучимъ примѣромъ тѣхъ очевидныхъ крайностей, къ которымъ приводитъ стремленіе признавать только наглядные элементы въ душевной жизни. Развитая до конца, номиналистическая теорія послѣдовательно должна привести къ совершенному отрицанію самой наличности у насъ разума. Она ничего не можетъ подѣлать съ слѣдующимъ несомнѣннымъ психологическимъ и логическимъ фактомъ: нѣтъ ни одного понятія въ нашемъ умѣ, которое находило бы въ какихъ нибудь представленіяхъ воображенія или воспоминанія полное и законченное выраженіе по своему с м ы с л у; есть великое множество понятій, смысла которыхъ совсѣмъ нельзя выразить въ какихъ нибудь конкретныхъ образахъ и представленіяхъ, - даже и приблизительно.

ЛЕКЦІЯ VI-я.

Въ прошлой лекціи я остановился на томъ недостаткѣ самонаблюденія, который можно обозначить, какъ присутствіе въ нашемъ внутреннемъ опытѣ очень многихъ весьма существенныхъ элементовъ, не обладающихъ

для нашего воспринимающаго сознанія достаточной ясностью, опредѣленностью и н а г л я д н о с т ь ю. Отъ этого зависитъ, что многіе психологи, стремящіеся свести всю нашу душевную жизнь къ даннымъ наглядваго характера, совсѣмъ игнорируютъ эти элементы и черезъ это даютъ ея фактамъ невѣрное и одностороннее освѣщеніе. По этому поводу я остановился на вопросѣ огромной важности для психологіи ума: точно ли мы имѣемъ въ нашемъ сознаніи идеи со всеобщимъ содержаніемъ или наша мысль всегда обращается только съ частными представленіями, воспоминаніями, образами фантазіи , и общность нашихъ понятій и сужденій есть только субъективная иллюзія, проистекающая изъ того, что мы для выраженія ихъ пользуемся словами, обозначающими цѣлыя группы предметовъ и фактовъ, а не отдѣльные факты? За первое стоятъ концептуалисты или универсалисты, за второе номиналисты, и уже много столѣтій между этими двумя партіями идетъ ожесточенный споръ, то стихающій, то возгорающійся опять, принимающій самыя разнообразныя формы, но все же не пришедшій еще къ благополучному разрѣшенію.

Я указалъ вамъ на главное возраженіе противъ всѣхъ объясненій номиналистовъ, которыя съ перваго взгляда кажутся простыми и ясными: ни одно понятіе |и можно прибавить, - ни одно умственное дѣйствіе вообще| не исчерпывается сполна по своему содержанію какимъ нибудь частнымъ представленіемъ или ассоціаціей такихъ представленій; и, наоборотъ, существуетъ великое множество понятій и умственныхъ дѣйствій, для которыхъ не существуетъ совсѣмъ даже приблизительно отвѣчающаго имъ наглядваго образа.

Поясникъ оба положенія нѣсколькими примѣрами.

Предположимъ, что мы думаемъ о какой нибудь самой простой геометрической истинѣ о треугольникахъ, которая относится ко всѣмъ треугольникамъ вообще, что при этомъ происходитъ въ нашей головѣ? Всего скорѣе въ нашемъ воображеніи всплываетъ въ этомъ случаѣ представленіе о какимъ - нибудь отдѣльномъ треугольникѣ, опредѣленной величины, съ опредѣленнымъ отношеніемъ сторонъ и угловъ, опредѣленной окраски |положимъ нарисованный черными линіями| на опредѣленномъ фонѣ | положимъ бѣломъ, по воспоминаніямъ о рисункахъ въ учебникахъ геометріи|. Можетъ быть, въ теченіе нашихъ размышленій мы представимъ два треугольника или нѣсколько |во всякомъ случаѣ не очень много: - сила нашего воображенія ограничена - и заразъ наша фантазія вмѣщаетъ только не очень сложное содержаніе; и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ меньшею отчетливостью будетъ обладать каждый отдѣльный образъ|. Участіе воображенія въ нашихъ размышленіяхъ этимъ и ограничится. А между тѣмъ д у м а т ь мы будемъ о в с я к и х ъ треугольникахъ вообще, и в с ѣ х ъ треугольникахъ. Данный наглядно воображаемый треугольникъ будетъ для насъ только примѣромъ или иллюстраціей того, на чемъ сосредоточилась наша мысль. И мы будемъ думать въ этомъ отдѣльномъ воображаемомъ треугольникѣ не о его цвѣтѣ и не объ его формѣ, не объ величинѣ его сторонъ или угловъ, а только о томъ, что есть и въ каждомъ другомъ треугольникѣ, какого бы цвѣта онъ ни былъ и какой бы величиной ни обладалъ, и мы допустимъ въ свое раз"-сужденіе только такіе выводы, которые относятся къ общей природѣ всѣхъ треугольниковъ. Я спрошу: какъ это возможно? Не нужно ли для этого, чтобы въ нашей

мысли состоялось р ѣ ш е н і е обратить вниманіе въ данномъ примѣрѣ только на то, что относится ко всѣмъ треугольникамъ вообще, а для этого не необходимо ли, чтобы въ нашемъ умѣ такъ или иначе присутствовала идея о треугольникѣ вообще или о всякихъ возможныхъ треугольникахъ? Иначе, откуда взялось бы это рѣшеніе? А вѣдь это-то и отрицаетъ номиналистическая теорія. Между тѣмъ не ясно ли, что еслибы въ нашемъ умѣ былъ только образъ отдѣльнаго треугольника со всѣми его конкретными признаками, но не было бывъ насъ рѣшенія останавливаться только на общемъ и не было способности исполнить это рѣшеніе, то не было бы въ насъ и никакого геометрическаго размышленія. Наше сознаніе было бы бездумно привязано къ этому отдѣльному представленію до тѣхъ поръ, пока по случайной игрѣ ассоціацій на мѣсто треугольника не сталъ бы кругъ или квадратъ, а то и такое представленіе, которое не имѣетъ ничего общаго съ геометрическими фигурами. Итакъ, для того, чтобы состоялось размышленіе о геометрической истинѣ, кромѣ участія нашей представляющей способности, нуженъ какой то дополнительный процессъ, весьма отличный отъ воображенія, и онъ несомнѣнно въ насъ совершается, но о немъ номиналистическая теорія не даетъ никакого яснаго отчета.

Но здѣсь по крайней мѣрѣ мы имѣемъ такой случай умственнаго дѣйствія, въ которомъ представленіе по своему содержанію вполнѣ отвѣчаетъ тому понятію, которое мыслится его помощью. Данный треугольникъ дѣйствительно имѣетъ всѣ свойства треугольника вообще, у него только есть много и своихъ частныхъ свойствъ, которыми другіе треугольники не обладаютъ.

Однако,такое соотвѣтствіе въ содержаніи частныхъ представленій и общихъ мыслей дано нашему уму далеко не всегда.

Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, насъ очень заинтересовалъ вопросъ объ экономическомъ, политическомъ и культурномъ значеніи Москвы и мы его всесторонне обсуждаемъ. Мы можемъ высказывать по этому поводу самыя разнообразныя мнѣнія и горячо на нихъ настаивать. Но зададимъ себѣ другой вопросъ: что представляется и воображается намъ, когда мы говоримъ - Москва? Какія представленія, воспоминанія, образы проходятъ въ нашей головѣ по ассоціаціи съ этимъ словомъ? И существуетъ ли какая нибудь связь, - и какая именно, - между нашими теоретическими выводами о Москвѣ, и тѣми вереницами образовъ и представленій, которыя проносятся въ нашемъ умѣ всякій разъ, когда мы мысленно къ ней обратимся? Вы сразу замѣтите, что отвѣтить на этотъ вопросъ не легко. Разобраться во всѣхъ представленіяхъ и картинахъ, которыя промелькнутъ въ нашей головѣ по этому случаю,едва ли даже выполнимая задача. Но вотъ что несомнѣнно: если мы станемъ передавать другъ другу о томъ, что вообразилось намъ при словѣ Москва, то не только окажется, что у каждаго изъ насъ протекли въ умѣ свои особыя ряды воспоминаній и представленій, но что эти представленія будутъ постоянно мѣняться и у каждаго лица въ отдѣльности при новыхъ повтореніяхъ слова. Кто недавно пріѣхалъ въ Москву, тому всего скорѣе вспомнятся первыя впечатлѣнія: видъ издали, вокзалъ, ближайшія къ нему улицы,домъ,

гдѣ онъ остановился. Многимъ вмѣсто яркихъ картинъ просто представится слово "Москва", изображенное печатными или писанными буквами. Въ связи съ обсуждаемыми вопросами, можетъ быть промелькнетъ въ умѣ не разъ географическая карта Россіи, картины какихъ нибудь отдѣльныхъ историческихъ событій, неизбѣжно неясныя, быстро проносящіяся, потому что нѣтъ основанія спеціально на нихъ сосредоточиться. У живущихъ въ Москвѣ давно особенно трудно предугадать теченіе ассоціацій. тутъ все зависитъ отъ впечатлѣній, настроеній, случайныхъ воспоминаній. Въ общемъ едва ли можно ждать отчетливыхъ и раздѣльныхъ картинъ при опытахъ подобнаго рода: наша фантазія заразъ вмѣщаетъ лишь небольшое количество раздѣльныхъ представленій. А между тѣмъ слово "Москва" не будетъ вызывать никакихъ отдѣльныхъ представленій въ особенности, слишкомъ много съ нимъ связано для этого. Въ результатѣ, всего скорѣе долженъ получиться пестрый и въ то же время неразличимо тусклый хаосъ мелькающихъ образовъ, обрывковъ воспоминаній, неясныхъ впечатлѣній. Одно будетъ для насъ ясно, если мы хорошенько подумаемъ, - что между этимъ мутнымъ и чисто субъективнымъ хаосомъ въ нашемъ воображеніи и тѣми и для насъ и для другихъ вполнѣ понятными сужденіями о значеніи Москвы въ современной Россіи, которыя мы будемъ высказывать, лежитъ цѣлая бездна, черезъ которую едва ли можно перекинуть какую нибудь связующую нить. Въ примѣрѣ съ треугольникомъ, хотя наша мысль и отличалась отъ предъудавленія, но все же она отправлялась отъ него. Представленіе давало наглядный образецъ, какъ предметъ для прямого анализа мысли, вѣдь геометрическая ис-

тина доказывается на рисункѣ, изображенномъ внѣшнимъ образомъ, или воображаемомъ. Здѣсь уже нѣтъ такого отношенія. Мысль о большомъ городѣ, разсматриваемомъ при этомъ въ виду его очень отвлеченныхъ отношеній къ тому цѣлому, которому онъ принадлежитъ, слишкомъ обща и сложна, чтобы она могла воплотиться въ какомъ нибудь наглядномъ образѣ. Протекающія въ насъ наглядныя представленія при процессахъ размышленія этого рода, не являются уже органическими звеньями этихъ процессовъ, а являются въ отношеніи къ нимъ лишь внѣшнимъ сопровождающимъ обстоятельствомъ,. которое едва ли что нибудь дѣйствительно поясняетъ въ логическомъ ходѣ этихъ процессовъ по ихъ идеальному смыслу.

Возьмемъ еще примѣръ: положимъ мы хотимъ дать опредѣленіе такимъ понятіямъ, какъ право, законъ, государство, нравственность,и съ этою цѣлью размышляемъ надъ ними. Нѣтъ никакого сомнѣнія, при обсужденіи каждаго изъ этихъ понятій въ нашемъ умѣ будутъ протекать разнообразныя ассоціаціи совершенно конкретныхъ представленій, воспоминаній, картинъ и т д. Но возможно ли вообразить себѣ представленія, которыя находились бы къ этимъ понятіямъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ отдѣльный воображаемый треугольникъ относится къ треугольнику вообще. Положимъ, размышляя о правѣ, я вспоминаю вора,котораго на моихъ глазахъ городовой велъ въ участокъ. Но развѣ право и городовой, ведущій въ участокъ,- одно и то же? Размышляя о законѣ, я могу вспомнить книжную полку, уставленную томами свода законовъ. Но если я буду имѣть въ головѣ только эту полку развѣ это мнѣ что-нибудь уяснитъ въ понятіи о законѣ во-

обще? Чтобы это воспоминаніе могло мнѣ въ чемъ нибудь помочь, нужно имѣть понятіе о содержаніи этихъ книгъ, о тѣхъ весьма общихъ правилахъ и предписаніяхъ, которыя въ нихъ содержатся, т.е. я долженъ уже имѣть какую нибудь идею о законѣ. Слишкомъ ясно, что въ этихъ случаяхъ конкретное представленіе и понятіе отстоятъ еще дальше другъ отъ друга, чѣмъ въ предыдущемъ примѣрѣ. Москву мы все - таки можемъ воображать въ ея отдѣльныхъ частяхъ, но ни полка книгъ, ни городовой съ воромъ не составляютъ м а т е р і а л ь н ы х ъ ч а с т е й права или закона, ибо и то и другое суть вещи отвлеченныя.

-----oOo-----

Фактъ очевидной несоизмѣримости между нашей представляющей и нашей мыслящей способностью заставляетъ сторонниковъ номинализма прибѣгнуть къ т е о р і и с и м в о л и з м а въ мышленіи. Смыслъ этой теоріи таковъ: мы никогда не мыслимъ нашихъ понятій прямо, а всегда помощью чувственныхъ символовъ, которые сами собою слагаются въ нашемъ умѣ для каждаго понятія. Мы не можемъ представить себѣ безконечной вселенной, и вотъ, чтобы мыслить ея миніатюрное и символическое подобіе, мы воображаемъ кругъ или шаръ, въ которомъ заключены другіе шары или круги, обозначающіе для насъ разнообразные міры, и этотъ кругъ или шаръ замѣняетъ для нашего ума вселенную. Мы не можемъ представить солнечной си-

стемы въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ - и вотъ мы воображаемъ себѣ въ маломъ размѣрѣ геометрическія кривыя, по которымъ движутся планеты вокругъ солнца, и маленькіе шарики, изображающіе для насъ солнце, планеты и землю, - и этотъ миніатюрный образъ является замѣной солнечной системы. Мы не можемъ представить д е р е в о в о о б щ е, но сопоставляя различныя породы деревьевъ и отбрасывая ихъ отличительные признаки, мы, наконецъ, приходимъ къ тусклому символическому образу, который состоитъ изъ палочки |предст. стволъ | и идущихъ отъ нея въ разныя стороны маленькихъ палочекъ, |какъ напримѣръ, объясняетъ это Тэнъ въ своей книгѣ "Объ умѣ"|. Эта вѣтвистая палочка и замѣняетъ для нашего ума идею д е р е в а в о о б щ е и т.д.

Не нужно большихъ усилій критическаго анализа, чтобы замѣтить крайнюю несостоятельность такой теоріи. Прежде всего очень трудно оправдать изъ самонаблюденія, чтобы каждое понятіе нашего ума дѣйствительно имѣло въ нашемъ представленіи свой особый сколько нибудь постоянный символъ. Если такіе постоянно сопровождающіе наши отвлеченныя понятія образы и существуютъ иногда, они обыкновенно менѣе всего символизируютъ содержаніе нашей мысли. Всего чаще такимъ постоянно сопровождающимъ образомъ является представленіе о написанномъ или напечатанномъ словѣ, обозначающемъ данное понятіе. У людей, обладающихъ такъ называемымъ ц в ѣ т н ы м ъ с л у х о м ъ, |у которыхъ звуки вызываютъ зрительные образы; обыкновенно, высокіе звуки - яркіе цвѣта, низкіе - темные|, такимъ неизмѣнно сопровождающимъ обстоятельствомъ ихъ отвлеченныхъ понятій будетъ та или

другая окраска звукового состава употребляемыхъ ими словъ и т.д. Даже отдаленное логическое соотвѣтствіе между ссдержаніемъ чувственнаго символа и отвѣчающимъ ему абстрактнымъ понятіемъ явится скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы такого соотвѣтствія въ головѣ у себя не услѣдимъ.

Но главное возраженіе противъ символической теоріи заключается, конечно, не въ этомъ: оно состоитъ въ томъ простомъ и ясномъ соображеніи, что символъ до тѣхъ только поръ символъ, пока мы понимаемъ его смыслъ. А если значеніе его для насъ затеряно, то онъ уже не символъ и мы начинаемъ относиться къ нему по его непосредственному, буквальному содержанію. Слово есть символъ выражаемой имъ идеи; но если мы забыли, что оно значитъ, для насъ останется только его звуковой составъ. Мы можемъ слушать самыя мудрыя рѣчи на непонятномъ для насъ языкѣ, но все же ничего не услышимъ, кромѣ безсмысленнаго ряда звуковъ. Все это истины очень простыя. А между тѣмъ изъ нихъ вытекаетъ очень важное заключеніе: чтобы мыслить символами, надо понимать эти символы, т. е. кромѣ символовъ, надо имѣть въ головѣ тѣ понятія, которыя ими обозначаются, - безъ этого у насъ не будетъ никакой мысли ни символической, ни несимволической. Другими словами, чтобы мыслить о чемъ - нибудь символическомъ, надо о томъ же самомъ при этомъ думать прямо и по его настоящему смыслу. Какъ въ примѣрѣ треугольника, чтобы мыслить геометрическую истину, нужно было, чтобы кромѣ представленія объ отдѣльномъ конкретномъ треу-

гольникѣ въ нашемъ умѣ былъ данъ нѣкоторый дополнительный процессъ, такъ тѣмъ болѣе при символахъ искусственныхъ и по содержанію далекихъ отъ обозначаемыхъ ими весьма абстрактныхъ понятій | міръ и кругъ| нуженъ аналогическій дополнительный процессъ сопоставленія символа съ тѣмъ, что въ немъ символизируется. Кромѣ чувственныхъ образовъ, въ нашемъ умѣ должно присутствовать нечувственное содержаніе идей, - безъ этого никакой символизмъ невозможенъ.

-----oOo-----

Въ прошлой лекціи мы остановились на томъ несомнѣнномъ фактѣ, который характеризуется какъ присутствіе въ нашемъ внутреннемъ опытѣ элементовъ весьма существенныхъ и въ то же время не обладающихъ для нашего непосредственнаго воспринимающаго сознанія достаточной ясностью, опредѣленностью и наглядностью своего содержанія. Я указывалъ на то важное слѣдствіе, которое вытекаетъ для всей постановки психологическихъ проблемъ, изъ этого общаго недостатка. Отъ него зависитъ то, что очень многіе психологи, одушевленные идеей свести всю нашу душевную жизнь къ даннымъ наглядного характера, стараются эти элементы совсѣмъ игнорировать и черезъ это дѣлаютъ внутреннимъ фактамъ нашего сознанія освѣщеніе одностороннее. Отсюда цѣлый рядъ споровъ въ психологіи, касающихся самой наличности тѣхъ или иныхъ фактовъ въ нашей душевной жизни. Я старался прослѣдить по

разнымъ областямъ психологической жизни, какъ различно обсуждается составъ относящихся къ нимъ фактовъ, какъ различно изображаются самые факты, смотря по тому, какой тенденціи болѣе подчиняется тотъ или иной психологъ. Мы видѣли, какіе спорные вопросы подымаются по отношенію къ природѣ нашихъ чувствъ, къ природѣ вниманія, по отношенію ко всему вопросу о воли и ея роли въ психической жизни, и, наконецъ, мы особенно остановились на вопросѣ, болѣе всего занимающемъ и философовъ, и психологовъ по отношенію къ прошлому психологіи и даже философіи; это вопросъ о природѣ разума, объ основныхъ признакахъ умственныхъ процессовъ, потому что именно эти признаки относятся къ универсальному содержанію мысли и въ нихъ выражается универсальное знаніе. По этому поводу намъ пришлось остановиться на характеристикѣ той борьбы, которая велась въ психологіи и философіи между универсалистами и номиналистами. Я указывалъ вамъ на то, что на всѣхъ стадіяхъ умственной дѣятельности, во всѣхъ умственныхъ образованіяхъ разума, содержащихъ элементы нагляднаго характера, относящіеся прямо къ области представленія и воображенія, - присутствіе элементовъ другого характера очевиднѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой сферѣ. Я указывалъ на тѣ, совершенно неудачныя, попытки, которыя дѣлаются сторонниками номиналистовъ, обойти затрудненіе, вытекающее изъ невозможности свести умственные процессы на тѣ исключительно наглядныя данныя, которыя единственно имѣютъ въ виду номиналисты. Между прочимъ, по этому поводу я изложилъ теорію символизма. Это теорія, по которой, хотя общія идеи никогда не могутъ быть достояніемъ мысли,

тѣмъ не менѣе для нихъ въ умѣ всегда бываетъ дана нѣкоторая символическая замѣна въ намекающихъ на нихъ чувственныхъ образахъ, съ которыми нашъ разумъ и имѣетъ тогда дѣло. Я указывалъ вамъ, въ чемъ наиболѣе слабый пунктъ такого толкованія: онъ заключается въ невозможности какихъ бы то ни было символическихъ дѣйствій, если значеніе символовъ непонятно для самихъ дѣйствующихъ; въ мысли, обращающейся съ символами, эти послѣдніе только тогда могутъ замѣнять соотвѣтствующія имъ идеи, когда мысль рядомъ съ символомъ имѣетъ и прямое пониманіе обозначаемаго имъ содержанія, причемъ символъ можетъ являться развѣ только облегчающимъ, иллюстрирующимъ пріемомъ мысли, но никакъ не всѣмъ ея содержаніемъ. Этотъ выводъ при внимательномъ анализѣ представляется совершенно неизбѣжнымъ, и, тѣмъ не менѣе, если бы мы его усвоили, онъ обозначалъ бы полный крахъ номиналистической доктрины; онъ призналъ бы то, въ отрицаніи чего заключается весь ея смыслъ. Но какой же другой выходъ указать изъ этихъ затрудненій? Скажемъ ли мы, что мы просто н е п о н и м а е м ъ никакихъ общихъ сужденій и никакихъ отвлеченныхъ идей? Что въ нашемъ умѣ въ соотвѣтствіи съ отвлеченными терминами проносится хаосъ совершенно безсмысленныхъ ассоціацій, которыя однако же въ послѣднемъ результатѣ приводятъ по неизвѣстнымъ причинамъ къ употребленію логически цѣлесообразныхъ новыхъ терминовъ, хотя и они въ нашей головѣ вызовутъ опять только тусклый хаосъ случайныхъ представленій; такъ что осмысленность нашихъ общихъ разсужденій есть только иллюзія, зависящая отъ осмысленнаго сочетанія словесныхъ знаковъ. Конечно, можно договориться

и до этого, ибо несомнѣнно до этого договариваются нѣкоторые весьма солидные психологи, высказывая, что разъ перейдемъ къ чему нибудь отвлеченному, то настоящее пониманіе уже отсутствуетъ, а остается только цѣлесообразное употребленіе знаковъ, которое, такъ сказать, замѣняетъ пониманіе. Но является неумолимый вопросъ: какъ можетъ въ насъ возникнуть такая иллюзія? Пускай сочетанія словесныхъ знаковъ по отношенію къ обозначаемому ими содержанію очень цѣлесообразны, - какъ могли бы мы это замѣтить, еслибъ въ нашей головѣ ничего не было, кромѣ тусклаго хаоса?

-----oOo-----

Итакъ, въ разсматриваемомъ спорѣ универсалисты оказываются правыми. Въ нашемъ мышленіи дѣйствительно присутствуютъ данныя непредставимыя, лишенныя наглядности, сверхчувственнаго характера. Всѣ умственныя операціи имѣютъ дѣло съ ними; въ самомъ дѣлѣ, хотя мы и говоримъ сплошь да рядомъ о признакахъ и свойствахъ, тѣмъ не менѣе признаки и свойства, какъ таковые, въ своемъ отличіи отъ предметовъ, которымъ принадлежатъ, или отъ тѣхъ образовъ, къ которымъ относятся, своей собственной наглядности не имѣютъ; это суть продукты отвлеченія, идеальнаго различенія, а не отдѣльнаго воспріятія. Они отвлекаются умомъ, но ихъ нельзя выдѣлить какъ обособленную конкретную часть того, къ чему мы ихъ относимъ. Если хорошенько подумать, это замѣчаніе окажется справедливымъ

рѣшительно относительно всѣхъ сужденій. Возьмемъ самый элементарный случай. Положимъ, отъ какой нибудь чисто субъективной причины, напримѣръ, отъ давленія на глазъ, передъ закрытымъ глазомъ является красное пятно. Мы произносимъ сужденіе; логически тутъ два понятія: пятно - одно понятіе, красное - другое, но для воображенія тутъ дано нѣчто совсѣмъ единое, чего никакимъ образомъ раздробить нельзя, соотвѣтственно дѣленію терминовъ сужденія; нельзя отдѣлить пятна отъ его красноты. Если бы мы сдѣлали такое раздѣленіе, то вмѣсто воображаемаго предмета и воображаемыхъ отдѣльныхъ его свойствъ мы получили бы два воображаемыхъ пятна, т.е. самый предметъ мысли сдѣлался бы другимъ. То, что наблюдается въ этомъ элементарномъ случаѣ, - съ еще большимъ основаніемъ относится ко всѣмъ другимъ случаямъ, болѣе сложнымъ. Всякій признакъ, какъ таковой, въ отличіи отъ предмета, къ которому относится, есть нѣчто конкретно не представимое, а только отвлеченно усматриваемое въ своемъ отношеніи къ данному объекту. Въ каждомъ сужденіи, если не подлежащее, то, по крайней мѣрѣ, сказуемое имѣетъ общее содержаніе; но есть даже безчисленное множество сужденій, гдѣ само подлежащее не имѣетъ наглядности: это тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло, напримѣръ, съ такими отвлеченными идеями, какъ право, нравственность, безконечность, законъ, идеалъ и т.д. Такимъ образомъ, этотъ сверхчувственный элементъ нашихъ умственныхъ процессовъ допустить неизбѣжно, но, какъ ни странно это, эти данныя настолько неуловимы въ своихъ психологическихъ качествахъ, такъ легко ускользаютъ отъ самонаблюденія въ своей особой природѣ, что существу-

ютъ до сихъ поръ очень серьезные изслѣдователи, которые совсѣмъ отрицаютъ самое ихъ существованіе. Въ этомъ долженъ заключаться величайшій урокъ для психолога въ смыслѣ осторожности и воздержанія отъ поспѣшныхъ обобщеній.

-----oOo-----

Теперь мы ознакомились съ важнѣйшими достоинствами и недостатками самонаблюденія |интроспетивнаго метода|. Его достоинство въ томъ, что для него душевные факты являются въ своей настоящей реальности и что внутренняя связь между ними въ очень многихъ случаяхъ непосредственно открыта для нашего прямого усмотрѣнія. Его недостатки коренятся въ томъ, что психическія явленія очень неустойчивы и непрерывно протекаютъ ко времени, что ихъ нельзя измѣрить, что они далеко не сполна воспроизводятся въ нашемъ воспоминаніи, что ихъ нельзя наблюдать въ моментъ ихъ совершенія, не измѣняя ихъ хода, наконецъ, что многіе изъ нихъ, и особенно важные по своей роли въ общемъ обиходѣ психической жизни, оказываются по своему внутреннему существу неопредѣленными, лишенными чувственнаго облика, не имѣющими отчетливой наглядности для нашего внутренняго воспріятія. Изъ этихъ свойствъ нашего самосознанія можно вывести нѣкоторыя руководящія и предостерегающія правила психологическаго изслѣдованія, поскольку они ведутся интроспективнымъ методомъ. Я укажу важнѣйшія между ними.

1| Въ нашемъ самонаблюденіи невозможно примѣненіе строгой научной индукціи съ экспериментальными методами, при установленіи связей и послѣдовательностей между психическими явленіями. Строгій экспериментъ вообще въ чистомъ видѣ для него недоступенъ. Нельзя вызвать явленій по произволу или даже, если мы этого достигнемъ, нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что всѣ обстоятельства опыта намъ извѣстны; для самонаблюденія примѣнима только простая, популярная индукція, но и въ ней мы не можемъ быть увѣрены|въ виду плохой воспроизводимости и неуловимости отдѣльныхъ фактовъ|, что всѣ данныя приняты нами во вниманіе. Такъ что этотъ шаткій и невѣрный логическій пріемъ изслѣдованія примѣняется въ области нашего внутренняго самосознанія съ еще гораздо меньшимъ совершенствомъ, чѣмъ въ области знанія внѣшней природы.

2| Для самонаблюденія является широко открытымъ методъ м ы с л е н н а г о а н а л и з а, въ значительной степени восполняющаго и дополняющаго индукцію въ ея обычномъ смыслѣ. Факты душевной жизни между всѣми явленіями дѣйствительности отличаются тѣмъ, что въ нихъ намъ нерѣдко бываетъ открыта ихъ внутренняя связь. Черезъ это въ ней отдѣльныя наблюденія даютъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ знанія. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы можемъ услѣдить, что въ немъ первоначально и что производно, что причина и что слѣдствіе, въ чемъ условіе и что дано, какъ обусловленное, въ чемъ выражается активность духа и въ чемъ, напротивъ, сказывается его пассивность. Это ясно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, совершенно независимо отъ того, сколько случаевъ нами наблюдалось. Всего этого мы

достигаемъ черезъ простое разсмотрѣніе отдѣльныхъ данныхъ, присматриваясь къ тому, что совершается въ насъ. Это значитъ, что простое самонаблюденіе во многихъ случаяхъ даетъ намъ прямо то, что въ наукахъ о внѣшней природѣ достигается лишь строгимъ и детальнымъ примѣненіемъ метода экспериментальнаго изслѣдованія. Вѣдь вся логическая задача экспериментальныхъ опытовъ заключается именно въ томъ, чтобы выдѣлить причинныя связи явленій изъ тѣхъ безчисленныхъ слѣдующихъ другъ за другомъ явленій, которыя доставляетъ намъ прямое наблюденіе внѣшней дѣйствительности. Въ психологіи въ той области фактовъ, о которой я говорю, въ этихъ методахъ уже не оказывается нужды въ виду непосредственной усмотримости причинныхъ отношеній. Это, несомнѣнно, очень важное восполненіе того недостатка, который заключается въ невозможности примѣненія причинной индукціи, въ ея сколько-нибудь строгомъ смыслѣ, по отношенію къ психическимъ явленіямъ такъ, какъ она прилагается къ физическимъ явленіямъ.

3| Детальное усвоеніе всѣхъ малѣйшихъ перипетій психическаго процесса для самонаблюденія | въ виду неизбѣжной неполноты воспроизведенія прошлыхъ явленій| мало доступно.. Затѣмъ, въ виду сейчасъ указанной возможности мысленнаго прямого анализа, мы способны сразу схватывать типическія черты явленій, въ виду непосредственной очевидности ихъ внутренняго механизма. Напр., на одномъ примѣрѣ какого - нибудь сложнаго разсужденія, всматриваясь въ его смыслъ, опѣнивая его внутренніе мотивы, мы могли бы при извѣстной проницательности обобщить изъ этого одного случая всѣ законы логики, обязательные для

всякаго разсужденія вообще, и понятія, въ ихъ необходимости и внутренней неизбѣжности. Такимъ образомъ, отправляясь отъ отдѣльнаго факта, мы могли бы сразу схватить отношенія наиболѣе универсальнаго характера. И, собственно, подобное же соображеніе можно высказать по поводу каждой категоріи явленій, въ которой оказывается возможнымъ это непосредственное усмотрѣніе причинныхъ отношеній. Но изъ этого видно и неизбѣжное ограниченіе такого метода психологическаго изслѣдованія путемъ мысленнаго или типическаго анализа. Тутъ можно сказать: вообще интроспекція сильна только тамъ, гдѣ мы можемъ прямо услѣдить внутреннюю связь между переживаемыми явленіями; но она оказывается плохимъ средствомъ познанія тамъ, гдѣ эта внутренняя связь для насъ неясна и гдѣ она зависитъ отъ какихъ нибудь внѣшнихъ причинъ. Тамъ путемъ одного внутренняго самоанализа можно получить только очень немного, да и это немногое едва ли будетъ обладать безспорною цѣной.

ЛЕКЦІЯ VII-я.

Въ прошлой лекціи мы окончательно могли формулировать, въ чемъ заключается сила и въ чемъ слабость метода с а м о н а б л ю д е н і я въ психологіи. Въ своемъ душевномъ мірѣ мы воспринимаемъ происходящія въ немъ явленія въ ихъ подлинныхъ признакахъ и, по крайней мѣрѣ, въ значительной ихъ до-

лѣ, въ ихъ внутреннихъ связяхъ между собою. Оттого въ психологіи возможенъ способъ изслѣдованія, который для другихъ наукъ недоступенъ: прямой мысленный анализъ отдѣльныхъ фактовъ по ихъ внутреннему значенію и смыслу и по ихъ взаимной зависимости. Оттого психологъ до нѣкоторой степени оказывается въ положеніи геометра: какъ геометръ, всесторонне изслѣдуя отдѣльные примѣры, приходитъ къ самымъ общимъ заключеніямъ о линіяхъ, углахъ и фигурахъ, такъ и психологъ, мысленно сосредоточившись на отдѣльныхъ душевныхъ актахъ, можетъ усматривать и оцѣнивать ихъ т и п и ч е с к і я о т н о ш е н і я. Я уже говорилъ вамъ о томъ, что, при извѣстной долѣ проницательности, человѣкъ, даже и не знающій логики, могъ бы построить ея основные законы и правила, просто вдумываясь въ смыслъ какого-нибудь одного сложнаго разсужденія и мысленно выдѣляя мотивы, движущіе ходомъ заключеній; въ немъ вѣдь и исторически логика возникла изъ анализа отдѣльныхъ конкретныхъ логическихъ актовъ. Точно также, переживъ одинъ какой-нибудь порывъ сильнаго чувства, дотолѣ намъ незнакомаго, мы не только будемъ знать, что оно въ насъ вызвало въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, но будемъ знать и то, чего можно ждать отъ этого чувства въ будущемъ, или отъ другихъ людей, когда оно ими овладѣваетъ. Кто испыталъ сильную борьбу между голосомъ совѣсти и могущественными побужденіями личнаго интереса и выгоды, тотъ знаетъ, чего эта борьба стоитъ, какой твердой воли требуетъ, и на какіе хитрые софизмы пускается нашъ эгоизмъ, чтобы отстоять себя. | Другими словами, онъ будетъ имѣть о подобныхъ

положеніяхъ т и п и ч е с к о е знаніе будетъ знать, что значитъ переживать подобныя вещи вообще, а не только въ томъ отдѣльномъ случаѣ, который былъ ему доступенъ. Такимъ образомъ, вотъ два мощныя орудія интроспективной психологіи: п р я м о й м ы с л е н н ы й а н а л и з ъ отдѣльно взятыхъ психическихъ фактовъ и вытекающій изъ него т и п и ч е с к і й или о б о б щ а ю щ і й а н а л и з ъ.

За то для внутренняго самонаблюденія почти закрытъ тотъ методъ, который дастъ такіе огромные результаты въ наукахъ, опирающихся на опытъ внѣшній; я говорю о строгой научной индукціи и о научныхъ методахъ экспериментальнаго изслѣдованія. Его непримѣнимость находится въ тѣсной зависимости отъ важнѣйшихъ недостатковъ самонаблюденія, которые коренятся въ чрезвычайной подвижности и неустойчивости психическихъ явленій, въ ихъ громадной сложности, въ ихъ неодинаковой воспроизводимости путемъ воспоминанія, въ невозможности точныхъ наблюденій надъ психическими явленіями въ моментъ ихъ совершенія безъ нарушенія ихъ нормальнаго хода, наконецъ, въ присутствіи во всѣхъ психическихъ фактахъ мало уловимыхъ, не имѣющихъ никакой чувственной наглядности элементовъ, роль которыхъ въ душевной жизни чрезвычайно важна. Не можетъ быть настоящей индукціи тамъ, гдѣ явленія страшно сложны, а между тѣмъ мы |по крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ| не только не способны ихъ вызвать по своему произволу, но и тогда, когда они возникаютъ сами со-

бой, не можетъ сколько-нибудь отчетливо уследить дѣйствительнаго состава всѣхъ ихъ признаковъ и элементовъ. Въ распоряженіи психолога, идущаго интроспективнымъ путемъ, остается лишь популярная индукція, но и къ ней онъ долженъ относиться съ большой осторожностью: онъ долженъ постоянно помнить, что детальный ходъ психическихъ процессовъ отъ него постоянно убѣгаетъ и въ моментъ ихъ теченія и, тѣмъ болѣе, когда онъ захочетъ возстановить ихъ въ памяти.

-----oOo-----

Изъ изложенныхъ сейчасъ соображеній вытекаетъ важный выводъ: несмотря на сравнительную неопредѣленность и неуловимость активныхъ элементовъ нашего сознанія, для интроспективнаго изслѣдованія оказываются наиболѣе доступными проявленія а к т и в н о с т и н а ш е г о д у х а. - Причина тому понятна: лишь въ проявленіяхъ этого рода нашему самонаблюденію и самовоспріятію открытъ причинный рядъ переживаемыхъ состояній въ его важнѣйшихъ звеньяхъ и въ его внутреннемъ значеніи; оттого только къ этой категоріи явленій съ полною плодотворностью прилагаются методы п р я м о г о м ы с л е н н а г о и т и п и ч е с к а г о а н а л и з а. Говоря просто, мы только тѣ психическія явленія понимаемъ вполнѣ, въ которыхъ выражаются наши дѣйствія - внѣшнія или внутреннія, - наши стремленія

и побужденія въ ихъ взаимной зависимости, наши впечатлѣнія и чувства: мы только то хорошо понимаетъ въ себѣ, что зависитъ отъ нашего собственнаго Я и выражаетъ его субъективныя реакціи на окружающій міръ. |Я уже указывалъ тому многочисленные примѣры|. Напротивъ, тѣ психическія состоянія, къ которымъ наше сознаніе относится п а с с и в н о, которыя ему, такъ сказать, навязываются извнѣ и помимо его, несмотря на ихъ сравнительно большую наглядность, гораздо менѣе открыты интроспективному анализу по отношенію къ ихъ внутреннимъ связямъ, управляющимъ ими законамъ и вызывающимъ ихъ причинамъ. |Детально установить природу раздраженій, вызывающихъ тѣ или другія внѣшнія ощущенія, на основаніи одного самонаблюденія, невозможно. Напримѣръ, что дѣлается въ глазу, когда мы испытываемъ зрительныя ощущенія? Конечно, самонаблюденіе при рѣшеніи этого вопроса ни къ чему насъ привести не можетъ, кромѣ самыхъ общихъ предположеній. Или законъ Вебера, какъ бы его можно было вывести на основаніи одного только самонаблюденія? Точно также невозможно путемъ интроспекціи установить причины нашихъ органическихъ ощущеній, проистекающихъ изъ процессовъ и измѣненій внутри нашего организма, |иначе, какъ простъ былъ бы діагнозъ всякихъ болѣзней|, или, обращаясь къ другой области, нельзя напримѣръ, только на основаніи самонаблюденія съ увѣренностью отвѣтить на вопросъ, какія представленія сохраняются въ нашей памяти и какія изчезли изъ нея навсегда. Относительно этого всякій выводъ на основаніи внутренняго наблюденія всего скорѣе будетъ содержать обманъ. Мы обыкновенно очень неправильно судимъ на основаніи

непосредственнаго опыта о предѣлахъ нашей памяти. Въ каждый данный моментъ нашему воспріятію доступно несравненно меньше того, что дѣйствительно въ памяти хранится и что можетъ при первыхъ условіяхъ воскреснуть въ ней. Нельзя самонаблюденіемъ рѣшить, какія причины вызываютъ въ насъ то или другое содержаніе нашихъ сновидѣній, ихъ тусклость или отчетливость, ихъ осмысленность или безсвязность. |Одинаково о галлюцинаціяхъ, бредѣ и т.д.| Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, очевиднымъ образомъ, самонаблюденіе нуждается въ помощи н а б л ю д е н і я в н ѣ ш н я г о и надъ другими людьми, и надъ физическими и физіологическими процессами въ нашемъ организмѣ вообще. Безъ этого въ сферѣ этихъ вопросовъ мы едва ли чего-нибудь добьемся.

Теперь, когда намъ извѣстны сильныя и слабыя стороны самонаблюденія, которое все таки остается кореннымъ методомъ при нашемъ знакомствѣ съ своимъ собственнымъ душевнымъ міромъ, мы можемъ остановиться на нѣкоторыхъ п р е д о с т е р е г а ю щ и х ъ правилахъ, внимательное выполненіе которыхъ, быть можетъ, избавило бы психологію отъ той хаотической пестроты противорѣчащихъ теорій и гипотезъ, которою она страдала въ теченіе всей своей исторіи.

I| Психологъ долженъ избѣгать исключительнаго сосредоточенія всѣхъ своихъ изслѣдованій на наглядныхъ и отчетливыхъ фактахъ въ жизни сознанія. Онъ долженъ постоянно имѣть въ виду душевную жизнь въ ея дѣйствительномъ цѣломъ, со всею сложностью, подвижностью, нерѣдко - неуловимостью и неопредѣленностью. Онъ долженъ помнить, что наглядное, вполнѣ опредѣленное и отчетливое въ ней составляетъ лишь

сравнительно небольшую и далеко не самую существенную область среди ея разнообразныхъ внутреннихъ двигателей. Я въ этомъ случаѣ имѣю въ виду не только роль безсознательной психики, которая была выдвинута въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ въ послѣднее время: я хочу указать на другое, - что и въ сферѣ сознаго сознанія приходится различать между элементами съ содержаніемъ болѣе или менѣе уловимымъ, болѣе или менѣе доступнымъ для посредственнаго усвоенія и оцѣнки. Это первое, что психологъ долженъ имѣть въ виду. Второе тѣсно связано съ условіемъ правильности изслѣдованія.

2| Психологъ долженъ съ большою осторожностью относиться ко всякимъ попыткамъ дать окончательный анализъ психическихъ процессовъ на ихъ простѣйшіе элементы. Стремленіе разложить сложна всякое сложное явленіе на его составныя, далѣе неразложимыя части лежитъ въ самомъ существѣ науки и въ наукахъ о мірѣ внѣшнемъ |механикѣ, физикѣ, химіи| оно было главнымъ двигателемъ ихъ огромныхъ успѣховъ за послѣднія столѣтія. Но все же надо помнить, что оно плодотворно лишь тогда, когда назрѣла возможность его болѣе или менѣе обстоятельнаго выполненія. Въ противномъ случаѣ,анализъ приведетъ не къ тому,чего отъ него ждутъ, а только къ одностороннему и искаженному изображенію фактовъ. Психологъ обязанъ помнить, какъ безконечно сложны, даже по видимости простыя ,психическія явленія, какъ много въ каждомъ изъ нихъ неуловимыхъ, чисто идеальныхъ моментовъ и двигателей, и какое съ другой стороны, органическое нерасторжимое внутреннее единство представляетъ душевная жизнь въ ея цѣломъ. Мы еще неоднократно убѣ-

димся, что въ самой идеѣ разсматривать душевную жизнь, какъ простую сумму независимыхъ другъ отъ друга слагаемыхъ, заключается важная научная натяжка, заключается предвзятый взглядъ, который въ прошломъ психологіи принесъ ей много вреда: поэтому въ душевной жизни возможенъ только о п и с а т е л ь н ы й, а никакъ не абсолютный анализъ, какой, напримѣръ, бываетъ въ химіи, гдѣ мы просто разлагаемъ данное вещество на тѣ элементы, изъ которыхъ оно состоитъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, что разложеніе сдѣлано полное, исчерпывающее, намъ достаточно обратнымъ путемъ изъ этихъ же веществъ составить то вещество, которое разлагали, и анализъ получаетъ уже абсолютный характеръ. Между тѣмъ вѣрнѣйшее средство не понять психическій процессъ, это остановиться въ немъ только на такихъ элементахъ, которые ярко выражены и болѣе другихъ бросаются въ глаза. Противъ увлеченія аналитическими задачами въ психологіи единственное средство должно заключаться въ возможно большей строгости требованій отъ о б р а т н а г о с и н т е з а, отъ обратнаго построенія цѣлаго процесса изъ его предполагаемыхъ частей, о которыхъ думаютъ, что они исчерпываютъ составъ даннаго явленія. Каждый данный психическій процессъ долженъ строиться изъ предположенныхъ его элементовъ во всей конкретной и жизненной полнотѣ, а не только въ какихъ - нибудь своихъ отдѣльныхъ свойствахъ. Въ области подобныхъ изслѣдованій трудно быть достаточно скептикомъ: при чрезвычайной тонкости и сложности изучаемыхъ явленій, малѣйшее сомнѣніе въ возможности дѣйствительнаго выведенія всей совокупности признаковъ явленій изъ ихъ пред-

полагаемыхъ факторовъ, должно служить рѣшительнымъ препятствіемъ для признанія анализа достаточнымъ.

Въ исторіи психологіи замѣчаемъ скорѣе противоположную тенденцію: требованія отъ обратнаго синтеза въ виду трудности задачи обыкновенно бываютъ очень снисходительныя и нерѣдко только такою снисходительностью обезпечивается успѣхъ отдѣльныхъ гипотезъ, иногда пользующихся очень большой популярностью, чтобы потомъ быть навсегда брошенными. Примѣры: объясненіе Кондильяка происхожденія сужденій изъ природы ощущеній, сводящее всѣ умственные процессы къ простымъ ощущеніямъ. Ощущенія одни ярче, другія тусклѣе, одни болѣе захватываютъ сознаніе, другія менѣе. Но захватъ сознаніяощущеніемъ есть вниманіе къ этому ощущенію. Положимъ, въ насъ даны два захватывающихъ сознаніе ощущенія зараз. Мы будемъ внимательны къ нимъ обоимъ. Но быть внимательными къ двумъ ощущеніямъ и сравнивать ихъ одно и то же. А сравнивать ихъ значитъ судить о нихъ. Итакъ, сужденіе объ ощущеніяхъ ничѣмъ не отличается отъ самихъ ощущеній. Получается очень стройный взглядъ, но онъ весь зависитъ отъ того, что Кондильякъ вовсе не поставилъ себѣ вопросовъ: точно ли вниманіе ничѣмъ не отличается отъ простого захвата ощущеніемъ нашей способности чувствовать? Точно ли быть внимательнымъ къ двумъ идеямъ, - особенно б ы т ь в н и м а т е л ь н ы м ъ въ смыслѣ Кондильяка, т.е. только въ томъ смыслѣ, что объ идеи обладаютъ яркостью, и сравнивать ихъ совсѣмъ одно и то же и т д.? Вся теорія эта построена на подобнаго рода быстрыхъ переходахъ для отождествленія между собой явленій, представляющихъ хоть какую-нибудь аналогію;

ставится знакъ равенства тамъ, гдѣ есть только сходство. Такихъ примѣровъ можно много привести изъ исторіи психологическихъ гипотезъ|.

3| Психологъ тщательно долженъ оберегаться отъ злоупотребленія ф и з і о л о г и ч е с к и м и с х е м а м и. Тѣсная зависимость психическихъ явленій въ насъ отъ физіологическихъ процессовъ въ нашемъ организмѣ, въ особенности въ нашемъ мозгу и нервной системѣ, есть фактъ несомнѣнный, и указаніе условій такой зависимости представляетъ весьма интересную и плодотворную тему научныхъ изысканій. Но все же изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что задача психолога состоитъ только въ томъ, чтобы для каждаго психическаго факта найти тотъ физико-химическій процессъ въ мозговыхъ клѣткахъ, который его вызываетъ. Такая замѣна психологіи физіологіей недозволительна, во первыхъ, потому, что какъ бы ни были тѣсно связаны психическая и физическая сферы явленій въ насъ, мы все таки не имѣемъ права сразу рѣшать, въ чемъ эта связь заключается. Состоитъ ли она въ томъ, что каждому психическому феномену въ нервно-мозговой системѣ отвѣчаетъ вполнѣ эквивалентный ему физіологическій процессъ, порождающій съ физической неизбѣжностью другіе процессы, которые въ нашей психикѣ отражаются какъ новыя явленія, вытекающія изъ перваго, хотя они на дѣлѣ не вытекаютъ, а вызываются предшествующими физическими процессами въ мозгу? Такъ смотрятъ на дѣло очень часто и въ этомъ предположеніи, какъ вы знаете, состоитъ столь популярная теперь т е о р і я э п и ф е н о м е н и з м а. Но хотя она и очень популярна, она все же весьма далека отъ того, чтобы

быть дѣйствительно доказанной. Впослѣдствіи мы, напротивъ, убѣдимся, что она вызываетъ противъ себя весьма серьезныя возраженія. А если такъ, то возможно предположить, что отношеніе физическаго и психическаго въ насъ не такъ просто и не сводится только къ тому, что звенья психическаго ряда явленій въ насъ во всѣхъ случаяхъ представляютъ прямую функцію звеньевъ физическаго ряда, безъ всякаго обратнаго воздѣйствія душевныхъ актовъ на направленіе физіологическихъ процессовъ. Быть можетъ, физическій и психическій ряды феноменовъ, хотя и связаны въ насъ въ томъ смыслѣ, что постоянно оказываютъ многообразное в з а и м н о е вліяніе другъ на друга, но все же развиваются самостоятельно, каждый по своему, и поэтому для отдѣльныхъ звеньевъ процесса душевнаго не всегда можно указать вполнѣ соотвѣтствующій коррелатъ въ звеньяхъ цѣпи физическихъ процессовъ. Во-вторыхъ, при попыткахъ чисто физіологическаго объясненія душевныхъ фактовъ постоянно приходится имѣть въ виду скудость нашихъ свѣдѣній о тѣхъ безконечно сложныхъ и тонкихъ процессахъ, которые совершаются въ нашемъ мозгу. Въ мозгу оказывается по вычисленіямъ до 800 милл.клѣточекъ, и что въ нихъ дѣлается, объ этомъ точнаго и яснаго представленія нѣтъ ни у кого. Какъ найти въ этихъ процессахъ точное обоснованіе того, что совершается въ нашей психикѣ,какъ весьма отдаленный результатъ того, что происходитъ въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ нашего мозга? Чтобы отвѣчать на вопросы этого рода, психологу приходится пускаться въ творчество и самому сочинять физіологическія схе-

мы для объясненія всѣхъ операцій духа. Это отнимаетъ у изслѣдователей много времени и остроумія, а между тѣмъ результатъ довольно плохо вознаграждаетъ ихъ старанія: психическіе и физическіе факты слишкомъ разнородны между собою и,что бы мы ни придумывали для однихъ, это мало поясняетъ внутренній строй другихъ.

Итакъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о связи между вопросами психическими и физіологическими представляетъ огромную важность для психологіи,тѣмъ не менѣе, исключительное сосредоточеніе интереса психологическаго изслѣдованія на этой области часто ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Прежде всего,тутъ приходится имѣть въ виду то обстоятельство, что самый характеръ связи между душевными и физическими явленіями не нашелъ еще себѣ безспорнаго опредѣленія. Когда весь интересъ изслѣдованія сосредоточивается на указаніи тѣхъ физіологическихъ корреляговъ, которые мы имѣемъ въ жизни нервно-мозговой системы, тогда обыкновенно всегда предполагается , что вся причинность психическихъ явленій всецѣло заключается въ физической сферѣ, что психическія явленія сами по себѣ ничего не приносятъ ни для внутренняго хода психической жизни, ни для внѣшнихъ ея выраженій. Этотъ взглядъ, который носитъ названіе эпифеноменизма, является въ сильной степени предвзятымъ; настоящихъ доказательствъ для него еще нѣтъ; и трудно надѣяться, чтобы когда - нибудь такое доказательство было выработано. Съ другой стороны, психологъ, сосредоточивающій всю силу своихъ изслѣдованій на области физіологической,наталкивается на то огромное затрудненіе, что она имен-

но въ тѣхъ сторонахъ, которыя непосредственно соприкасаются съ жизнью духа, оказывается въ высшей степени мало изслѣдованной и въ то же время необыкновенно сложной. Собственно говоря, въ психической сферѣ отражаются только весьма отдаленные результаты того, что происходитъ въ нервно-мозговой системѣ. Между тѣмъ детальный ходъ самыхъ элементарныхъ явленій въ этой сферѣ для насъ оказывается еще закрытымъ въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ. Такимъ образомъ, вмѣсто изображенія дѣйствительныхъ процессовъ, сторонники этого метода психологическихъ изслѣдованій принуждены создавать схемы того, что происходитъ въ физической области; вмѣсто того, чтобы выслѣживать факты такъ, какъ они происходятъ, приходится сочинять.

Это является, въ концѣ концовъ, по малой мѣрѣ, непроизводительной тратой силъ. Между тѣмъ, въ физіологической схематизаціи заключается и прямо опасная сторона для безпристрастнаго изслѣдованія. Ничто такъ не толкаетъ къ одностороннему и даже прямо превратному освѣщенію душевныхъ фактовъ, какъ заранѣе составленное убѣжденіе въ томъ, что всѣ психическія явленія представляютъ лишь переводъ на субъективный языкъ нашего сознанія чисто физическихъ перемѣнъ въ нашей нервной системѣ. Ничто не побуждаетъ такъ могущественно къ совершенію поспѣшныхъ анализовъ и къ пренебреженію тѣми лишенными чувственной наглядности элементами сознанія, о значеніи которыхъ я уже говорилъ такъ много. Вѣдь при послѣдовательномъ проведеніи эпифеноменистическаго взгляда, мы съ самаго начала всякую психическую активность должны признать за простую иллюзію. Мы всѣ

явленія сознанія должны будемъ разсматривать, какъ чисто пассивныя отраженія въ немъ разныхъ перемѣнъ внѣ его. При этихъ условіяхъ долженъ непремѣнно возникнуть соблазнъ растолковать всю душевную жизнь изъ того, что раньше я назвалъ о б ъ е к т и в н ы м и или п е р и ф е р и ч е с к и м и данными сознанія |изъ ощущеній и представленій, - вѣдь тогда всякое душевное состояніе есть только субъективное ощущеніе нервныхъ измѣненій, оно будетъ отличаться отъ ощущеній въ тѣсномъ смыслѣ слова только тѣмъ, что въ немъ ощущается, такъ сказать, повторенное нервное измѣненіе, отраженіе измѣненія, повторяющее какое-нибудь прежде совершившееся измѣненіе, вызванное извнѣ|.Точно такъ же, если будемъ разсматривать всѣ другія сферы психическихъ явленій, онѣ всѣ такъ или иначе должны получить ту же самую характеристику съ этой точки зрѣнія. При этомъ нужно, если окажется возможнымъ, совсѣмъ отвергнуть чувства, волю, вниманіе во всемъ томъ, въ чемъ они отличаются отъ простыхъ ощущеній. Это постоянно замѣчается въ современной психологіи, которая въ значительной степени окрашена эпифеноменистическими тенденціями, или, какъ иначе формулируется, тѣнденціями параллелизма въ отношеніи психическихъ и физіологическихъ явленій. Возьмемъ ли теорію Джемса съ его стремленіемъ свести всю жизнь нашихъ чувствъ къ органическимъ ощущеніямъ; возьмемъ ли столь популярную теперь теорію воли, которая,въ концѣ концовъ, сводится къ полному отрицанію всякой своеобразности волевыхъ явленій и процессовъ интеллектуальныхъ - мы вездѣ можемъ это видѣть и мы уже теперь имѣемъ достаточно много основаній для того, чтобы

понять, насколько одностороннее освѣщеніе дается этимъ самымъ психическому процессу въ его цѣломъ.

---oOo---

Главная задача психолога должна заключаться въ б е з п р и с т р а с т н о м ъ о п и с а н і и данныхъ душевной жизни. Какъ мы уже знаемъ, эта задача чрезвычайно трудна въ виду тонкости и сложности психическихъ фактовъ. Въ этомъ коренное отличіе психологіи отъ другихъ наукъ. |Въ нихъ - описаніе прямо даннаго составляетъ только вводную и несущественную часть|. Но,съ другой стороны,отличіе психологіи отъ другихъ наукъ заключается и въ томъ, что въ ней всестороннее описаніе наличныхъ фактовъ можетъ дать гораздо больше,чѣмъ въ послѣднихъ:оно раскроетъ внутреннюю причинность феноменовъ, поскольку они, по крайней мѣрѣ, зависятъ отъ активности нашего Я. Наконецъ, въ виду того, что во внутреннемъ опытѣ намъ открывается истинная и несомнѣнная дѣйствительность, а не что нибудь иллюзорное или придуманное нами, такое описаніе должно открыть очень важныя перспективы для общихъ философскихъ выводовъ. По поводу сдѣланныхъ замѣчаній можно ждать одного возраженія, на которое непремѣнно надо отвѣтить потому, что оно, въ концѣ концовъ, касается самойвозможности психологіи, какъ науки. Во всей простотѣ это возраженіе можно формулировать такъ. Если психическіе факты, столь значительные и важ-

ные по своей роли, оказываются неуловимыми и неопредѣленными, если къ нимъ, какъ мы могли убѣдиться, непримѣнимы самые обычные пріемы наблюденія и опытнаго изслѣдованія, если въ области чистаго самонаблюденія, - съ которой психологіи неизбѣжно приходится начинать, и которая всегда остается главнымъ и кореннымъ источникомъ всѣхъ ея выводовъ, - если въ этой области ничего нельзя измѣрить и вычислить и, слѣдовательно, она совсѣмъ недоступна для математическихъ формулъ, - то какое можетъ быть знаніе о психической жизни? Способна ли психологія когда нибудь стать наукой? Не осуждена ли она самымъ существомъ своимъ задачъ на то, чтобы являться вѣчнымъ хаосомъ противорѣчивыхъ мнѣній и не болѣе того? Мнѣ кажется, отвѣтъ на эти недоумѣнія представляется простымъ. Вѣдь какіе бы недостатки мы ни указывали въ психологическомъ изслѣдованіи, тѣмъ не менѣе, мы кое-что знаемъ о своемъ душевномъ мірѣ и даже знаемъ довольно много. Это - фактъ несомнѣнный. Вѣдь все наше практическое знаніе жизни и свѣта въ большей своей части слагается именно изъ того, что мы знаемъ о себѣ и относительно чего мы вѣрно догадываемся въ другихъ. Жизненный опытъ, личный и общественный, любое художественное произведеніе литературы, всякое обдуманное наше знакомство съ историческимъ прошлымъ, всякая философская теорія, которая съ неизбѣжностью во всѣхъ своихъ посылкахъ должна опираться на непосредственныя данныя или разума или чувственнаго опыта - все это, да и многое другое, со всѣхъ сторонъ научаетъ насъ о томъ, что проносится и содержится въ насъ самихъ. Если бы относительно нашего собственнаго душевнаго міра въ насъ

не было никакого раздѣльнаго знанія, кромѣ дикаго хаоса противорѣчивыхъ заблужденій, мы ничего не могли бы ни понять, ни совершить въ жизни; а разъ мы кое-что о себѣ знаемъ, мы можемъ систематизировать свое знаніе, установить градацію и связь между болѣе или менѣе истиннымъ въ нашей жизни, между болѣе или менѣе достовѣрнымъ, между тѣмъ, что явно представляется намъ обусловленнымъ и тѣмъ, что кажется обусловленнымъ только по догадкѣ. Между тѣмъ, систематическое знаніе о какомъ нибудь предметѣ и называется наукой. Разъ мы отыскали связь между явленіями, намъ извѣстными, подвели подъ какія ни на есть общія начала наши знанія, мы уже имѣемъ науку, хотя, конечно, можетъ быть вопросъ о степени совершенства науки. Дѣйствительно, является уже совсѣмъ другимъ вопросомъ, можетъ ли психологія стать наукой въ томъ точномъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ, напримѣръ, наукой астрономію, механику и физику? Дойдетъ ли когда - нибудь психологія до такого совершенства, что будетъ безошибочно предсказывать, въ какой часъ и въ какую минуту въ каждомъ данномъ случаѣ съ неизбѣжностью возникнетъ та или другая идея, или будетъ совершено то или другое дѣйствіе, подобно тому, какъ мы со всей точностью опредѣляемъ тѣ секунды, въ которыя начнется солнечное или лунное затменіе? На то, чтобы психологія когда - нибудь достигла такого состоянія, дѣйствительно надежды очень плохи; но развѣ эти надежды трудно осуществимы только для одной психологіи? Есть ли хоть малѣйшая вѣроятность, чтобы такой астрономическій обликъ получила когда нибудь, напримѣръ, исторія? Вѣдь тоже, собственно говоря, надежды на это нѣтъ. Насту-

питъ-ли когда- нибудь время, что историкъ будетъ предсказывать событія слѣдующихъ лѣтъ съ такой же точностью, какъ въ астрономіи предсказывается появленіе той или другой звѣзды? Можно, мнѣ кажется, съ увѣренностью сказать, что, какъ бы ни усовершенствовались историческіе методы, какъ бы ни умножились наши историческія познанія, самая сложность причинъ, вызывающихъ историческія явленія и то огромное вліяніе всевозможныхъ внѣшнихъ случайностей, которыя лежатъ внѣ кругозора историческихъ изслѣдованій, никогда не позволятъ исторіи достигнуть этой ступени. Можно-ли надѣяться, чтобы такого астрономическаго облика достигла когда-нибудь біологія, въ широкомъ смыслѣ наука объ явленіяхъ и эволюціи жизни? Внѣ всякаго сомнѣнія, она не только теперь далека отъ этого идеала, но, въ виду огромной сложности тѣхъ явленій, съ какими ей приходится имѣть дѣло, опять таки едва-ли можно разсчитывать на достиженіе такого состоянія біологіей даже въ отдаленномъ будущемъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, помимо всего другого, что составляетъ особенность психологической сферы, такой астрономическій обликъ оказывается немыслимымъ тамъ, гдѣ вообще приходится имѣть дѣло съ неограниченной сложностью данныхъ. Только при томъ условіи возможно строгое предсказаніе, если оно оказывается по плечу способности человѣческаго разума. Въ этомъ смыслѣ надо признать, что нѣкоторыя науки самымъ существомъ своихъ задачъ осуждены быть неточными и не астрономическими, и, несомнѣнно, всѣ науки о духѣ должны быть причислены къ этой категоріи. Означаетъ- ли это, однако, что мы должны отъ нихъ отказаться? Вѣдь не надо забывать, что неточное знаніе

вовсе еще не обозначаетъ ложнаго знанія, и если психологія не можетъ достигнуть абсолютной точности, она, во всякомъ случаѣ, можетъ позаботиться о томъ, чтобы въ ней не было ложныхъ обобщеній и ложныхъ предположеній. Въ самомъ дѣлѣ, если такая невозможность астрономически-точнаго облика есть очень важный недостатокъ психологіи, то зато вообще въ наукахъ о духѣ есть и одно весьма существенное преимущество. У насъ,въ сферѣ психологіи, дѣйствительно нѣтъ исчерпывающихъ ходъ явленій формулъ, но въ психологіи зато намъ открыта внутренняя качественная сторона явленій, притомъ въ ихъ подлинномъ видѣ. Мы имѣемъ извѣстные законы мысли. По точности своей, можетъ быть, они, за исключеніемъ самыхъ общихъ, не могутъ спорить съ законами астрономіи, но мы зато знаемъ, что значитъ думать. Мы имѣемъ, можетъ быть, не совсѣмъ точные законы воли, но мы знаемъ, что она такое, и т.д. Напротивъ, въ наукахъ точныхъ мы наблюдаемъ какъ разъ обратную особенность. Формулы тамъ даны въ чрезвычайномъ изобиліи и обладаютъ замѣчательнымъ математическимъ совершенствомъ, но зато только эти формулы, въ сущности,тамъ и даны. Мы знаемъ формулы, по которымъ развивается явленіе электричества, но развѣ не остается и до сихъ поръ загадкой, что такое само электричество? Какая суть этихъ процессовъ? Въ какой средѣ они разыгрываются? Развѣ тутъ все ясно? Формулы движенія вещества даны намъ и въ механикѣ, и въ физикѣ, но что такое само вещество? Что такое движеніе помимо того, чѣмъ оно намъ представляется

черезъ наше психическое воспріятіе движенія? Да и болѣе того, что такое пространство, въ которомъ всѣ движенія совершаются? Вѣдь это все данныя неизвѣстныя, и трудно сказать, когда для насъ настанетъ время, когда мы будемъ абсолютно понимать эти данныя. Во всякомъ случаѣ, оно еще далеко не настало.

------oOo------

Теперь, когда мы ознакомились съ основными методологическими требованіями въ психологіи, мы можемъ перейти къ ея предмету. Первая задача всякой науки состоитъ въ томъ, чтобы ясно выдѣлить предметъ своего изученія въ его основныхъ особенностяхъ ото всѣхъ другихъ. Съ этого должна начинать и психологія, и,дѣйствительно,обыкновенно ее начинаютъ съ указанія различій психическихъ фактовъ |какъ объектовъ внутренняго опыта|отъ тѣсно связанныхъ съ ними, но весьма неоднородныхъ съ ними по качеству,явленій и предметовъ физическихъ |какъ объектовъ внѣшняго опыта|. Какія же это различія? Мнѣ кажется, ихъ можно свести къ слѣдующимъ существеннымъ фактамъ.

I. П с и х и ч е с к і е ф а к т ы н е п р о т я ж е н н ы, по крайней мѣрѣ, въ физическомъ смыслѣ этого слова, тогда какъ в с ѣ п р е д м е т ы и я в л е н і я ф и з и ч е с к о й п р и р о д ы о б л а д а ю т ъ п р о т я ж е н н о с т ь ю. Это аксіома, которую признаютъ психологи, принадле-

жащіе къ самымъ разнообразнымъ направленіямъ. Всѣ вещи въ мірѣ и ихъ малѣйшія частицы занимаютъ какое - нибудь мѣсто, обладаютъ геометрическимъ объемомъ, опредѣленною формой, опредѣленными измѣреніями въ длину, ширину и глубину. Отношенія однихъ тѣлъ къ другимъ опредѣляются положеніемъ въ пространствѣ, и то, что справедливо относительно всякаго тѣла, взятаго въ пространствѣ, относится и къ его мельчайшимъ частямъ. Сколько бы данное вещество ни дѣлили, мы вездѣ получимъ протяженныя части съ опредѣленнымъ объемомъ, величиной, формой и положеніемъ, а если протяженны сами тѣла, то неизбѣжно должны оказаться протяженными - пространственными, и всѣ тѣ явленія, которыя съ ними происходятъ. Вѣдь въ окончательномъ результатѣ всѣ физическія явленія состоятъ изъ движеній или всей массы данныхъ тѣлъ, или ихъ мельчайшихъ частицъ: въ первомъ случаѣ будемъ имѣть механическое движеніе, а во второмъ - то движеніе, которое лежитъ, напримѣръ, въ основѣ явленія тепла, но тамъ и здѣсь будетъ движеніе. Между тѣмъ всякое движеніе есть перемѣна мѣста въ пространствѣ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи. Такимъ образомъ, приходится сказать, что явленія физической природы сводятся къ пространственной перестановкѣ протяженныхъ величинъ отдѣльныхъ тѣлъ. Въ этомъ смыслѣ явленія физическія оказываются вдвойнѣ протяженными: во-первыхъ, протяженно то, что въ нихъ движется, во-вторыхъ, самое движеніе выражается линіями, пройденными въ пространствѣ, разстояніемъ, и въ этомъ смыслѣ можетъ подлежать тѣмъ же опредѣленіямъ, какъ

и тѣло. Если про тѣло можно спросить, кругло оно или нѣтъ, то про движеніе - круговое оно или нѣтъ? Отличіе движенія отъ тѣла въ этомъ смыслѣ заключается только въ томъ, что тѣ же самые признаки, которые въ тѣлѣ даны за разъ, въ движеніи осуществляются въ процессѣ, но они также выражаются отношеніями въ пространствѣ, отношеніемъ разстоянія, протяженія пройденныхъ линій и т.д. Напротивъ, относительно явленій или фактовъ нашей психической жизни нельзя утверждать ничего подобнаго. Они самымъ очевиднымъ образомъ не имѣютъ никакихъ пространственныхъ свойствъ и никакихъ пространственныхъ опредѣленій. Возьмемъ нашу мысль о задачахъ психологіи, она и не кругла, и не квадратна, и не треугольна, и нѣтъ у нея никакой другой фигуры. Когда мы колеблемся между нѣсколькими желаніями, мы можемъ очень хорошо сознавать, какихъ разнообразныхъ вещей мы хотимъ, и все же мы не будемъ въ состояніи сказать, помѣщается ли одно наше желаніе направо или налѣво отъ другого. Мы можемъ очень живо испытывать любовь или ненависть, но если спросятъ, какова наша любовь кругла ли она, или продолговата, или четыреугольна - мы не только ничего не отвѣтимъ, но сразу поймемъ полную несообразность, полную нелѣпость такого вопроса. Итакъ, психическіе факты протяженностью не обладаютъ. Объ этомъ прекрасно говоритъ Юмъ: "Что протяженно, то должно имѣть опредѣленную фигуру, напримѣръ, быть квадратнымъ, круглымъ, треугольнымъ. Но ни одинъ изъ этихъ признаковъ нельзя приписать, положимъ, какому-нибудь желанію, или вообще какимъ-бы то ни было впечатлѣніямъ и представленіямъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя почерпаются изъ зрѣнія

и осязанія|. - Моральная оцѣнка не можетъ помѣщаться направо или налѣво отъ страсти, и запахъ или звукъ не могутъ имѣть ни круглой, ни четыреугольной формы. Эти предметы и воспріятія такъ далеки отъ того, чтобы требовать себѣ опредѣленнаго мѣста, что они совсѣмъ не соединимы съ какими - нибудь мѣстными опредѣленіями. Даже воображеніе не можетъ приписать имъ что-либо подобное."

Противъ этого возможно одно возраженіе: мы воспринимаемъ протяженность, какъ непосредственный предметъ сознанія и постоянно о ней мыслимъ, не значитъ ли это, что,по крайней мѣрѣ,нѣкоторыя психическія состоянія обладаютъ протяженностью? На это можно отвѣчать коротко: во всякомъ случаѣ,это протяженность н е ф и з и ч е с к а я; и д е я п р о т я ж е н н о с т и и п р о т я ж е н н о с т ь э т о й и д е и - не одно и то же. Напримѣръ, въ нашемъ представленіи о безконечной вселенной несомнѣнно содержится признакъ безконечнаго протяженія; но, вѣроятно, даже самый упорный матеріалистъ не рѣшится утверждать, что само это представленіе,какъ субъективный продуктъ нашего мозга, имѣетъ безконечные размѣры и наполняетъ безконечное пространство.Итакъ, отъ п р е д с т а в л я е м о й протяженности въ нашихъ воспріятіяхъ и мысляхъ нельзя дѣлать заключенія къ ф и з и ч е с к о й протяженности этихъ воспріятій и мыслей. Спрашивать,кругла или четыреугольна наша идея о пространствѣ,нелѣпо никакъ не менѣе, чѣмъ задавать такой вопросъ о нашемъ желаніи и о голосѣ нашей совѣсти. А вѣдь это самое разсужденіе придется повторить рѣшительно

во всѣхъ случаяхъ. Вѣдь реальная протяженность никогда въ насъ не попадается, въ виду хотя бы того простого соображенія, что мы видимъ предметы вовсе не такъ, какъ они есть, а какъ они были нѣкоторое, очень малое, время раньше. Вѣдь психическій фактъ нашего ощущенія, а стало быть, и нашего воспріятія и представленія есть уже продуктъ воздѣйствія внѣшнихъ предметовъ,и притомъ не прямого, а идущаго сначала черезъ внѣшнюю среду и затѣмъ проходящаго еще черезъ среду нашей нервной системы; въ виду этого всякій психическій актъ возникаетъ только тогда, когда извѣстный рядъ движенія дойдетъ до органовъ нашихъ чувствъ и по нервной системѣ до тѣхъ частей нашего мозга, которыя функціонируютъ въ связи съ возникновеніемъ представленія того или другого порядка.

Но отсюда съ неизбѣжностью слѣдуетъ тотъ выводъ, что все воспринимаемое нами относительно какого-нибудь предмета представляетъ не то, какъ этотъ предметъ есть теперь, а то, какимъ онъ былъ, ну хотя бы, за тотъ короткій промежутокъ времени, который нуженъ для того, чтобы раздраженіе вызвало психическую реакцію. Я уже не говорю о томъ,что иногда это различіе воспринимаемаго въ дѣйствительности и реальной дѣйствительности приходится измѣрять многими годами, какъ это бываетъ, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда мы смотримъ на звѣзды и видимъ ихъ не такими ,каковы онѣ теперь, а какими онѣ очень давно были. По отношенію къ внѣшнимъ предметамъ несомнѣнно то, что мы ни ихъ протяженности, ни ихъ формы, какъ они есть, никогда не воспринимаемъ,но не менѣе вѣрно и то, что мы не воспринимаемъ прямо

и реальной протяженности тѣхъ процессовъ и явленій, которые совершаются въ нашемъ собственномъ организмѣ и въ частности въ нервной системѣ. Мы не имѣемъ никакого непосредственнаго знанія о тѣхъ движеніяхъ, которыя происходятъ въ клѣткахъ нашего мозга, - не видимъ ни ихъ формъ, ни ихъ размѣровъ. Вообще о томъ, что происходитъ внутри нашего организма, мы знаемъ меньше, чѣмъ о внѣшнемъ мірѣ. Какую же протяженность мы воспринимаемъ прямо? Только протяженность видимыхъ нами цвѣтныхъ образовъ, протяженность ощущаемыхъ нами осязательныхъ качествъ | твердаго, мягкаго, гладкаго, шероховатаго |, неопредѣленную протяженность больныхъ частей нашего организма |напр. зуба, пальца и т.д.|. Но вѣдь цвѣтъ, осязаемыя свойства, боль, все это факты чисто психическіе, - въ физической природѣ ихъ нѣтъ. Напримѣръ, видимаго мною краснаго пятна въ моемъ мозгу нигдѣ нѣтъ, - всѣ атомы мозга сами по себѣ безцвѣтны, - это пятно существуетъ только въ моемъ сознаніи, а, слѣдовательно, только въ сознаніи дана и его протяженность. Красное пятно, въ этомъ своемъ психическомъ качествѣ к р а с н а г о, не занимаетъ въ моемъ мозгу никакого геометрическаго мѣста, въ мозгу въ соотвѣтствіи съ моимъ воспріятіемъ пятна даны только разнообразныя движенія разныхъ частицъ въ разныхъ клѣткахъ, весьма мало похожія на видимую мною форму пятна. Я, положимъ, очень живо вообразилъ себѣ чорта съ рогами и хвостомъ. Образъ чорта будетъ имѣть совершенно опредѣленную протяженность для моего сознанія. Но значитъ ли это, что чортъ со всѣми своими аттрибутами появится въ моемъ мозгу, составитъ его часть

и займетъ въ немъ мѣсто, какъ нѣкоторое физическое тѣло? |Сюда можно отнести всѣ созданія нашей фантазіи: Гамлета, Фауста, Чацкаго, Евгенія Онѣгина - физически нигдѣ не было|. Хотя всѣ художественные образы имѣютъ какой-нибудь опредѣленный пространственный обликъ, однако ни Онѣгина, ни Печорина, ни Чацкаго не было даже въ мозгу ихъ творцовъ, въ смыслѣ этихъ пространственныхъ образовъ; въ ихъ мозгу только совершались извѣстные физико-химическіе процессы въ соотвѣтствіи съ этими образами, - по своему виду и свойствамъ вовсе на нихъ непохожіе.- Итакъ, ф и з и ч е с к о ю протяженностью психическіе факты не обладаютъ: въ нашихъ психическихъ состояніяхъ мы всегда воспринимаетъ только и д е а л ь н о е , а н е р е а л ь н о е пространство.

2| К а ч е с т в е н н о е р а з н о о б р а з і е д у ш е в н ы х ъ я в л е н і й. Душевныя явленія въ своей совокупности не представляютъ однороднаго цѣлаго, отдѣльныя формы котораго образовывали бы лишь разныя сочетанія качественно однородныхъ элементовъ, подобно тому, какъ въ физической сферѣ всѣ явленія объясняются изъ сочетаній матеріальныхъ частицъ и ихъ движеній. Въ самомъ дѣлѣ, частицы вещества, по своимъ механическимъ и физическимъ свойствамъ, представляются совершенно однородными. Различіе въ процессахъ природы объясняется исключительно количественными различіями массъ вещества и движеніемъ матеріи. Послѣдняя частица матеріи - атомъ - по тому представленію, которое теперь господствуетъ,- представляется абсолютно-од-

нороднымъ и по величинѣ и по формѣ. Такимъ образомъ, мы въ физической природѣ при всѣхъ толкованіяхъ допускаемъ качественную однородность, при огромномъ количественномъ разнообразіи явленій. Совсѣмъ иное наблюдаемъ мы въ мірѣ психическомъ: каждое душевное явленіе обладаетъ своимъ особымъ, индивидуальнымъ качествомъ, которое составляетъ его принадлежность, отдѣляющую его отъ всѣхъ другихъ психическихъ состояній. Ощущеній звука нельзя выразить въ терминахъ ощущеній свѣта и ощущеній зрѣнія нельзя перевести на языкъ обонянія. Какъ мы не объяснимъ слѣпорожденному, что такое свѣтъ, такъ мы не сумѣемъ растолковать человѣку, лишенному способности различать цвѣта, чѣмъ желтое отличается отъ краснаго. Точно также ощущенія специфически отличаются отъ представленій, идеи отъ актовъ воли, чувства отъ мыслей; въ свою очередь, каждое чувство въ своей особойсубъективной окраскѣ имѣетъ индивидуальную физіономію, которая отдѣляетъ его отъ всѣхъ другихъ чувствъ. Мы можемъ эмпирически прослѣдить послѣдовательное возникновеніе въ насъ различныхъ психическихъ продуктовъ, но мы не въ состояніи геометрически построить этой послѣдовательности изъ какихъ-нибудь однородныхъ простыхъ единицъ. Такимъ единицъ нѣтъ въ жизни сознанія, и поэтому всѣ усилія отыскать ихъ были и будутъ неудачны.

3. Творческій характеръ психической причинности. Это свойство вытекаетъ изъ предшествующаго. Въ общемъ можно сказать, что причинная связь подразумѣваетъ отношенія двоякаго рода: "во-первыхъ, явленіе послѣдующее можетъ слагаться изъ тѣхъ же элементовъ,

какъ и явленіе предшествующее, и отличаться отъ него только нѣкоторымъ перераспредѣленіемъ ихъ, необходимость котораго однако была уже вполна заложена въ предшествующихъ отношеніяхъ между этими элементами. Такъ бываетъ, напримѣръ, когда въ матеріальной средѣ одна форма движенія съ математическою неизбѣжностью смѣняетъ собою другую". Тутъ мы имѣемъ простое примѣненіе механическихъ законовъ къ даннымъ тѣламъ въ данномъ ихъ состояніи, въ условіяхъ даннаго направленія ихъ движеній и данной скорости этихъ движеній. Напримѣръ, биллiардный шаръ натолкнулся на другой, и они уже катятся оба. Вещество ихъ осталось прежнее, а направленіе и скорость движеній съ математической необходимостью вытекаютъ изъ первоначальнаго движенія перваго шара, изъ свойствъ даннаго ему толчка и т.д. Въ физической природѣ всѣ процессы подводятся подъ этотъ типъ. По крайней мѣрѣ, въ стремленіи подвести подъ этотъ типъ заключается главная задача физической науки: она старается свести всякое данное движеніе къ простымъ механическимъ законамъ движенія. Такое отношеніе между явленіями, которое выражается въ необходимости математическаго слѣдованія новыхъ формъ изъ формъ предшествующихъ, при чемъ эти послѣднія относятся къ однимъ и тѣмъ же элементамъ, только переставляемымъ въ новыхъ явленіяхъ, - и есть механическая причинность. Но это не единственный типъ мыслимый и существующій въ дѣйствительности по отношенію къ причиннымъ связямъ. Вполнѣ мыслимо, что "послѣдующее состояніе можетъ и не быть логически неизбѣжнымъ продолженіемъ состоянія предшествующаго, но выражать нѣкоторое н о в о е, качествен-

но различное отъ прежнихъ, раскрытіе потенцій внутренней силы, лежащей въ основѣ данной чреды явленій". Такую причинность можно обозначить какъ творческую причинность. Она отличается той характерной особенностью, что даетъ нѣчто новое, сравнительно съ тѣмъ, что было прежде, новое не только по формѣ, но и по своему смыслу и по всему своему составу. Теперь, если спросимъ себя, къ какому изъ этихъ двухъ мыслимыхъ типовъ причиннаго отношенія нужно отнести явленіе послѣдовательности психическихъ состояній, то этотъ вопросъ рѣшится тѣмъ фактомъ, что каждое психическое явленіе имѣетъ свою качественную индивидуальность и въ этомъ отношеніи всегда представляетъ нѣчто н о в о е, сравнительно съ тѣмъ, что было въ душѣ раньше, а потому психическая послѣдовательность явленій должна быть подведена подъ творческій типъ причиннаго слѣдованія. Съ этой точки зрѣнія, душевная жизнь есть непрерывный рядъ новыхъ пріобрѣтеній. И тутъ дѣло не въ томъ, какія мы станемъ дѣлать детальныя предположенія объ условіяхъ возникновенія психическихъ явленій. Тутъ при всякихъ объясненіяхъ приходится предположить нѣчто аналогичное тому второму типу причиннаго отношенія, о которомъ мы сейчасъ говорили. Когда душа просыпается впервые, сознаніе начинаетъ наполняться ощущеніями, которыя раньше не существовали, потому что не было самой душевной жизни, часть которой они составляютъ. Новорожденный ребенокъ впервые раскрылъ глаза и получилъ различныя зрительныя впечатлѣнія. Раньше этого момента ничего подобнаго этимъ ощущеніямъ въ немъ не было. Откуда они взялись? Ихъ не было ни въ ребенкѣ, ни во внѣшней природѣ. Правда, анало-

гичныя ощущенія существовали у другихъ людей, но сознаніе одного человѣка недоступно для другого. Прямого перехода въ механическомъ смыслѣ изъ одного сознанія въ другое не бываетъ. Поэтому въ сознаніи ребенка появленіе зрительнаго ощущенія есть абсолютно н о в ы й ф а к т ъ. А между тѣмъ посмотримъ, что происходитъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ фактомъ, въ физическомъ мірѣ. Тутъ мы имѣемъ уже послѣдовательность явленій другого типа. То возбужденіе нервовъ и мозговыхъ центровъ, которое физически отличаетъ ощущенія, можно съ полнымъ правомъ разсматривать, какъ продолженіе движеній внѣшней среды, преобразованное внутри организма, соотвѣтственно особому строенію этого послѣдняго; а это внутреннее строеніе организма ребенка само есть результатъ предшествующихъ процессовъ, сводящихся къ движенію. Такимъ образомъ,говоря кратко, это преобразованіе есть математически неизбѣжное продолженіе прежнихъ движеній по законамъ механики. Мы имѣемъ два параллельныхъ факта: одинъ чисто творческаго порядка и характера, другой - чисто механическаго, тѣсно связанные между собой, но с о в с ѣ м ъ различно возникающіе и различно проявляющіеся.

Ощущенія, умножаясь, вызываютъ въ душѣ другіе, болѣе сложные процессы, и ,постепенно, рядомъ съ міромъ чувственныхъ ощущеній и элементарныхъ эмоцій, выростаетъ н о в ы й к а ч е с т в е н н о р а з л и ч н ы й отъ него ,міръ высшихъ чувствъ, абстрактныхъ понятій, рѣшеній сознательной воли. Подъ творческимъ характеромъ психической причинности я только и разумѣю это постоянно свойственное душевной жизни стремленіе порождать

качественно новыя явленія. Въ этомъ смыслѣ душевная жизнь никогда не есть повтореніе одного только содержанія, а есть нарастаніе содержанія и образованіе дѣйствительно новыхъ явленій. Отсюда, между прочимъ, какъ мы далѣе увидимъ, понятіе развитія, въ строгомъ и первоначальномъ смыслѣ этого слова, какъ оно стало употребляться въ философіи, относится только къ сферѣ психической: въ сферѣ физической возможна только эволюція въ смыслѣ постепеннаго усложненія, предполагающая всегда и обратный процессъ, столь же правомѣрный, и, рано или поздно, наступающій въ данной сферѣ. Напротивъ, понятіе развитія, въ смыслѣ дѣйствительнаго движенія впередъ, есть такое, которое находитъ настоящее примѣненіе только въ душевной сферѣ. Такимъ образомъ, творческій характеръ причинности есть одна изъ важнѣйшихъ особенностей психическаго бытія, сравнительно съ бытіемъ физическимъ. Именно эту особенность психической области имѣетъ въ виду Вундтъ, когда говоритъ о "творческомъ синтезѣ". Подъ этимъ творческимъ синтезомъ онъ разумѣетъ тѣ акты душевной жизни, благодаря которымъ она постоянно наполняется все новымъ содержаніемъ.

4. Направляющее воздѣйствіе субъективной оцѣнки на теченіе психическихъ процессовъ. Въ противоположность безразличной инерціи физическихъ тѣлъ, которыя одинаково стремятся пребывать во всякомъ разъ возникшемъ состояніи движенія или покоя, въ духовной сферѣ каждое состояніе вызываетъ или положительное или отрицательное отно-

шеніе нашей психической индивидуальности, стремленіе его или удержать и усилить, или удалить и ослабить. Этотъ общій фактъ нашего избирающаго вліянія на ходъ душевныхъ событій одинаково наблюдается на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни, начиная отъ побужденій, исходящихъ изъ чувственныхъ удовольствій и страданій, и кончая сложнѣйшими эмоціями и высшими проявленіями воли въ теоретическихъ и практическихъ дѣйствіяхъ. Извѣстная оцѣнка, ясно или смутно сознаваемая, можетъ быть, даже для насъ самихъ необъяснимая въ своемъ происхожденіи, присутствуетъ на самыхъ элементарныхъ ступеняхъ душевной жизни. Какъ я вамъ указывалъ, уже въ самыхъ элементарныхъ, смутныхъ ощущеніяхъ присутствуетъ то, что называютъ тономъ ощущенія, т.е. принадлежащее ему свойство пріятнаго или непріятнаго воздѣйствія на насъ. Нужно сказать, что если строго примѣнять это понятіе тональности, то въ нашей душевной сферѣ не окажется тѣхъ ощущеній, которыя были бы абсолютно лишены всякаго тона, особенно если будемъ имѣть въ виду первое возникновеніе ощущеній; въ душевномъ развитіи отдѣльныя ощущенія въ этомъ отношеніи настолько уже, такъ сказать, стараются, что ихъ тональная окраска становится неопредѣленной. Такимъ образомъ, въ самомъ уже пассивномъ проявленіи нашей душевной жизни это воздѣйствіе оцѣнки, въ которой, собственно, корень нашей активности, сказывается неизбѣжно. Оцѣнка сказывается тѣмъ рѣзче и разнообразнѣе, чѣмъ больше проявляется активность сознанія. Поэтому можно сказать, что оцѣнка движетъ всѣми нашими актами, и внѣшними, и чисто внутренними,

хотя ее могутъ диктовать самые равнообразные принципы: наши предпочтенія могутъ опредѣляться эгоистическимъ интересомъ, и внушеніями нравственнаго или эстетическаго чувства, и стремленіемъ къ достовѣрному знанію.

§. Сейчасъ разсмотрѣнное свойство душевныхъ процессовъ ведетъ за собою ихъ дальнѣйшій признакъ: **телеологичность или цѣлесообразность психическихъ актовъ.** Всякая душевная дѣятельность опредѣляется какимъ-нибудь интересомъ, - это значитъ, всякая душевная дѣятельность руководствуется какою-нибудь **цѣлью.** Чувственное наслажденіе и страданіе влекутъ къ дѣйствіямъ, задача которыхъ - въ животномъ самосохраненіи и самоудовлетвореніи данной индивидуальности. Различными эмоціями нравственнаго порядка направляется наше отношеніе къ себѣ и другимъ, порождая себялюбіе и благожелательность, душевную чистоту и порочность. Различіемъ истиннаго и ложнаго, логически сообразнаго и нелѣпаго опредѣляется нашъ выборъ между идеями и сочетаніе ихъ въ сужденія и умозаключенія и т.д. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ преслѣдуется извѣстная цѣль, въ чемъ бы она въ частности ни полагалась: въ физическомъ благоденствіи, въ торжествѣ личныхъ стратей, въ общемъ благѣ, въ теоретической истинѣ или въ высшей нравственной правдѣ. Цѣли могутъ сознаваться ясно или смутно, вполнѣ пониматься или неопредѣленно чувствоваться; однако, и человѣкъ, и животное, когда они надъ чѣмъ-нибудь стараются и за что-нибудь борются, такъ или иначе пред-

ставляютъ себѣ, чего они хотятъ.

Изъ сейчасъ указанныхъ различій ясно, что психическій ходъ явленій и ходъ фивическій направляются различными законами. По крайней мѣрѣ,4 послѣднихъ признака показываютъ именно то, чѣмъ психическая причинность отличается отъ причинности природной или фивической. Въ самомъ дѣлѣ, этихъ признаковъ въ природной причинности нѣтъ, за то въ ней наблюдаются свойства прямо противоположныя. Вмѣсто качественнаго разнообразія, мы въ ней имѣемъ к а ч е с т в е н н у ю о д н о р о д н о с т ь явленій: явленія физической природы представляютъ собою движенія по существу однородныхъ атомовъ. Вмѣсто причинности творческой, въ послѣдовательности явленій природы мы находимъ причинность м е х а н и ч е с к у ю, - по крайней мѣрѣ, въ сведеніи къ ней причинныхъ отношеній заключается всѣми признанный идеалъ физической науки. Вмѣсто направляющихъ воздѣйствій интереса и оцѣнки, въ физической природѣ мы имѣемъ н е о г р а н и ч е н н о е г о с п о д с т в о з а к о н а и н е р ц і и. Наконецъ, вмѣсто подчиненія цѣлямъ, м е х а н и ч е с к і е п р о ц е с с ы п р и р о д ы н е з н а ю т ъ н и к а к и х ъ ц ѣ л е й. Въ самомъ дѣлѣ, говорить о цѣляхъ въ механическомъ процессѣ, взятомъ самомъ по себѣ, явно не имѣетъ никакого смысла. Если мы утверждаемъ существованіе нѣкоторыхъ окончательныхъ цѣлей для механическихъ дѣйствій природы, мы неизбѣжно предполагаемъ нѣчто высшее природы; мы начинаемъ ссылаться на Божественный разумъ, на душу міра, на воплощающуюся въ природѣ идею, т.е. вносимъ

психологическій моментъ въ первоначальный источникъ міровой жизни.

И, наоборотъ, то, что въ частности составляетъ положительное содержаніе физической причинности, въ причинности психической, очевидно, отсутствуетъ. Вундтъ вѣрно указалъ на важную особенность природной причинности, - на возможность выражать ее въ уравненіяхъ, которыя онъ такъ и называетъ п р и ч и н н ы м и у р а в н е н і я м и. | Causalgleichung |. Въ этихъ уравненіяхъ мы имѣемъ дѣло съ понятіями массы, скорости, силы, разстоянія и т.п. Но онъ же показываетъ, что такихъ уравненій въ психологической сферѣ построить невозможно, а понятія массы, скорости, разстоянія явно не имѣютъ примѣненія къ психическимъ фактамъ.

Рядомъ съ перечисленными пунктами различія между психическими и физическими явленіями обыкновенно указывается еще одинъ, имѣющій огромное принципіальное значеніе. |Вундтъ, напримѣръ, ставитъ его на самое первое мѣсто, называя п р и н ц и п о м ъ а к т у а л ь н о с т и|. Отъ оцѣнки этого пункта зависитъ тотъ взглядъ, который мы усвоимъ на положительную природу душевныхъ процессовъ. Поэтому намъ придется болѣе подробно остановиться на этомъ пунктѣ.

ЛЕКЦІЯ IX-я.

Въ моей вступительной лекціи я уже говорилъ вамъ о стремленіи современныхъ психологовъ создать психологію б е з ъ д у ш и: среди нихъ пользуется огромнымъ распространеніемъ мнѣніе, что предметъ психологіи только я в л е н і я д у ш и, а никакъ не сама душа въ смыслѣ того существа или той внутренней силы, которая реализуетъ себя въ этихъ явленіяхъ. Какъ сейчасъ увидимъ, такое ограниченіе задачъ психологическаго изслѣдованія находится въ самой тѣсной зависимости отъ признанія того пункта различія между психической и физической сферой, къ обсужденію котораго мы теперь переходимъ. Въ виду этого онъ требуетъ всесторонней критической оцѣнки: отъ нея зависитъ тотъ взглядъ, который мы усвоимъ на положительную природу душевныхъ процессовъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ изученію отдѣльныхъ психическихъ процессовъ въ ихъ частныхъ особенностяхъ, очевидно, надо сначала самому себѣ опредѣленно отвѣтить на вопросъ: что такое всякій психическій процессъ вообще? Иначе всѣ наши объясненія будутъ страдать сбивчивостью и туманностью. Въ нашемъ внутреннемъ мірѣ съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, - только ли съ отраженіями и тѣнями чего-то, что однако всегда находится внѣ насъ и никогда само въ насъ не переходитъ, или съ чѣмъ нибудь большимъ? Какъ мы могли убѣдиться, въ явленіяхъ сознанія мы воспринимаемъ ихъ к а ж д у ю н ы я свойства, ихъ н а с т о я щ у ю дѣйствительность.

Какая же это дѣйствительность, - только ли дѣйствительность абсолютно мимолетныхъ призраковъ, тотчасъ же исчезающихъ, едва они возникли - или дѣйствительность болѣе живая и полная, болѣе отвѣчающая нашимъ обычнымъ требованіямъ отъ всякой дѣйствительности вообще? Никто не станетъ отрицать великой важности этихъ вопросовъ.

Предполагаемое различіе между физическими явленіями съ одной стороны и психическими съ другой, о которомъ я теперь говорю, можно изложить слѣдующимъ образомъ. Причинная связь физическихъ явленій представляется намъ отмѣченной болѣе с у б с т а н ц і а л ь н ы м ъ характеромъ, нежели причинность явленій духа. О какомъ бы физическомъ процессѣ ни поднялся вопросъ, мы всегда стараемся разложить этотъ процессъ на опредѣленныя движенія вещества. Иначе сказать, для всѣхъ измѣненій и событій въ природѣ мы предполагаемъ, какъ что-то неизбѣжное, нѣкоторый опредѣленный субстратъ этихъ измѣненій и событій. И въ такомъ субстратѣ мы не видимъ чего-нибудь отдаленнаго отъ явленій, возвышающагося надъ ними, пребывающаго въ таинственной умопостигаемой сферѣ, - совсѣмъ напротивъ, мы вполнѣ увѣрены въ непремѣнномъ присутствіи вещества въ каждомъ явленіи физическаго міра. Мы знаемъ, что не можетъ быть движенія, если не дано движущагося тѣла, и мы знаемъ также, что тѣло не находится гдѣ нибудь внѣ своего движенія, но что движеніе его лишь настолько и существуетъ, насколько оно с а м о движется. Коротко говоря, въ нашихъ глазахъ всѣ процессы природы образуются частицами вещества. Поскольку онѣ движутся въ

разныхъ направленіяхъ съ разнообразною скоростью. Мы безусловно убѣждены въ с о о т н о с и т е л ь н о с т и вещества и его состояній, т.е. мы непоколебимо знаемъ, что не можетъ быть матеріальныхъ состояній, если ихъ не переживаетъ никакое вещество, и не можетъ быть вещества, которое не находилось бы въ какомъ-нибудь опредѣленномъ состояніи движенія или покоя. Между тѣмъ, вещество съ полнымъ правомъ должно быть названо с у б с т а н ц і е й матеріальной дѣйствительности: оно - основа и носитель всѣхъ процессовъ вселенной, оно всегда равно себѣ, не возрастая и не уменьшаясь въ количествѣ, - чрезъ многообразное движеніе своихъ частицъ оно всегда сохраняетъ свою неизмѣнную природу. Единицы этого субстанціальнаго бытія суть атомы, съ ихъ недѣлимостью, съ ихъ разъ навсегда данными свойствами, никогда не исчезающіе и не возникающіе. Итакъ, для физической области неизбѣжная с о о т н о с и т е л ь н о с т ь я в л е н і й и с у б с т а н ц і й есть аксіома, признанная всѣми.

Совсѣмъ иначе судятъ обыкновенно о жизни духа: здѣсь общераспространенный взглядъ склоняется въ другую сторону. По весьма популярному теперь мнѣнію, факты душевной жизни суть чистыя я в л е н і я или ч и с т ы я с о с т о я н і я и с о б ы т і я, въ которыхъ ничто субстанціальное не присутствуетъ и не выражается. Это свойство и обозначаетъ Вундтъ какъ актуальность душевныхъ явленій. Душевныя явленія не имѣютъ никакого носителя, они не привязаны ни къ какому субстрату, - въ этомъ ихъ основная и наиболѣе рѣзкая особенность. Наша

душа есть только м н о ж е с т в е н н о с т ь п с и х и ч е с к и х ъ я в л е н і й, связанныхъ между собою; это - совокупность перемѣнъ, въ которыхъ однако совершенно отсутствуетъ то, что п о д л е ж и т ъ перемѣнамъ. Другими словами, никакой души, какъ существа, какъ субъекта душевныхъ состояній, нѣтъ вовсе; въ дѣйствительности въ насъ дана лишь послѣдовательная смѣна чистыхъ психическихъ событій. Наиболѣе законченное выраженіе этого взгляда мы находимъ у Вундта и у Паульсена, |"Введеніе въ философію". Изданіе Моск. Псих. Общ.|.

И вотъ возникаетъ огромный вопросъ: правы ли мы въ такомъ двойственномъ приговорѣ? Истина о относительности явленій и субстанцій прилагается ли только къ физической природѣ, или она должна имѣть силу вездѣ, гдѣ вообще можно говорить о какихъ бы то ни было явленіяхъ? Вѣдь, казалось бы, самое понятіе о явленіи всѣмъ своимъ содержаніемъ указываетъ на неизбѣжность признать всеобщій характеръ этой истины. Что значитъ явленіе, въ которомъ н и ч т о и н и ч е м у н е я в л я е т с я? Что понимать подъ с о с т о я н і е м ъ, которое не переживается никѣмъ и ничѣмъ? Какъ мыслить с о б ы т і я, которыя ни съ кѣмъ не случились и, однако, обладаютъ несомнѣнною реальностью? Это вызываетъ невольный логическій протестъ. Это сразу уже дѣлаетъ такого рода форму сомнительной, заставляетъ ее подозрѣвать въ сильной односторонности. Кромѣ того, когда мы сопоставимъ тѣ выводы, которые изъ нея вытекаютъ, съ непосредственно переживаемымъ и наблюдаемымъ нами въ себѣ психическимъ содержа-

ніемъ, то мы увидимъ, насколько рѣзко разногласіе между тѣмъ и другимъ, поймемъ, что эта теорія чистой актуальности не отвѣчаетъ истинному положенію дѣла въ нашей душевной жизни..Во всякомъ случаѣ нужно настолько считать дѣло яснымъ, чтобы согласиться, что слова: явленіе, состояніе, событіе - здѣсь совершенно не годятся. Абсолютное явленіе не есть уже явленіе, а что то другое; и то же самое слѣдуетъ сказать объ абсолютномъ состояніи, абсолютномъ событіи и всякомъ другомъ о т н о с и т е л ь н о м ъ опредѣленіи, возведенномъ въ а б с о л ю т н о е достоинство. Невольно возникаетъ недоумѣніе: зачѣмъ употреблять слова, которыя завѣдомо потеряли свой смыслъ? Допустимъ, что сейчасъ изложенный взглядъ на душу вѣренъ, и что душевная жизнь представляетъ изъ себя простую совокупность многихъ фактовъ, которые мы обозначаемъ словами: мысль, ощущеніе, желаніе и т.д. Вѣдь тогда выйдетъ, что психическая жизнь всецѣло слагается изъ этихъ фактовъ, какъ своихъ единственныхъ элементовъ, и, кромѣ нихъ, ничего не содержитъ. И разъ мы приписываемъ ей свою особую, самостоятельную дѣйствительность, сравнительно съ механическими процессами природы, мы должны прежде всего приписать такую дѣйствительность ея элементамъ, по отношенію къ которымъ она есть только сумма. А тогда сейчасъ же окажется, что эти элементы мы никоимъ образомъ не можемъ называть явленіями, а всего скорѣе должны ихъ обозначить какъ с у б с т а н ц і а л ь н ы я е д и н и ц ы душевной жизни или ея единственный с уб с т р а т ъ: они составляютъ единственный матеріалъ, изъ котораго она непрерывно строится,

единственную основу, на которой многообразно развиваются и развѣтвляются ея формы. Въ самомъ дѣлѣ, при разсматриваемомъ взглядѣ на психическое существованіе, отношеніе психическихъ фактовъ въ душевной жизни въ ея цѣломъ является вполнѣ аналогичнымъ отношенію между матеріальными атомами и тѣлами, которыя образуются чрезъ ихъ соединеніе: и тамъ и здѣсь бытіе цѣлаго представляетъ простой результатъ суммированія слагающихъ его факторовъ. И такая аналогія часто проводится: ощущенія приравниваются атомамъ душевной жизни и сопоставляются съ атомами физическими.

И тѣмъ не менѣе, я думаю, никто изъ психологовъ не согласится назвать непосредственно переживаемыя состоянія нашего сознанія реальными с у щ е с т в а м и, с у б с т а н ц і я м и, независимыми с у б ъ е к т а м и.[x] Почему это такъ? Отвѣтъ, мнѣ кажется, ясенъ: по всѣмъ ихъ признакамъ субстанціальная роль совершенно не пристала къ нимъ. Ей, во-первыхъ, противорѣчитъ то, что можно назвать м г н о в е н н о с т ь ю психическихъ фактовъ: всякое состояніе души, едва достигнувъ сознанія, немедленно смѣняется другимъ, которое можетъ быть сходно съ предшествующимъ, но не есть съ нимъ одно и то же. Такъ, мысль, впервые промелькнувшая въ нашемъ умѣ, и та

---

x| Впрочемъ, родоначальникъ чистаго феноменизма Давидъ Юмъ прямо называетъ психическія состоянія с у б с т а н ц і я м и, хотя при этомъ даетъ понятію с у б с т а н ц і я весьма своеобразное толкованіе. | 1874, I, pp. 518, 527|.

же самая мысль, но уже успѣвшая привлечь къ себѣ наше вниманіе, суть два различныя психическія состоянія, не только попадающія въ разные моменты времени, но и отличающіяся по своимъ внутреннимъ качествамъ и по своему значенію для нашей личности. Зубная боль, которую я испытываю сейчасъ, не есть та боль, которую я чувствовалъ нѣсколько минутъ назадъ; эту прошлую зубную боль я могу вспомнить, но уже не могу ощущать ея реальности, ей присущей, нѣтъ, а стало быть нѣтъ и тождества съ настоящей болью; и , наоборотъ, если бы причины, вызывающія болѣзненныя ощущенія въ моемъ зубѣ въ настоящую минуту, мгновеніе назадъ исчезли, я теперь бы уже ничего не чувствовалъ, но моянрошлая боль отъ того не стала бы не бывшею. И то же самое можно повторить относительно всѣхъ другихъ явленій душевной жизни: они представляютъ потокъ неудержимой смѣны: однажды возникнувъ, они тотчасъ же замѣщаются другими, исчезая въ своемъ прежнемъ видѣ, - и вполнѣ ясно, что называть такія мимолетныя образованія существами, самостоятельными субъектами, а тѣмъ болѣе субстанціями, было бы недозволительнымъ злоупотребленіемъ словъ.

Во-вторыхъ, не меньшимъ препятствіемъ для признанія изначально самостоятельной реальности отдѣльныхъ психическихъ фактовъ является неизбѣжная о т н о с и т е л ь н о с т ь всѣхъ состояній души. Подъ относительностью разумѣется та особенность, что испытываемыя явленія получаютъ тѣ или другія опредѣл[illegible]л свойства, только въ зависимости отъ ихъ связи м[illegible]у собою, данной прежде нихъ. Нѣтъ ощущенія, которое не было бы въ отношеніи къ другому ощущенію, потому что оно всегда обусловлено

отношеніемъ къ тому, что бываетъ раньше или одне временно съ нимъ. Одинаково соотносительными между собою оказываются и цѣлыя группы психическихъ фактовъ: напримѣръ, нѣтъ познанія безъ воли и обратно. Все это-общепризнанныя истины психологіи.Ощущенія, представленія, мысли, чувства, желанія никогда не встрѣчаются въ реальной отдѣльности и независимости; физическіе атомы можно выдѣлить и поставить отдѣльно, но психическія явленія прямо противоположны имъ въ этомъ отношеніи: они всегда входятъ неотторжимыми звеньями въ ту общую совокупность внутреннихъ фактовъ, которую мы называемъ душевною жизнью. И эта жизнь не возникаетъ, какъ механическое сложеніе, изъ заранѣе готовыхъ элементовъ, - въ ней цѣлое существуетъ прежде частей. Психическая жизнь принадлежитъ къ разряду тѣхъ цѣлыхъ, которыя существуютъ раньше своихъ частей и обусловливаютъ собою ихъ наличность. Говоря словами Паульсена, "отдѣльные элементы какъ бы производятся или съ внутреннею необходимостью поставляются цѣлымъ, какъ принадлежащіе къ нему моменты, необходимые ему для выраженія его самого".

Въ виду этихъ психологическихъ данныхъ, сторонникамъ обсуждаемаго нами ч и с т о - ф е н о м е н и с т и ч е с к а г о взгляда на душевную жизнь приходится значительно измѣнять первоначальную точку зрѣнія. Они объявляютъ, что подлинное бытіе души состоитъ въ е д и н с т в ѣ ея жизни, во внутренней с в я з и ея явленій. И они не замѣчаютъ, какъ дурно вяжется этотъ выводъ съ ихъ основнымъ предположеніемъ о томъ, что душевная жизнь есть лишь сумма абсолютныхъ психическихъ событій. Они не

хотятъ видѣть, что при этомъ предположеніи е д и н с т в о и с в я з ь явленій не суть что-нибудь по себѣ понятное, но представляютъ чрезвычайно трудную проблему, - трудную до неразрѣшимости. Вѣдь событіе существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока оно совершается: кончилось событіе, кончилось и то, что составляло его реальность, какъ событія, - это самоочевидныя, тавтологическія истины. Но если это такъ и если, съ другой стороны, психическая жизнь слагается изъ чистыхъ, а б с о л ю т н ы х ъ событій - что можетъ связывать эти событія между собою, что стоитъ между ними, скрѣпляя ихъ не въ воображаемое только или отвлеченно-мыслимое, но въ р е а л ь н о е е д и н с т в о? Поясню мою мысль слѣдующимъ примѣромъ: положимъ, мы имѣемъ тѣло, которое движется по прямой линіи вслѣдствіе полученнаго толчка. Каждое нахожденіе тѣла въ любой точкѣ на данной линіи можно разсматривать какъ извѣстное событіе съ нимъ. И эти событія тѣсно между собою связаны: нахожденіе тѣла въ точкѣ C въ данный моментъ есть необходимый результатъ его нахожденія въ точкѣ *b* въ моментъ предшествующій и въ точкѣ *a* въ моментъ еще болѣе ранній. Что же ихъ связываетъ? Слишкомъ ясно, что связь между этими событіями устанавливается исключительно тѣмъ, что тѣло оказывается даннымъ во все продолженіе движенія. Когда тѣло достигло точки *b*, его нахожденіе въ точкѣ *a* абсолютно исчезло [его въ точкѣ *a* абсолютно н ѣ т ъ, разъ оно оттуда вышло], но не исчезло тѣло, которое прошло черезъ *a*, - оно осталось со всѣми своими свойствами и прежде всего со свойствомъ и н е р ц і и, которое въ данномъ слу-

чаѣ выражается въ стремленіи продолжать пріобрѣтенное движеніе по прямой линіи съ опредѣленною скоростью. Но вообразимъ себѣ, что это тѣло, въ моментъ своего нахожденія въ *b*, какимъ-то чудодѣйственнымъ актомъ было совсѣмъ уничтожено, - тогда ,очевидно, за нахожденіемъ тѣла въ *b* не послѣдуетъ никакихъ дальнѣйшихъ событій, - мы не найдемъ его ни въ *c*, ни въ и ни въ какихъ другихъ точкахъ. И ясно, почему такъ будетъ: все, что содержалось и присутствовало въ событіи нахожденія тѣла въ извѣстной точкѣ, безусловно окончилось вмѣстѣ съ этимъ событіемъ.

Но явленія души, будучи ч и с т ы м и, а б с о л ю т н ы м и событіями, не оказываются ли всегда именно въ этомъ положеніи? Разъ они событія ч и с т ы я, послѣ нихъ, очевидно, ничего не должно оставаться, какъ скоро они исчезаютъ въ своемъ качествѣ событій. Психическая жизнь тогда должна представлять рядъ моментовъ, каждый изъ которыхъ обращается въ совершенное ничто, когда наступаетъ другой, - и этотъ другой, въ свою очередь,имѣетъ ровно настолько дѣйствительности, насколько онъ самъ длится. Иначе сказать, каждый изъ нихъ будетъ тогда являть нѣчто вполнѣ завершенное въ себѣ и особенное отъ того, что не есть онъ самъ. Съ этойточки зрѣнія, - какимъ образомъ возможна жизнь духа, какъ единое, связное цѣлое? Какъ одни состоянія души могутъ порождать другія? И какъ мыслимъ р е а л ь н ы й с и н т е з ъ явленій сознанія т.е. ихъ усвоеніе въ одномъ усмотрѣніи? Вѣдь при такомъ взглядѣ всякіе акты синтеза окажутся тоже лишь отдѣльными явленіями, столь же обособленными

въ себѣ, какъ и всѣ другіе, и стало-быть, н и ч е г о н е с и н т е з и р у ю щ и м и. Продолжимъ немного сейчасъ сдѣланное сравненіе: положимъ, что вмѣсто движенія одного тѣла по данной прямой, мы имѣемъ рядъ чудесныхъ проявленій всемогущаго творчества, посредствомъ которыхъ на всемъ протяженіи данной линіи послѣдовательно создаются все новыя тѣла, причемъ каждое изъ нихъ, едва возникнувъ, такимъ же дѣйствіемъ всемогущества тотчасъ уничтожается, чтобы быть замѣненнымъ другимъ,столь же кратковременно существующимъ тѣломъ, непосредственно рядомъ съ нимъ. Для посторонняго наблюдателя такая смѣна все новыхъ, немедленно исчезающихъ, моментальныхъ созданій могла бы представить картину движенія одного тѣла. Подобную вещь мы имѣемъ въ кинематографѣ, гдѣ рядъ смѣняющихъ быстро другъ друга картинъ, производитъ впечатлѣніе чего-то одного, находящагося въ движеніи. Но въ дѣйствительности тутъ не было бы ни движенія, ни движущагося тѣла, и въ послѣдовательномъ чудесномъ наполненіи точекъ предполагаемой прямой не существовало бы никакой внутренней реальной связи. Такъ и душевная жизнь для строго проведеннаго феноменистическаго взгляда, - хотя онъ и кажется иногда правдоподобнымъ и простымъ, - должна разлетѣться на безчисленные клочки, одинаково призрачные, ничтожные и неуловимые.

Паульсенъ говоритъ: "это фактъ, что явленія внутренней жизни выступаютъ не изолированно, и что каждое такое явленіе переживается съ сознаніемъ принадлежности его къ единому цѣлому данной индивидуальной жизни. Но какъ можетъ происходить нѣчто та-

кое, этого я не умѣю сказать, такъ же, какъ не умѣю сказать и того, какъ вообще возможно сознаніе". Это заявленіе, хотя выраженное въ болѣе сдержанной и мягкойформѣ, чрезвычайно напоминаетъ очень извѣстное признаніе Дж. -Ст. Милля, когда онъ въ своей "Критикѣ философіи В. Гамильтона", откровенно объявилъ, что защищаемая имъ самимъ психологическая теорія, которая разсматривала душевную жизнь - какъ простую серію психическихъ состояній, совершенно не въ силахъ объяснить наше сознаніе единства этой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, Паульсенъ имѣлъ полное основаніе высказаться гораздо рѣшительнѣе: фактъ единства психическаго существованія не только не вытекаетъ изъ предпосылокъ феномистической теоріи и, слѣдовательно, не можетъ быть растолкованъ изъ нихъ, - о н ъ и м ѣ т ъ б е з у с л о в н о п р о т и в о р ѣ ч и т ъ; между тѣмъ что же останется отъ душевной жизни, если откинуть ея внутреннюю связность и единство? Еслибъ Паульсенъ болѣе строго оцѣнилъ совершенную непригодность своей точки зрѣнія предъ лицомъ самаго основного факта въ бытіи сознанія, онъ, быть можетъ, снисходительнѣе отнесся бы къ гипотезѣ душевной субстанціи, которую онъ такъ безпощадно высмѣиваетъ. Вѣдь если какая-нибудь совсѣмъ безспорная вещь |въ данномъ случаѣ - наша собственная психическая жизнь| является непонятною и невозможною безъ извѣстнаго предположенія, - выходъ остается одинъ: с д ѣ л а т ь э т о п р е д п о л о ж е н і е. Допустимъ даже, что предположеніе душевной субстанціи не въ состояніи дать никакихъ положительныхъ объясненій конкрет-

ному содержанію нашего внутренняго опыта и господствующимъ въ немъ законамъ; огромная заслуга этого предположенія - уже въ томъ, что оно позволяетъ мыслить, безъ вопіющихъ логическихъ противорѣчій, самое с у щ е с т в о в а н і е сознанія.

Итакъ, феноменистическая теорія, обращающая душевную жизнь въ простую совокупность безсубстратныхъ явленій, въ окончательномъ результатѣ должна давать такое изображеніе нашего внутренняго міра, всѣ подробности котораго противорѣчатъ сами себѣ и не уживаются другъ съ другомъ. Жизнь духа оказывается какимъ-то чудовищнымъ хаосомъ абсолютно неуловимыхъ и безсвязныхъ призраковъ, къ которымъ никакія логическія категоріи и точки зрѣнія, очевидно, не примѣнимы, и которые явно не отвѣчаютъ тому, что дѣйствительно совершается въ душѣ.

-----oOo-----

На это всего скорѣе слѣдуетъ ждать такого возраженія: все таки остается общепризнанной истиной, что мы знаемъ и воспринимаемъ только одни явленія. Это одинаково вѣрно и о физическомъ мірѣ, и о нашей собственной внутренней жизни. Вѣдь и въ физической дѣйствительности ея субстанція - вещество - никогда не бываетъ предметомъ непосредственнаго воспріятія, она всегда предполагается. Тѣхъ свойствъ, которыя приписываютъ веществу физики: неуничтожимости, непроницаемости, инертности - мы не видимъ и не слышимъ, мы только умозаключаемъ о нихъ

на основаніи сопоставленія многочисленныхъ опытовъ. Соотносительности явленій и субстанцій не замѣчается ни въ физической, ни въ психической области, насколько онѣ намъ доступны. То, что намъ бываетъ дано, всегда есть явленіе; напротивъ, субстанція всегда только п р и д у м ы в а е т с я, но никогда не дается намъ.

Отвѣтъ на это соображеніе, мнѣ кажется, не труденъ. Во-первыхъ, если даже с у б с т а н ц і я только придумывается нами, то это дѣлается не по пустой прихоти, но по совершенной невозможности иначе понять явленія. Въ этомъ мы могли убѣдиться сейчасъ, въ этомъ одинаково убѣждаетъ и примѣръ физики: если совсѣмъ отбросить понятіе о веществѣ, едва ли что-нибудь останется отъ какихъ бы то ни было физическихъ объясненій. Во-вторыхъ, отсутствіе въ нашемъ внѣшнемъ опытѣ непосредственнаго воспріятія физической субстанціи ничего не говоритъ противъ неизбѣжной соотносительности явленій и субстанцій, самихъ по себѣ. Надо постоянно помнить: мы не только физической с у б с т а н ц і и не воспринимаемъ прямо, - мы не воспринимаемъ прямо и физическихъ я в л е н і й, а только предполагаемъ ихъ. Картину физической природы мы имѣемъ не такъ, какъ она существуетъ въ себѣ, а въ ея и з о б р а ж е н і и въ нашихъ психическихъ состояніяхъ; мы воспринимаемъ не самыя физическія явленія, а ихъ п с и х и ч е с к і е з н а к и въ нашихъ ощущеніяхъ, - это безспорная истина психологіи. Не менѣе безспорно, что эти знаки представляютъ далеко не точную копію своихъ оригиналовъ. Разнообразно окрашенный, зву[illegible]ій, полный всякими другими чувственными качества

ми,міръ сплошныхъ предметовъ, который мы видимъ, слышимъ и осязаемъ, конечно, мало похожъ на міръ безцвѣтныхъ, беззвучныхъ и неосязаемыхъ безконечно малыхъ атомовъ, съ которымъ имѣетъ дѣло физика.Но для э т о г о а т о м н а г о м і р а истина соотносительности явленій и субстанцій не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: его иначе совсѣмъ нельзя мыслить. Для этого только мыслимаго, но невоспринимаемаго міра совершенно очевидно, что въ немъ нѣтъ явленій, которыя происходили бы не съ субстанціями, и нѣтъ субстанцій, которыя не участвовали бы въ явленіяхъ. Вся жизнь природы съ точки зрѣнія атомизма есть непрерывный рядъ движеній какихъ-нибудь опредѣленныхъ матеріальныхъ частицъ. Слѣдовательно, вопросъ можетъ быть только о томъ, что мы прямо видимъ, слышимъ,осязаемъ и воспринимаемъ другими чувствами, т.е. о п с и х и ч е с к и х ъ з н а к а х ъ, или отраженіяхъ физической дѣйствительности въ нашемъ сознаніи. Эти отраженія, будучи состояніями п с и х и ч е с к и м и, такъ же ли состоятельны съ какою-нибудь субстанціей, или они представляютъ собою чистыя, абсолютныя событія? Мнѣ думается, что утверждать безъ дальнѣйшихъ разсужденій послѣднее, какъ что-то по себѣ очевидное, значитъ не только предрѣшать вопросъ, но и вызывать противъ себя всѣ противорѣчія чистаго феноменизма, указанныя сейчасъ. Вѣдь, дѣйствительно, нельзя принимать гипотезу, элементы которой находятся въ явномъ противорѣчіи другъ съ другомъ.

Можетъ быть, на это возразятъ такимъ образомъ: нѣтъ необходимости совсѣмъ отвергать у психическихъ

явленій всякую субстанцію; отличіе физическихъ и психическихъ явленій не въ томъ, что у первыхъ есть извѣстный субстратъ, а у послѣднихъ его совершенно нѣтъ, - оно лежитъ въ другомъ пунктѣ. Въ явленіяхъ физической природы я в л е н і е и с у б с т а н ц і я дѣйствительно представляютъ соотносительныя понятія: въ физической области свойства явленій суть тѣмъ самымъ свойства присутствующихъ и дѣйствующихъ въ нихъ субстанціальныхъ единицъ |атомовъ|, поскольку они находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Поэтому, еслибъ мы воспринимали физическія явленія такъ, какъ они происходятъ въ себѣ, мы воспринимали бы и ихъ субстанціи, ибо въ противномъ случаѣ намъ н е ч е г о было бы воспринимать въ нихъ. Вѣдь въ физическихъ явленіяхъ, какъ таковыхъ, ничего, кромѣ движущихся атомовъ, нѣтъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ психической сферой. Для нея такую с о о т н о с и т е л ь н о с т ь надо рѣшительно отринуть; въ явленіяхъ душевной субстанція жизни не присутствуетъ и не выражается въ своихъ дѣйствительныхъ качествахъ. Нужно принять за непоколебимое правило: въ психическихъ явленіяхъ такъ же мало отражается сущность души, какъ и сущность матеріи. Сущность души, будучи в е щ ь ю в ъ с е б ѣ, не вмѣщается ни въ какомъ опытѣ и не можетъ быть выражена въ его терминахъ. Итакъ, если угодно, мы можемъ предположить существованіе субстанціи душевныхъ явленій; но мы должны постоянно помнить о ея совершенной непостижимости и всегда переносить ее въ безобидную и невѣдомую область метафизическихъ сущностей.

Такой взглядъ, признающій существованіе абсолютно непостижимой сущности духа, пользуется огромною популярностью. Такъ, напр., сторонники параллелистической теоріи смотрятъ на физическіе и психическіе процессы съ той точки зрѣнія, что въ нихъ реализуется единая общая основа. Но эта основа, являющаяся субстратомъ и связующимъ элементомъ всего въ сферѣ физической и психической и обнаруживающаяся то во внѣшнихъ физическихъ процессахъ, то въ чистыхъ явленіяхъ сознанія, непостижима въ корнѣ своемъ. То же утверждаютъ эмпиристы-психологи, говоря, что въ нашей душѣ находятъ себѣ мѣсто только отдѣльныя послѣдовательныя психическія состоянія, а то, что переживаетъ и вызываетъ ихъ, принадлежитъ по существу своему къ тому, что познать невозможно.

Обыкновенно думаютъ, что въ этомъ утвержденіи мы не покидаемъ почвы опыта, отказываемся отъ безусловныхъ истинъ и возвышаемся надъ всякими метафизическими гипотезами. Однако, вполнѣ ли это такъ? Если мы совершенно серьезно убѣждены, что область нашего вѣдѣнія условна и ограниченна, что есть нѣчто, въ нее не попадающее, и что это нѣчто составляетъ самую сущность, самую субстанцію души, - не значитъ ли это имѣть о сущности души нѣкоторое опредѣленное мнѣніе? И разъ мы утверждаемъ, что эта сущность б е з у с л о в н о н е п о с т и ж и м а, то не предполагаемъ ли мы тѣмъ самымъ, что она всецѣло возвышается надъ своими явленіями и не выражается въ нихъ, что она по отношенію къ нимъ представляетъ совсѣмъ отдѣльное бытіе, не имѣющее съ нимъ никакой аналогіи и никакого соотвѣтствія

въ своихъ абсолютно неизвѣстныхъ признакахъ? Потому что, еслибъ какое-нибудь соотвѣтствіе существовало или было бы вѣроятнымъ, мы могли бы надѣяться когда-нибудь подойти ближе къ ея познанію и,слѣд., не могли бы считать ее а б с о л ю т н о н е п о с т и ж и м о ю сущностью. Другими словами,послѣдовательно проводя взглядъ, утверждающій познаваемость только явленій души и отрицающій познаваемость ея субстанціи, мы неизбѣжно придемъ къ мысли Канта, что подлинная сущность духа есть в е щ ь в ъ с е б ѣ, не задѣваемая никакими формами опыта и поэтому пребывающая въ непостижимой трансцендентной области. Объ этой области мы, конечно, ничего не знаемъ положительнаго, но все же оказывается знаемъ о ней настолько, чтобы рѣшительно противополагать ее міру явленій, отрицать между ними всякую соотвѣтственность и вырывать между ними непроходимую пропасть.

Воззрѣніе на душу, какъ на непостижимую в е щ ь в ъ с е б ѣ, которая всегда пребываетъ въ невѣдомой умопостигаемой области, можетъ ли быть строго доказано? Мнѣ кажется, что прежде нужно поставить другой вопросъ: понятіе, которое дается этимъ воззрѣніемъ, имѣетъ ли законченный смыслъ или оно все расплывается въ логическихъ противорѣчіяхъ? И вотъ, едва мы захотимъ подвергнуть его анализу, какъ сразу натолкнемся на множество затрудненій.

Источникъ ихъ въ допущеніи полной н е и з в ѣ с т н о с т и и н е п о с т и ж и м о с т и дѣйствительной сущности и з в ѣ с т н ы х ъ намъ и п о с т и ж и м ы х ъ явленій. Сдѣлаемъ это до-

пущеніе, - и какъ его естественное и неизбѣжное слѣдствіе, получается выводъ, что свойства и законы явленія не имѣютъ ничего общаго съ свойствами и внутренними законами ихъ сущностей; ибо, какъ я уже говорилъ сейчасъ, ровно настолько, насколько между тѣми и другими существовала бы общность и соотвѣтственность въ признакахъ, сущности оказывались бы постижимыми чрезъ свои явленія. Между тѣмъ явленія обладаютъ несомнѣннымъ существованіемъ, - обыкновенно предполагается, что мы только ихъ непосредственно и знаемъ; съ другой стороны, если мы вѣримъ въ непостижимыя сущности, мы должны, очевидно, и имъ приписывать вполнѣ реальное бытіе. Что же получимъ? Двѣ дѣйствительности, - феноменальную и субстанціальную - ни въ чемъ не сходныя, никакъ другъ друга не отражающія и не задѣвающія. А тогда возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ. И прежде всего: п о ч е м у м ы д о л ж н ы п р и з н а т ь б ы т і е т а к и х ъ с у щ н о с т е й? Разъ онѣ не имѣютъ ничего общаго съ явленіями, - что онѣ могутъ объяснить въ нихъ? Скажутъ ли, что, несмотря на свою непостижимость, онѣ все-таки производятъ изъ себя явленія и связываютъ ихъ между собою? Но именно возможность для нихъ такой роли возбуждаетъ самое законное сомнѣніе. Казалось бы, слѣдовало ожидать, что въ дѣйствіяхъ любого предмета или существа должна осуществиться е г о природа, а не чужая, и что въ нихъ должны реализоваться е г о свойства, а не свойства ему противоположныя. Если бытіе предполагаемыхъ сущностей протекаетъ внѣ всякихъ свойствъ и отношеній міра являемаго, - какъ онѣ, тѣмъ не менѣе, окажутся причинами, опредѣляющими содер-

жаніе этихъ отношеній и свойствъ? Можетъ ли принципомъ объясненія какого-нибудь факта служить простое отрицаніе этого факта? А вѣдь въ идеѣ "непостижимыхъ сущностей" нѣтъ никакого другого логическаго содержанія, кромѣ отрицанія всего, что мы можемъ утверждать о мірѣ явленій.

Въ связи съ этимъ находится другой важный вопросъ: можно ли въ этомъ случаѣ употреблять самое понятіе "сущность"? Въ самомъ дѣлѣ, слово "сущность" можетъ имѣть или формальное, или реальное значеніе. Въ первомъ значеніи оно выражаетъ общую логическую природу даннаго предмета или явленія, совокупность его основныхъ и постоянныхъ свойствъ, то, что разумѣлъ Аристотель подъ своимъ терминомъ τὸ τί ἦν εἶναι Мы понимаемъ сущность въ этомъ значеніи, когда,напримѣръ, говоримъ: волнообразное движеніе эѳира составляетъ сущность свѣта. Вполнѣ очевидно, что с у щ н о с т ь въ этомъ смыслѣ никакъ не можетъ имѣть непостижимую реальность, отличную отъ реальности предметовъ и явленій, для которыхъ она сущность. Во второмъ значеніи понятіе "сущности" сливается съ понятіемъ "субстанціи"явленій и указываетъ субстратъ, предметъ или вещь, которая переживаетъ свои состоянія и событія,какъ явленія въ ней. Такъ, мы можемъ сказать: эѳиръ есть сущность, лежащая въ основѣ явленій свѣта. Но какъ мы могли убѣдиться, "сущность" и въ этомъ смыслѣ |по крайей мѣрѣ, въ обыкновенномъ словоупотребленіи| обозначаетъ нѣчто, и м м а н е н т н о е явленіямъ, реально не отдѣлимое отъ нихъ, отвлекаемое отъ нихъ только разсудкомъ, но не обладаю

щее обособленнымъ отъ нихъ существованіемъ. Такъ, эѳиръ существуетъ не внѣ своихъ движеній, а въ самыхъ движеніяхъ, - его частицы и л и движутся, и л и покоятся, и пока онѣ, наприм., движутся, движеніе есть ихъ собственное свойство. Какое же третье значеніе придумать для понятія "сущность", чтобъ оправдать особенное его употребленіе для психической сферы и безъ логическихъ противорѣчій подвести подъ него абсолютно неизвѣстную и непостижимую сущность нашего духа? Вѣдь подъ "непостижимою сущностью" нашей душевной жизни мы,во всякомъ случаѣ,разумѣемъ какой-то внутренній с у б ъ е к т ъ этой жизни, т.е. нѣчто,наиболѣе къ ней близкое и наиболѣе тѣсно съ нею связанное. Но какъ же можетъ имѣть такую близость къ намъ то, что представляетъ абсолютную противоположность или даже абсолютное отрицаніе всего, что мы о себѣ знаемъ? Не будетъ ли для насъ, напротивъ, эта "сущность" самою далекою вещью на свѣтѣ? Внѣпространственная, внѣвременная, возвышающаяся надъ всѣми реальными связями, она, конечно, будетъ дальше отъ насъ, чѣмъ самыя отдаленныя созвѣздія неба, потому что,какія бы огромныя разстоянія ни отдѣляли ихъ отъ насъ, они все-таки связаны съ нами общею принадлежностью къ единой вселенной. А если это непостижимая, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова т р а н с ц е н д е н т н а я, "сущность" - не субъектъ нашего психическаго существованія. то что же она такое?

Въ виду этого, я думаю, не будетъ слишкомъ суровымъ сказать, что теорія непостижимыхъ сущностей есть теорія м е т а ф и з и ч е с к а я въ томъ

дурномъ значеніи, которое нерѣдко придается этому эпитету. Она есть плодъ злоупотребленія логическими процессами; она представляетъ безжизненный продуктъ незаконной абстракціи, - въ которомъ относительное различіе принято за дѣйствительное распаденіе на двѣ реальныя сферы. Она оказывается гипотетическимъ построеніемъ, явно непригоднымъ, чтобы дать разумное объясненіе чему бы то ни было, но достаточно обаятельнымъ, чтобы заставить своихъ защитниковъ разъ навсегда отвернуться отъ вопросовъ, которые сами собою становятся для непредубѣжденной мысли.

---oOo---

Изъ предшествующаго, мнѣ кажется, ясно, что главная бѣда сейчасъ разсмотрѣнной гипотезы заключается не въ простомъ утвержденіи непостижимости внутренней сути вещей, а въ безусловномъ характерѣ этого утвержденія и послѣдствіяхъ, которыя изъ него вытекаютъ. Про всякую, даже очень знакомую намъ, вещь можно сказать, что она не вполнѣ постигнута нами: мы не знаемъ всѣхъ явленій, которыя могутъ съ нейпроизойти, мы не знаемъ всѣхъ причинъ, которыя вызываютъ ея различныя состоянія, мы не знаемъ способа дѣйствія этихъ причинъ и т.д., и т.д. Все это дѣлаетъ наше знаніе неизбѣжно ограниченнымъ. Но, конечно, такая ограниченность знанія не есть его абсолютное отсутствіе: очевидно, не знать вполнѣ даннаго предмета, или н и ч е г о о немъ не знать,

несмотря на хорошее знакомство съ его явленіями, - не одно и то же. Сказать, что, при самомъ полномъ знаніи явленій, мы ни на вершокъ не приближаемся къ познанію ихъ сущности, можно только при убѣжденіи, что свойства субстанціи и свойства явленій абсолютно различны и раздѣльны между собою, что п р и р о д а с у б с т а н ц і и в ъ я в л е н і я х ъ н е в ы р а ж а е т с я. Въ этомъ убѣжденіи и лежитъ коренная ложь теоріи непостижимыхъ сущностей и, нужно прибавить, не ея одной.

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто абстрактнаго и по существу своему отрицательнаго понятія о "вещахъ въ себѣ", мы можемъ подставить вполнѣ конкретное представленіе о любыхъ субстанціяхъ съ совершенно положительными качествами; но если эти качества предполагаемыхъ субстанцій не будутъ стоять ни въ какой связи со свойствами явленій, которыя имъ приписываются, если признаки субстанцій и признаки явленій ни въ какомъ отношеніи не будутъ дозволять логическаго выведенія другъ изъ друга, если они будутъ даже представлять взаимное логическое отрицаніе, - то несомнѣнно, что мы, настаивая на существованіи именно этихъ субстанцій для данныхъ явленій, окажемся предъ тѣми самыми затрудненіями, которыя заставили насъ покинуть гипотезу непостижимыхъ вещей въ себѣ. Поясню это примѣромъ.

Вообразимъ себѣ мыслителя, который допускаетъ абсолютно объективное бытіе пространства, подобно Декарту и Спинозѣ. - т.е. видитъ въ немъ не только форму нашего созерцанія и не только чувственно воспринимаемый порядокъ внѣшней намъ дѣйствительности.

а разсматриваетъ его какъ изначальное, абсолютное вмѣстилище всѣхъ вещей. Пускай при этомъ онъ, согласно такому воззрѣнію, приписываетъ полную объективную реальность матеріальнымъ движеніямъ, какъ перемѣнамъ мѣстъ въ пространствѣ, а также основнымъ свойствамъ тѣлъ, каковы протяженность, непроницаемость, форма, расположеніе частицъ и т.д. Но представимъ себѣ, что въ то же время онъ думаетъ, что субстанціи матеріальнаго міра сама въ себѣ абсолютно непротяженна, что она состоитъ изъ элементовъ, не находящихся къ пространству ни въ какомъ отношеніи, не могущихъ ни занять въ немъ мѣста, ни двигаться, ни сталкиваться и передавать движеніе одинъ другому. Въ такомъ взглядѣ на матеріальную дѣйствительность не будетъ ли заключаться явное логическое противорѣчіе? Во всѣхъ попыткахъ вывести свойства и процессы вещественнаго міра, какъ ихъ понимаетъ нашъ воображаемый мыслитель, изъ составленнаго имъ понятія о матеріальной субстанціи не будетъ ли онъ постоянно натал киваться на одно и то же затрудненіе: на имъ же признанную неспособность этой субстанціи проявится въ пространствѣ, какъ нибудь наполнить его, начать двигаться и перемѣщаться? Между непротяженностью сущностью и протяженностью ея явленія не окажется никакого моста по той ясной причинѣ, что понятія протяженности и непротяженности взаимно отрицаютъ другъ друга. Неразрѣшимость проблемы въ данномъ случаѣ настолько очевидна, что, я думаю, за всю исторію человѣческой мысли нельзя указать сколько-нибудь отчетливой теоріи, въ которой рядомъ признавались бы и абсолютная непротяженность матеріальной субстанціи, и

абсолютная реальность пространства.

Но странно: когда та же самая, въ сущности, проблема является только въ обращенномъ видѣ, она уже не представляется такою трудною, и утвержденія вполнѣ аналогичныя сейчасъ разсмотрѣнному, находятъ себѣ легкій доступъ иногда въ наиболѣе скептическіе умы. Исторія психологіи, съ самаго ея возникновенія, полна примѣровъ чисто - м а т е р і а л и с т и ч е с к а г о воззрѣнія на субстанцію духовной жизни. Какъ объяснить этотъ фактъ? Вытекаетъ ли онъ изъ естественной склонности нашей фантазіи придавать внѣшній, чувственный обликъ всему, что мы считаемъ за субстратъ какихъ бы то ни было реальныхъ процессовъ? Или мы, сохраняя за понятіемъ матеріи вполнѣ строгое значеніе, пока остаемся въ области физики, тотчасъ же подмѣнемъ его другимъ, болѣе растяжимымъ и неопредѣленнымъ, какъ скоро переходимъ въ область психологическихъ гипотезъ?

Во всякомъ случаѣ, для насъ дѣло не въ этомъ, - для насъ важна та несомнѣнная истина, что, е с л и у п о т р е б л я т ь п о н я т і е м а т е р і и в ъ е г о с т р о г о м ъ с м ы с л ѣ, - переходъ отъ нея въ внутренней жизни нашего сознанія невозможенъ совершенно такъ же, какъ невозможенъ переходъ отъ непространственной вещи въ себѣ къ абсолютно-реальному протяженному міру. Что психическія явленія с а м и п о с е б ѣ непротяженны, это можно считать аксіомой современной психологіи. Что наши мысли и чувства не имѣютъ ширины и длины, что наши желанія и рѣшенія воли не круглы и не продолговаты и не обладаютъ никакой другой геометрическою формой, что наши психическіе акты вообще, какъ они

даны въ сознаніи, не состоятъ изъ физическихъ молекулъ, которыя двигались бы въ тѣхъ или иныхъ направленіяхъ. - во всемъ этомъ непоколебимо убѣждаетъ насъ наше непосредственное самонаблюденіе. А что матерія протяженна и движется, это также едва ли можно считать за сомнительную физическую истину. Какимъ же образомъ она можетъ испытать состоянія, въ которыхъ нѣтъ никакого отношенія къ ея свойствамъ, и которыя представляютъ явное отрицаніе протяженія и движенія? И этимъ не ограничивается противоположность между психическими явленіями и ихъ предполагаемою физическою субстанціей. Нашу душевную жизнь характеризуетъ чрезвычайное качественное разнообразіе явленій, начиная отъ неограниченнаго богатства нашихъ чувственныхъ ощущеній. Но физическая матерія сама по себѣ и внѣ нашего воспріятія не обладаетъ никакими чувственными качествами; она не имѣетъ ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха, она не звучитъ и не свѣтитъ, - она только движется. Какъ же она испытаетъ состоянія, представляющія рѣшительное отрицаніе этой ея нечувственной природы?

ЛЕКЦІЯ X-я.

Въ прошлой лекціи мы остановились на принципіальномъ вопросѣ огромной важности: какое воззрѣніе на душевную жизнь болѣе правильно феноменистическое, признающее, что все наше душевное существованіе слагается изъ ч и с т ы х ъ, а б с о л ю т -

ныхъ явленій безъ всякаго субстрата, или р е а л и с т и ч е с к о е |с у б с т а н ц і а л и с т и ч е с к о е|, по которому явленія душевной жизни суть только свойства, состоянія и дѣйствія нѣкотораго переживающаго ихъ существа, въ смѣнѣ испытываемыхъ имъ ощущеній сохраняющаго внутреннее единство. |Какъ вы должны знать изъ элементарной логики, то, что переживаетъ измѣненія, или подлежащее свойствъ и состояній обозначается терминомъ с у б с т а н ц і я, который выражаетъ собою особую л о г и ч е с к у ю к а т е г о р і ю, т.е. одно изъ высшихъ и окончательныхъ обобщеній ума. Категоріи - это такія понятія разума, подъ которыя подводится все познаваемое и съ точки зрѣнія которыхъ мы обо всемъ судимъ. Обыкновенно категорій принимается три: с у б с т а н ц і я, с в о й с т в о, о т н о ш е н і е. Все, что мыслится, подойдетъ подъ какую-нибудь изъ нихъ. Иногда ихъ перечисляютъ иначе и признаютъ въ большемъ количествѣ| можно разсматривать, какъ особыя категоріи, понятія б ы т і я, с о с т о я н і я, д ѣ й с т в і я|. Аристотель признавалъ 10 категорій, Кантъ - 12. Но во всѣхъ перечисленіяхъ понятіе с у б с т а н ц і и или с у щ н о с т и присутствуетъ непремѣнно|.

Едва ли нужно настаивать, какъ многое зависитъ отъ того, какой именно изъ указанныхъ двухъ взглядовъ на душевную жизнь мы себѣ усвоимъ. Вся ея картина во всѣхъ ея частностяхъ получитъ совсѣмъ различный смыслъ и вызоветъ совсѣмъ различную оцѣнку при томъ или другомъ взглядѣ на нее. И вотъ мы мог-

ли убѣдиться, что феноменистическое воззрѣніе, при строгомъ и послѣдовательномъ проведеніи его, не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, понятіе чистаго явленія, или чистаго состоянія, никѣмъ не переживаемаго, явно противорѣчитъ себѣ. Но если даже мы не будемъ обращать на это вниманія, мы всетаки должны видѣть, что если бы психическая жизнь на самомъ дѣлѣ состояла изъ абсолютныхъ явленій, она имѣла бы совсѣмъ другой видъ, чѣмъ какой имѣетъ въ дѣйствительности. Всѣ явленія души неудержимо протекаютъ во времени: состояніе, которое я испытываю сейчасъ не есть то состояніе, которое было мною пережито секунду раньше, - то прежнее мое состояніе могло быть похоже на мое теперешнее, но оно всетаки уже прошло и кончилось. А что прошло, того нѣтъ. Поэтому, если бы душевная жизнь слагалась изъ чистыхъ явленій, мы не могли бы имѣть никакого представленія о нашемъ прошломъ, - вѣдь прошлыхъ явленій нѣтъ абсолютно. Наше сознаніе все было бы поглощено тѣмъ, что даетъ неуловимый моментъ настоящаго, - всецѣло къ нему приковано. Еслибъ даже въ этомъ настоящемъ мы переживали в о с п о м и н а н і е, т.е. внутренно представляемый образъ чего нибудь бывшаго раньше, мы не могли бы знать о томъ, что оно есть в о с п о м и н а н і е, т.е. внутреннее представленіе прошлаго событія, потому что мы не имѣли бы тогда никакой идеи объ отношеніи нашихъ внутренно переживаемыхъ въ настоящую минуту образовъ къ прежнимъ впечатлѣніямъ, - все прежнее для насъ совсѣмъ исчезало бы. Можно сказать больше: мы тогда не воспринимали бы и ни одного явленія, совершающагося въ настоящемъ, въ его дѣйствительномъ цѣломъ. Вѣдь

коренная особенность всѣхъ явленій души въ томъ, что они д л я т с я и т я н у т с я, хотя бы очень короткій срокъ. Слѣдовательно, въ каждомъ изъ нихъ въ каждый моментъ переживанія есть и будущее. Это значитъ, что наше сознаніе, поглощенное настоящимъ, не могло бы усвоить ни одного переживаемаго явленія цѣликомъ, оно должно было бы всегда воспринимать лишь безконечно малые моменты теченія явленій, которые одни только и могутъ попасть въ настоящее мгновеніе въ его абсолютной недѣлимости. Но именно э т о т о и недоступно для нашего сознанія: ничто дѣйствительно мгновенное не можетъ быть сознано нами. Это опять таки одно изъ самыхъ несомнѣнныхъ обобщеній психологіи.

----oOo----

Итакъ, душевная жизнь, открывающаяся нашему внутреннему опыту, и то, чѣмъ она должна была бы быть, еслибъ чистый ф е н о м е н и з м ъ былъ истиною, далеко не совпадаютъ между собою. Это значитъ, что отъ феноменистической гипотезы нужно отказаться, какъ совершенно недостаточной. Наше психическое существованіе есть связное и неразрывное цѣлое, въ которомъ все настоящее возникаетъ на фонѣ прошлаго. Душевная жизнь представляетъ внутренно единый процессъ сознаванія, который не слагается изъ своихъ отдѣльныхъ состояній, какъ куча песку изъ песчинокъ, а напротивъ, порождаетъ и поставляетъ все особенное и отдѣльное въ немъ

изъ своихъ собственныхъ нѣдръ. Въ немъ всѣ элементы находятся въ органическомъ взаимодѣйствіи и неразрывной зависимости. Наше внутреннее существованіе является для насъ потокомъ самыхъ разнообразныхъ событій, очертанія котораго теряются въ далекомъ прошломъ. Воспринимаемое нами настоящее какъ бы тонетъ и растворяется въ прошломъ, - вѣдь мы только то и сознаемъ отчетливо, что уже выразилось для насъ въ своемъ составѣ и качествахъ, т.е. другими словами, что уже п р о т е к л о передъ нами. Предметъ яснаго сознанія всегда есть прошлое.

Но какъ это возможно, если прошлое, по самому своему понятію, есть то, что прошло и кончилось? Какимъ образомъ вообще наша внутренняя жизнь можетъ представлять картину неуклонно совершающагося во времени единаго и реальнаго процесса? Какъ мы видѣли въ прошлый разъ, это мыслимо лишь подъ тѣмъ условіемъ, что и въ психическомъ процессѣ, какъ во всякомъ другомъ процессѣ природы, дана пребывающая основа переживаемыхъ въ немъ измѣненій. Наша психика не только явленіе, - въ ней должна быть дана какая то субстанція, - безъ этого она совсѣмъ непонятна. Какъ физическаго міра нельзя понять, не предположивъ въ немъ вещества, которое остается во всѣ времена однимъ и тѣмъ же, какъ бы разнообразно ни двигались его частицы, такъ нельзя понять и нашего душевнаго міра, если не предположимъ единаго реальнаго существа, переживающаго психическія состоянія.

Какое же это существо, какая субстанція лежитъ въ основѣ психическаго процесса? Есть ли она недоступная опыту и непостижимая для разума в е щ ь

въ с е б ѣ? Теорія, которую можно обозначить именемъ агностицизма или ноуменизма |отъ Кантовскаго термина "ноуменъ"|.

Мы разсмотрѣли эту гипотезу въ прошлый разъ и могли убѣдиться въ ея несостоятельности. Если "вещь въ себѣ" абсолютно непостижима и невыразима ни въ какомъ опытѣ, тѣмъ самымъ предполагается,что ея свойства и свойства всего того, что нами внутренно сознается, не имѣютъ ничего общаго между собою.Такъ дѣйствительно и утверждаютъ всегда сторонники ученія непостижимой сущности нашего духа. Но тогда является вопросъ: какимъ образомъ эта ни въ чемъ не похожая на міръ нашего сознанія сущность можетъ быть его основою? Что она можетъ объяснить въ феноменахъ сознанія? И какъ искать объясненія фактовъ сознанія въ томъ, что есть простое о т р и ц а н і е всего, что въ нихъ дано и содержится? Никакія явленія нельзя понять, если не предположить переживающую ихъ субстанцію; но съ другой стороны чтобы эта субстанція что нибудь объясняла въ явленіяхъ, нужно, чтобы она обладала такими положительными свойствами, изъ которыхъ эти явленія дѣйствительно обосновываются.

Этого послѣдняго правила не выполняетъ и другая гипотеза, разсмотрѣнная нами въ прошлый разъ. Я разумѣю матеріализмъ, т.е. ученіе, по которому субстанціальная основа явленій сознанія есть то же самое вещество,которое есть субстратъ и явленій физическихъ. Ахиллесова пята матеріализма - въ томъ, что сознаніе рѣшительно необъяснимо изъ матеріальныхъ условій: отъ матеріи нельзя перекинуть мостъ къ какимъ бы то ни было явленіямъ духа.Если реальность

принадлежитъ одной матеріи и ея состояніямъ, если единственныя свойства матеріи - протяженность, непроницаемость и движеніе |а въ этихъ утвержденіяхъ точка отправленія всякаго матеріализма|, то и явленіями матеріи могутъ быть только различные виды движеній протяженно-непроницаемыхъ тѣлъ и никакихъ другихъ явленій въ ней происходить не должно. А это значитъ, что когда возникаетъ даже самое элементарное ощущеніе, мы имѣемъ въ этомъ фактѣ, съ точки зрѣнія матеріализма, нѣкоторый абсолютно непостижимый абсурдъ, и такимъ абсурдомъ должна неизбѣжно представиться вся психическая сфера существованія. Какъ бытіе чисто внѣшнее по всѣмъ своимъ свойствамъ, путемъ только внѣшнихъ передвиженій, можетъ вдругъ стать внутреннимъ, - міромъ нашего сознанія, съ его ощущеніями и чувствами, съ его единымъ, себя знающимъ Я, съ его мыслями и рѣшеніями воли? Или, взявъ частный примѣръ: какъ простое перемѣщеніе и переталкиваніе въ себѣ б е з ц в ѣ т н ы х ъ атомовъ |а что атомы по себѣ безцвѣтны, признается еще со временъ Демокрита| превратится въ ощущеніе того или иного цвѣта? Вѣдь предположить такіе скачки въ жизни вещества означаетъ прямо итти наперекоръ всѣмъ требованіямъ логическаго закона тождества. Коротко говоря, самый фактъ существованія душевныхъ явленій находится въ очевидномъ противорѣчіи съ основными посылками матеріалистической доктрины, - можно ли послѣ этого надѣяться въ ней найти сколько-нибудь подходящую почву для психологическихъ объясненій?

Впрочемъ, я не стану повторять указанныхъ въ прошлой лекціи коренныхъ различій между психическою и физическою дѣйствительностью.

Я главнымъ образомъ желалъ бы обратить вниманіе на другой недостатокъ матеріалистическаго воззрѣнія на субстанцію душевной жизни. Матеріалистическая гипотеза не въ состояніи служить именно той цѣли, ради которой мы только и могли бы остановиться на ней въ данномъ случаѣ. Вѣдь то, что насъ заставило обратиться къ идеѣ о какой-нибудь субстанціи психическихъ явленій, было сознаніе, что психическая жизнь, по всѣмъ ея непосредственно даннымъ признакамъ, не можетъ состоять изъ явленій ч и с т ы х ъ или а б с о л ю т н ы х ъ. Но представленіе о матеріальной субстанціи духа не доставляетъ никакой помощи для разрѣшенія противорѣчій чистаго феноменизма, - эти противорѣчія сохраняютъ полную свою силу и при матеріалистическомъ взглядѣ на природу души. Весьма важная особенность матеріалистической доктрины заключается въ томъ, что, несмотря на свое очень конкретное и реальное понятіе о субстанціальномъ бытіи въ вещахъ вообще, д у ш е в н о й ж и з н и о н а в ы н у ж д е н а д а в а т ь ч и с т о ф е н о м е н и с т и ч е с к о е т о л к о в а н і е. Для матеріализма каждый психическій фактъ есть только отраженіе, или сопровождающее обстоятельство, или эпифеноменъ опредѣленнаго движенія мозга. Онъ вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ начинается, вмѣстѣ съ нимъ и кончается въ совершенной отъ него зависимости. Но каждое отдѣльное движеніе, въ свою очередь, есть лишь явленіе

матеріальной жизни; итакъ, психическіе факты суть только **я в л е н і я я в л е н і й**. И эти **я в л е н і я в д в о й н ѣ** отличаются отъ отраженныхъ въ нихъ физическихъ явленій тѣмъ, что въ послѣднихъ субстанція ихъ присутствуетъ и выражается,- движенія въ мозгѣ суть движенія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ атомовъ; напротивъ, въ психическихъ фактахъ, самихъ по себѣ взятыхъ, физическая субстанція совсѣмъ и очевидно отсутствуетъ: въ нашихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ мы не воспринимаемъ ни атомовъ, ни молекулярныхъ движеній и никакихъ другихъ объективныхъ процессовъ мозга. Итакъ, наши психическія состоянія не оказываются ли чистыми событіями и абсолютными явленіями обыкновеннаго феноменизма, и его противорѣчія не воскресаютъ ли опять предъ нами? Развъ мы принципіально допустимъ, что движенія мозга порождаютъ психическія состоянія, въ этомъ можно видѣть объясненіе того, почему эти состоянія возникаютъ въ опредѣленной послѣдовательности во времени. Но какъ разрѣшимъ мы другой вопросъ,огромная важность котораго обнаружилась для насъ при анализѣ феноменистической теоріи, - какъ объяснить **р е а л ь н ы й с и н т е з ъ** психическихъ явленій, - фактъ существованія психической жизни,какъ внутренно-единаго цѣлаго? Вѣдь это единство душевной жизни дано въ ней самой, оно ежесекундно осуществляется въ психическихъ явленіяхъ, какъ таковыхъ, а не въ томъ, что ихъ сопровождаетъ и порождаетъ, и о чемъ мы можемъ только гадательно умозаключать,- не въ движеніяхъ мозга, о которыхъ мы еще и теперь знаемъ такъ мало. Повторимъ недоумѣніе Милля: какимъ образомъ серія чистыхъ событій, замкнутыхъ въ

себѣ, каждое изъ которыхъ неудержимо проходитъ вмѣстѣ со всѣмъ, что составляло его содержаніе, -какимъ образомъ она сознаетъ о себѣ, какъ о с е р і и, и воспринимаетъ свою реальность, какъ длящагося цѣлаго? Явное внутреннее противорѣчіе въ такомъ представленіи измѣнится ли сколько-нибудь отъ того, что мы припишемъ нашему мозгу таинственную способность производить тѣ неуловимые призраки, изъ которыхъ будто бы долженъ слагаться міръ нашего сознанія?

Несомнѣнно, затрудненія, соединенныя съ феноменистическимъ пониманіемъ душевной жизни, не только не уменьшаются при матеріалистической гипотезѣ, они даже возрастаютъ. Какъ мы могли убѣдиться, главную проблему для феноменизма въ его отвлеченномъ видѣ представляетъ фактъ реальнаго синтеза п о с л ѣ д о в а т е л ь н ы х ъ психическихъ состояній, при неизбѣжной мимолетности и мгновенности этихъ состояній; непонятно, какъ они могутъ сочетаться въ картину внутренно-единаго, непрерывнаго процесса. Для феноменизма на матеріалистической подкладкѣ во всей своей неразрѣшимости становится вопросъ о синтезѣ психическихъ явленій о д н о в р е м е н н ы х ъ. Въ самомъ дѣлѣ, то, что для самонаблюденія можетъ показаться простымъ и раздѣльнымъ актомъ сознанія, съ точки зрѣнія физіологической, предполагаетъ самыя разнообразныя движенія въ различныхъ центрахъ и областяхъ мозговой системы. Положимъ, я воспринимаю яблоко, - этотъ актъ въ сознаніи представляетъ несомнѣнное внутреннее единство. Между тѣмъ, для подробнаго психофизіологическаго анализа онъ вмѣщаетъ совокупность самыхъ сложныхъ яв-

леній: чтобы возникло ощущеніе цвѣта яблока, требуется возбужденіе однихъ нервныхъ центровъ, чтобы получилось ощущеніе его формы - другихъ; ощущеніе его запаха пріурочено къ дѣятельности третьей группы мозговыхъ центровъ, ощущеніе его твердости - четвертой. Далѣе, когда я воспринимаю яблоко, я не только его ощущаю, я при этомъ у з н а ю , что это именно яблоко, а не какая-нибудь другая вещь, - опять и для совершенія этого акта у з н а н і я необходимо возбужденіе новыхъ, весьма сложныхъ группъ мозговыхъ элементовъ, отвѣчающихъ ассоціаціямъ нашего прошлаго опыта. Наконецъ, видъ яблока вызоветъ во мнѣ какое-нибудь чувство, а можетъ быть и не одно, - для этого снова должны прійти въ дѣятельное состояніе различныя части мозга. Какъ бы въ частности ни локализировали мы всѣ эти процессы, для всякаго физіолога очевидно, что мы имѣемъ здѣсь безчисленные ряды разнообразныхъ движеній въ самыхъ различныхъ областяхъ мозга, иногда очень удаленныхъ другъ отъ друга. Допустимъ теперь, что матеріалисты правы, - согласимся, что психическія явленія суть только отраженія движеній мозга, порождаемыя этими движеніями и по своему существованію находящіяся отъ нихъ въ постоянной и тѣснѣйшей зависимости, - притомъ отраженія, имѣющія характеръ абсолютныхъ событій, замкнутыхъ въ себѣ, потому что ихъ матеріальная подкладка въ самыя психическія явленія не переходитъ. Какъ могутъ сейчасъ перечисленные акты сознанія слиться въ одно нераздѣльное воспріятіе яблока? Вѣдь отвѣчающія имъ движенія различны и происходятъ въ разныхъ мѣстахъ, раздѣленныхъ значительными промежут-

ками: про движеніе, положимъ, въ центрѣ зрительномъ мы никакъ не скажемъ, что оно есть одно съ движеніемъ въ центрѣ осязательномъ, - отчего же ихъ психическія отраженія сливаются въ несомнѣнно единое психическое состояніе? И въ чемъ они сливаются?Слишкомъ очевидно, что для психическихъ состояній,возникающихъ въ различныхъ пунктахъ мозговой коры и существующихъ только въ нихъ |а иначе матеріализмъ не можетъ на нихъ смотрѣть|, составить психически единичный продуктъ значитъ то же,что перестать быть собою и присутствовать тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Не нужно при этомъ забывать, что движенія мозговыхъ центровъ, хотя каждое изъ нихъ имѣетъ свою обособленную дѣйствительность, всетаки связаны между собою чрезъ движеніе въ лежащей между ними средѣ и въ соединяющихъ ихъ нервныхъ волокнахъ. Между тѣмъ, въ психической сферѣ отражаются далеко не всѣ мозговыя движенія, а только наиболѣе интенсивныя; слѣдовательно, психическія состоянія должны быть еще болѣе разрознены и обособлены въ себѣ, чѣмъ какія бы то ни было движенія мозга. И если они представляютъ изъ себя состоянія чистыя, они, какъ мы уже знаемъ,должны быть а б с о л ю т н о разрознены и замкнуты въ себѣ. Что же стягиваетъ эти обособленныя состоянія въ дѣйствія единаго сознанія? А вѣдь этотъ вопросъ долженъ повториться рѣшительно о всѣхъ психическихъ фактахъ. Едва ли найдется среди нихъ хотя одинъ, который для своего возникновенія требовалъ бы возбужденія не болѣе, какъ одной мозговой клѣтки. Да еслибъ такіе факты и существовали, мы не должны забывать, что въ каждой органической клѣточкѣ совершаются невообразимо сложныя движенія на

стицъ.

Для наглядности увеличимъ нашъ масштабъ; станемъ на точку зрѣнія наблюдателя, настолько миніатюрнаго| въ этомъ пріемѣ не будетъ ничего незаконнаго|,что для него нашъ мозгъ приметъ размѣры солнечной системы. Сохранимъ при этомъ всѣ сдѣланныя нами матеріалистическія допущенія и, какъ примѣръ, по-прежнему возьмемъ воспріятіе яблока. Тогда можетъ выйти,что въ то время, какъ зрительное ощущеніе явится въ области, соотвѣтствующей нашей землѣ,ощущеніе обонятельное возникнетъ отъ него на разстояніи Юпитера, а ощущеніе осязательное на разстояніи, положимъ Меркурія; точно также сопровождающія наши ощущенія ассоціаціи, полученныя отъ прежнихъ опытовъ, скопятся гдѣ-нибудь около Сатурна и т.д.И каждое изъ этихъ психическихъ состояній непремѣнно останется на своемъ мѣстѣ, будучи привязано къ тому особому движенію, которое его породило и въ каждое мгновеніе продолжаетъ порождать,пока оно не исчезнетъ. Какимъ же образомъ эти уединенныя психическія состоянія узнаютъ другъ о другѣ, какъ сойдутся и сольются въ одно? Вѣдь мы иногда допускаемъ возможность одушевленныхъ жителей на другихъ планетахъ; быть можетъ, эти жители думаютъ и чувствуютъ такъ же, какъ и мы. Но кому придетъ въ голову утверждать, что ихъ мысли и наши мысли составляютъ одну мысль, какъ единичный психическій фактъ. Вѣдь между обоими примѣрами различія нѣтъ, ибо, собственно говоря, всякій мозговой центръ есть особый организмъ и это становится все болѣе несомнѣннымъ съ изученіемъ механизма нервной системы.

Итакъ, матеріалистическая гипотеза не спасаетъ

психологію отъ противорѣчій феноменизма - эти противорѣчія получаютъ при ней даже особенно рѣзкій видъ: при ней психическій синтезъ, въ какой бы то ни было формѣ, не только необъяснимъ,но оказывается наглядно немыслимымъ. Впрочемъ, о реальномъ психическомъ синтезѣ мнѣ придется много говорить впослѣдствіи. Теперь сказаннаго, я думаю, достаточно, чтобы освѣтить нашъ общій выводъ: психологическій матеріализмъ, подобно ученію о совершенной непостижимости сущности духа, содержитъ непроходимую пропасть между психическими явленіями и природой ихъ предполагаемой субстанціи, и въ этомъ заключается его психологическая и логическая несостоятельность.

И этотъ основной недостатокъ раздѣляютъ съ матеріализмомъ многія другія психологическія теоріи, пытающіяся дать положительный отвѣтъ на вопросъ о субстанціи душевныхъ явленій. Всякій разъ, когда душевной сущности приписывается природа,не отражающаяся въ психическихъ состояніяхъ, какъ мы ихъ знаемъ изъ внутренняго опыта, и не переходящая въ нихъ, мы немедленно сталкиваемся съ затрудненіями, подобными тѣмъ, которыя такъ ярко выступаютъ въ матеріалистическомъ воззрѣніи, въ виду его простоты и ясности. Напримѣръ, въ психологіи Гербарта только отвлеченность и темнота основныхъ понятій отчасти прикрываютъ кричащее противорѣчіе между абсолютною неизмѣнностью душевной сущности, которая вся состоитъ изъ одного простого качества, и вѣчно подвижнымъ разнообразіемъ душевной жизни. Гербартъ замаскировалъ это противорѣчіе, отожествивъ п р е д с т а в л е н і я въ психологическомъ смыслѣ съ актами са

мосохраненія простой душевной сущности,и не хотѣлъ замѣтить, что для такого отождествленія нѣтъ никакого основанія, что акты самосохраненія, по его же ученію, направлены исключительно на то, чтобы оберегать душу въ ея простомъ, всегда одинаковомъ состояніи, что они даже и обозначаютъ только пребываніе души въ этомъ состояніи и ничего больше, и поэтому никакъ не могутъ ни породить,ни содержать въ самихъ себѣ качественнаго разнообразія, а вѣдь его-то въ душевной жизни и надо объяснить.

Едва ли въ лучшемъ положеніи находится ученіе, которое можно охарактеризовать какъ теорію у н и в е р с а л ь н а г о д у х а.По этой теоріи,въ психическихъ процессахъ всѣхъ одушевленныхъ тварей осуществляется единый міровой духъ. Онъ есть единственная субстанціальная основа в с ѣ х ъ с о з н а н і й, единственный субъектъ всѣхъ душевныхъ жизней; онъ существуетъ вѣчно, внѣ пространства и времени, въ единой безконечной интуиціи заразъ созерцая все, что было и будетъ. Какъ ни возвышенна такая концепція,она слишкомъ явно не сходится съ тѣмъ, что мы знаемъ о себѣ изъ внутренняго опыта. Если наше субстанціальное Я обладаетъ безконечнымъ знаніемъ вещей прошлыхъ и будущихъ, - отчего, реализуя свое знаніе въ своихъ мысляхъ и мнѣніяхъ, оно такъ часто ошибается? Если оно абсолютно внѣ пространства и времени, то какъ же оно испытываетъ дѣйствія окружающаго міра и послѣдовательно переживаетъ различныя состоянія? Если оно вѣчно стремится къ высшему добру, то какъ оно можетъ питать дурныя желанія? И если,наконецъ,мое "я" есть совсѣмъ одно и то же съ "я" другихъ оду-

шевленныхъ существъ,то почему оно во мнѣ хочетъ одного, а въ другихъ-совсѣмъ другого? Вполнѣ ясно, чтобы стать м о и м ъ "я",абсолютное "я"должно внутренно переродиться, ограничиться и сократиться въ своей безконечности, - иначе мой психическій міръ будетъ стоять въ непрерывномъ противорѣчіи съ его свойствами.Психологъ такъ же мало можетъ удовлетвориться представленіемъ о всеобщемъ духѣ и обойтись безъ понятія объ индивидуальной субстанціи психической жизни, какъ физикъ не можетъ ограничиться въ своихъ изслѣдованіяхъ понятіемъ матеріи вообще, въ ея безконечномъ цѣломъ, не предположивъ ея отдѣльныхъ, конкретныхъ частицъ.

------oOo------

Итакъ,когда мы для явленій духа предполагаемъ субстанцію, свойства которой существенно отличны отъ того, что непосредственно дано въ этихъ явленіяхъ, т.е. субстанцію, т р а н с ц е н д е н т н у ю въ отношеніи къ нимъ, мы создаемъ понятіе безплодное, противорѣчивое, ничего не объясняющее въ тѣхъ явленіяхъ, ради которыхъ оно придумано, - стало быть, понятіе лишнее и не нужное; съ другой стороны, если мы, отбросивъ идею о какой бы то ни было субстанціи, начинаемъ смотрѣть на душевную жизнь какъ на чистую послѣдовательность абсолютныхъ состояній, безъ всякаго реальнаго субъекта,который переживалъ бы ихъ, мы получаемъ о ней такое представленіе, которое глубоко расходится съ ея самыми

основными признаками и, при этомъ, само распадается въ неисцѣлимыхъ внутреннихъ противорѣчіяхъ. Гдѣ же выходъ изъ этого двоякаго затрудненія? Мнѣ кажется, онъ ясно подсказанъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ разсужденій. Нужно понять разъ навсегда, что логически несообразное само по себѣ должно составить абсурдъ и въ психологіи. Если вѣрно, что я в л е н і е, по самому понятію о немъ, немыслимо безъ проявляющагося въ немъ д ѣ я т е л я и н о с и т е л я, который непремѣнно д а н ъ въ явленіи, ибо иначе явленіе не было бы явленіемъ, -такъ должно быть и въ душѣ, потому что логически нелѣпому нигдѣ нѣтъ мѣста. Правда ли, что мы явленія своего сознанія воспринимаемъ непосредственно? Въ этомъ едва ли возможно серьезное сомнѣніе: вѣдь явленіями сознанія мы только то и называемъ, что сознаемъ и я к ъ и п о с к о л ь к у сознаемъ, а что въ сознаніи не дано, то, очевидно, уже не будетъ его явленіемъ. Это значитъ, что явленія сознанія даны намъ такъ, какъ они есть, - въ совокупности своихъ дѣйствительныхъ признаковъ. А если это справедливо, то мы должны непосредственно и въ ея подлинной природѣ воспринимать и сознавать с у б с т а н ц і а л ь н у ю с и л у с о з н а н і я. Субстанція сознательной душевной жизни должна быть непосредственно открыта для насъ, какъ для насъ была бы открыта субстанція жизни физической, еслибъ мы воспринимали ея явленія совсѣмъ такъ, какъ они совершаются въ природѣ, а не черезъ наши психическіе значки, какъ мы ихъ воспринимаемъ въ дѣйствительности. Субстанція души не т р а н с ц е н -

д е н т н а, а и м м а н е н т н а своимъ явленіямъ. Явленіе духа должны быть не только показателями, но и прямою реализаціей его существа, потому что они суть его акты и состоянія, а духъ внѣ своихъ состояній и дѣйствій есть пустая абстракція, - словесный терминъ, а не дѣйствительность.

Согласимся съ этимъ, - и мы невольно должны прійти къ убѣжденію, что с п и р и т у а л и с т и ч е с к а я гипотеза есть единственная, которая съ правомъ можетъ имѣть мѣсто въ психологіи. Этотъ выводъ получается съ неизбѣжностью, какъ только мы распространимъ истину о с о о т н о с т е л ь н о с т и я в л е н і й и с у б с т а н ц і й на психическую сферу. Мы знаемъ явленія нашего сознанія, но не воспринимаемъ у нихъ никакихъ матеріальныхъ признаковъ, - слѣдовательно, у нихъ и нѣтъ этихъ признаковъ. Но тогда этихъ признаковъ нѣтъ и у ихъ субстанціи, потому что ихъ субстанція въ нихъ и они въ ней. Далѣе, наша духовная жизнь обладаетъ извѣстными положительными свойствами, которыя установляютъ ея особую природу, сравнительно съ другими процессами дѣйствительности; этими свойствами должна обладать и субстанція духа, потому что свойства ея явленій суть ея собственныя свойства, поскольку она переживаетъ эти явленія, - потому что она и жизнь ея нераздѣльны, потому что внѣ своей жизни она - ничто. Итакъ, въ основѣ психическихъ явленій лежитъ н е м а т е р і а л ь н а я, д у х о в н а я с у б с т а н ц і я. А вѣдь въ этомъ и заключается основной тезисъ спиритуалистической теоріи.

Съ геніальной прозорливостью проповѣдывалъ сей-

часъ изложенные взгляды еще блаженный Августинъ, впервые сдѣлавшій попытку обосновать спиритуализмъ изъ данныхъ внутренняго опыта. Въ знаменитомъ мѣстѣ De Trinitate | X, 16| онъ говоритъ: "Такъ какъ нашъ духъ знаетъ себя, онъ знаетъ свою субстанцію, и такъ какъ онъ непосредственно сознаетъ себя, онъ сознаетъ свою субстанцію. - Но онъ совершенно не сознаетъ, воздухъ ли онъ, или огонь, или какое-нибудь тѣло, или что-нибудь тѣлесное. Итакъ, онъ и не есть что-нибудь изъ этого. - Потому что, еслибъ онъ былъ какою-нибудь вещественною стихіей, онъ понималъ бы ее иначе, нежели все другое, - воспринималъ бы ее, какъ нѣчто по-истину ему присущее, ибо къ нему ничего нѣтъ ближе, чѣмъ онъ самъ. Онъ сознавалъ бы ее такъ же прямо, какъ онъ сознаетъ, что онъ живетъ, помнитъ, мыслитъ и хочетъ".

Черезъ много столѣтій этимъ же самымъ путемъ пришелъ къ спиритуалистическому возврѣнію на сущность души Декартъ. Его пространныя разсужденія въ Meditationes могутъ быть сведены къ слѣдующему простому ряду соображеній. Я съ безусловною достовѣрностью знаю о себѣ, что я думаю, сомнѣваюсь, отрицаю, утверждаю, хочу, воображаю, чувствую. Но я совершенно не знаю и не усматриваю въ себѣ, чтобъ я былъ воздухомъ, или вѣтромъ, или паромъ, или какою-нибудь другою тонкою стихіей, или, наконецъ, аггрегатомъ тѣлесныхъ органовъ. Я даже могу мысленно отбросить всю матеріальную дѣйствительность во всѣхъ ея видахъ, и все-таки моя внутренняя реальность, какъ сознающаго существа, оттого нисколько для меня не поколеблется. Итакъ, никакія матеріальныя опредѣленія не относятся къ природѣ моего внутренняго "я".

Съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями этотъ аргументъ Декарта сталъ типическимъ у большинства представителей спиритуализма.

ЛЕКЦІЯ XI-ая.

Въ прошлой лекціи я остановился на истинѣ, имѣющей большое значеніе и въ обще-философскомъ отношеніи и по своему примѣненію къ частнымъ областямъ знанія, - на истинѣ о неизбѣжной *соотносительности явленій и субстанціи*. Ея мысль можно формулировать въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: нѣтъ явленій внѣ субстанцій, какъ нѣтъ субстанцій внѣ ихъ свойствъ, состояній и дѣйствій; природа субстанціи здѣсь выражается въ законахъ и свойствахъ ея явленій, и, наоборотъ, нельзя считать за природу субстанціи то, что никакъ въ ней не проявляется. Иначе сказать, субстанція *не трансцендентна, а имманентна* своимъ явленіямъ, - каждое явленіе, въ своей подлинной дѣйствительности, есть сама субстанція въ данный отдѣльный моментъ своего бытія. Какъ мы знаемъ, эта истина устанавливается самоочевиднымъ отношеніемъ входящихъ въ нее понятій; она оправдывается глубокою логическою несостоятельностью всякихъ попытокъ приписать дѣйствительность какимъ бы то ни было непроявимымъ сущностямъ или абсолютнымъ, безсубстратнымъ явленіямъ; она подтверждается, наконецъ, тѣмъ, что тамъ, гдѣ понятія *явленія и суб-*

с т а н ц і а л ь н о й о с н о в ы употребляются плодотворно и безъ логическихъ противорѣчій, и с т и н а с о о т н о с и т е л ь н о с т и находитъ себѣ полное и безспорное подтвержденіе: такъ, въ процессахъ физической природы говорить о движеніяхъ, происходящихъ внѣ вещества, или о веществѣ, которое пребываетъ гдѣ то выше своихъ собственныхъ состояній движенія и покоя, до такой степени нелѣпо, что на это никто не рѣшится. Для психологіи изъ этого получается очень важный выводъ: если вообще нѣтъ безсубстратныхъ явленій, ихъ нѣтъ и въ нашемъ психическомъ существованіи, и если въ каждомъ явленіи неизбѣжно реализуется его субстанція, такъ должно быть и въ духѣ. Итакъ, въ нашихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ мы должны непосредственно воспринимать наше подлинное существо, и притомъ въ той самой мѣрѣ, въ какой доступны намъ его состоянія и дѣйствія. И это существо не должно являться намъ какъ что то обособленное отъ своей жизни и спрятанное за нею въ своихъ независимыхъ отъ нея аттрибутахъ и свойствахъ; напротивъ, въ силу того же начала с о о т н о с и т е л ь н о с т и мы и для души, какъ вездѣ, должны признать и м м а н е н т н о с т ь е я с у б с т а н ц і и с в о и м ъ я в л е н і я м ъ. А это значитъ, что въ положительныхъ свойствахъ ея явленій должны осуществляться ея свойства, какъ субстанціи, и что, наоборотъ, то, что не выражается и не отражается ни въ какихъ психическихъ фактахъ, не должно и не можетъ принадлежать самой душѣ, какъ ея свойство. Какъ мы видѣли въ прошлой лекціи, изъ этого съ неизбѣжностью вытекаетъ и м -

матеріалистическій взглядъ на наше внутреннее совнающее существо: въ психическихъ состояніяхъ нѣтъ никакихъ матеріальныхъ признаковъ, - въ этомъ мы убѣждаемся съ абсолютною достовѣрностью, когда переживаемъ каждое изъ нихъ; поэтому ихъ не должно быть и въ психической субстанціи, которая испытываетъ эти состоянія и реализуетъ себя въ нихъ. Въ этомъ заключается сильнѣйшій аргументъ спиритуалистовъ всѣхъ вѣковъ. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, мы находимъ его впервые у Августина и у Декарта, послѣ которыхъ онъ потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, но по самому своему существу остался тѣмъ же, какъ и у нихъ.

Явленіе и субстанція представляютъ соотносительныя понятія, но все же это понятія различныя; мы обозначаемъ ими двѣ неразрывныя стороны одной и той же дѣйствительности, которыя могутъ быть отдѣлены одна отъ другой только въ разсудочной абстракціи, а не сами по себѣ, - но все-таки между ними нельзя утверждать тождества. Такъ, движенія нѣтъ помимо и отдѣльно отъ вещества, которое движется, какъ нѣтъ и вещества, которое не находилось бы въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ состояніяхъ движенія или покоя, - но все же движеніе не есть вещество. Слѣдуетъ сказать даже больше: въ извѣстномъ отношеніи явленіе и субстанція, при всей ихъ соотносительности, очевидно, противоположны между собою, - такая противоположность замѣчается въ ихъ отношеніяхъ къ опредѣленіямъ времени. Субстанція есть то, что пребываетъ, - напротивъ, явленія проносятся и мѣняются въ каждое мгно-

веніе; это различіе коренится уже въ самомъ общемъ значеніи этихъ понятій, поскольку, по крайней мѣрѣ, они прилагаются къ предметамъ наблюдаемаго нами конечнаго міра.

Явленіе есть состояніе, измѣненіе, преходящій способъ бытія вещи; мы только то и называемъ явленіемъ, что начинается и кончается. Поэтому каждое явленіе неизбѣжно предполагаетъ процессъ, звено или рядъ звеньевъ котораго оно составляетъ. Другими словами, явленіе есть то, что выражаетъ т е к у щ у ю с т о р о н у дѣйствительности. Въ виду этого можно сказать, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда явленія представляются намъ д л я щ и м и с я, они всегда слагаются изъ цѣлаго ряда болѣе элементарныхъ явленій, причемъ каждый новый членъ ряда наступаетъ послѣ исчезновенія и ч е р е з ъ и с ч е з н о в е н і е предшествующаго, чтобы немедленно уступить мѣсто послѣдующему члену. Такъ, движеніе тѣла въ одномъ какомъ-нибудь направленіи можно разсматривать какъ о д н о длящееся явленіе; и все-таки, на самомъ дѣлѣ, оно состоитъ изъ безконечнаго ряда перемѣнъ мѣста, его нѣтъ ни въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя были имъ заняты прежде; и при этомъ въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ тѣло остается абсолютно неуловимый моментъ; еслибъ оно задерживалось въ каждой точкѣ даже на срокъ невообразимо малый, оно никуда не подвинулось бы, потому что для движенія даже на небольшое разстояніе нужно пройти д ѣ й с т в и т е л ь н о б е з к о н е ч н о е множество точекъ, - истина, которую такъ хорошо понимали еще

древніе элейскіе философы. Предположить, что тѣло задерживается въ каждой точкѣ движенія, значитъ со всѣмъ отвергнуть движеніе. А вѣдь это должно значить, что всякое длящееся явленіе представляетъ собою серію явленій абсолютно мгновенныхъ. Дѣйствительно, здѣсь дѣло идетъ не только объ особой природѣ движенія, - повидимому, совершенно аналогичныя замѣчанія можно сдѣлать и о всякомъ другомъ видѣ явленій. Состояніе, переживаемое мною теперь, не есть состояніе мгновенія предшествующаго. Какъ бы ни были они похожи одно на другое, между ними все же остается существенная разница: одно только было, но его нѣтъ, - другое есть сейчасъ. Слишкомъ очевидно, что всѣ мои прошлыя состоянія, какъ бы ни были они близки къ настоящему моменту, уже не существуютъ совершенно такъ же, какъ нѣтъ вчерашняго восхода солнца, нѣтъ моей вчерашней прогулки, нѣтъ моего вчерашняго голода.

Если коренное свойство явленій состоитъ въ непрерывномъ исчезновеніи всего, что въ немъ дано, то бытіе субстанціальное характеризуется, напротивъ, постоянствомъ своего пребыванія. Явленія никогда не бываютъ одними и тѣми же -, каждый новый самый неуловимый моментъ ихъ развитія неизбѣжно приноситъ новыя явленія, которыя становятся на мѣстѣ прежнихъ; напротивъ, все, что можно понять какъ субстанцію, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Такъ, вещество, изъ котораго образована вселенная, въ настоящую минуту, совершенно то же, что и милліоны лѣтъ назадъ, хотя оно тогда было дано и въ

иныхъ сочетаніяхъ, нежели теперь. Оно осталось тѣмъ же самымъ, къ нему ничего не прибавилось и ничего отъ него не было отнято, - оно всегда подлежитъ перемѣнамъ въ движеніи и расположеніи своихъ частицъ, но никогда не поглощается этими перемѣнами. Явленія, происходящія съ нимъ, составляютъ ему, въ этомъ отношеніи, рѣзкую противоположность: движеніе, происходящее сейчасъ, можетъ быть очень похоже на какое нибудь прежнее движеніе, но оно никакъ не одно съ нимъ; прежняго движенія теперь уже абсолютно нѣтъ, разъ оно прошло, и то, которое совершается сейчасъ, есть движеніе новое. Скажемъ ли мы, что мысль о пребывающей субстанціи, во всѣхъ перемѣнахъ сохраняющей внутреннее тождество съ собою, есть произвольная гипотеза, безъ которой можно обойтись? Но пускай кто-нибудь попробуетъ вообразить, что вещество міра, подобно отдѣльнымъ явленіямъ въ немъ, во всемъ своемъ составѣ цѣликомъ уносится съ каждымъ прошедшимъ мгновеніемъ, чтобы возникать вновь съ каждымъ новымъ моментомъ времени и опять немедленно исчезать, - что тогда выйдетъ? Вмѣсто одного міра, онъ ихъ получитъ безконечное множество, и каждый изъ нихъ будетъ такимъ же мимолетно мелькнувшимъ призракомъ, какъ и всѣ другіе; всякая связь и зависимость для него пропали бы изъ вселенной, потому что между этими мгновенными мірами, въ которыхъ все заразъ образуется вновь, не осталось бы ничего, что могло бы ихъ привязывать другъ къ другу.. Въ подобномъ положеніи оказались нѣкоторые картезіанцы, которые, серьезно усвоивъ идею о полномъ тожествѣ сохраненія міра съ его повторнымъ твореніемъ, вздумали доказывать, что всѣ вещи, со всѣми ихъ свойствами и дѣйствіями, чаж-

дое мгновеніе создаются Божествомъ заново: въ послѣднемъ результатѣ имъ пришлось самого Бога обратить въ единственную субстанцію матеріальнаго міра, - въ тотъ субстратъ и основную вещественную стихію, которая течетъ во всѣхъ вещахъ и даетъ возможность возникать все новымъ и новымъ явленіямъ, - безъ этого вселенная являлась сплошнымъ логическимъ абсурдомъ. Къ этому именно выводу пришелъ Спинова.

Субстанція пребываетъ въ своихъ измѣненіяхъ; она остается одною и тою же, тогда какъ ея явленія, дѣйствія, состоянія каждое мгновеніе становятся другими, - это означаетъ, что она имѣетъ бытіе с в е р х - в р е м е н н о е: такъ, по крайней мѣрѣ, всего скорѣе слѣдуетъ опредѣлить его по сравненію съ текучимъ существованіемъ явленій. Очевидно, что внутреннее тожество субстанціи въ различные моменты ея бытія мыслимо только подъ условіемъ, что она не подчиняется основному закону времени, - закону непрерывнаго исчезновенія настоящаго въ прошломъ. Явленія всецѣло подлежатъ этому закону; напротивъ, глубочайшая характеристика всего субстанціальнаго - въ томъ, что оно надъ нимъ возвышается и немыслимо иначе. Это другое отношеніе къ закону времени, понятіе с в е р х в р е м е н н о с т и, мнѣ кажется, выражаетъ наиболѣе соотвѣтственнымъ образомъ.

Въ виду полученныхъ результатовъ опять вернемся къ вопросу, на чрезвычайную важность котораго мы уже не разъ указывали, ибо въ прямой зависимости отъ него будетъ стоять вся наша принципіальная оцѣнка психическихъ данныхъ: душевная жизнь, какъ она непосредственно предстоитъ нашему самосознанію и нашему втуреннему опыту, составляетъ ли простую

сумму чистыхъ явленій, во всѣхъ послѣдствіяхъ этого понятія, или въ ея фактахъ прямо даны признаки субстанціальнаго существованія?

Достаточно подумать надъ этимъ вопросомъ серьезно и безъ предупрежденій, - и мы сразу поймемъ, куда съ неизбѣжностью склоняется его рѣшеніе. Мы непоколебимо убѣдимся, что мыслить духъ какъ простую серію чистыхъ психическихъ явленій или событійтакъ же невозможно, какъ нельзя мыслить вещество въ видѣ простого преемства неудержимо смѣняющихся движеній. Одинаково мы убѣдимся,что субстанціальный элементъ душевной жизни не лежитъ гдѣ-то за предѣлами ея непосредственно сознаваемаго содержанія, а выражается въ ней самой. Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже отбросимъ теперь тѣ отвлеченныя логическія противорѣчія въ гипотезѣ чистыхъ, безсубстратныхъ явленій, на которыхъ останавливались раньше, во всякомъ случаѣ мы должны видѣть, о чемъ я вамъ уже говорилъ въ прошлой лекціи, что еслибы душевная жизнь состояла только изъ нихъ, она имѣла бы совсѣмъ другой видъ и образъ. И прежде всего, какъ мы это уже видѣли, ясно, что ея конкретное содержаніе было бы тогда безусловно ограничего рамками настоящаго безъ малѣйшихъ перспективъ въ прошлое или будущее. Прошлыхъ явленій у ж е н ѣ т ъ, - будущихъ э щ е н ѣ т ъ, - а можетъ ли душевная жизнь слагаться изъ того, чего совсѣмъ не существуетъ? Съ этой точки зрѣнія, все содержаніе нашего сознанія въ каждое данное мгновеніе должно абсолютно исчерпываться явленіями настоящаго момента, во всейего неуловимой мимолетности,и въ немъ не можетъ быть дано ничего д л я щ а г о с я. Еслибъ

даже какое-нибудь явленіе п р о д о л ж а л о с ь |т.е., въ сущности, однообразно п о в т о р я л о с ь въ каждый новый моментъ сознаванія, напримѣръ, ощущеніе боли, холода и т.д.|, - сознаніе не могло бы этого замѣтить, потому что содержаніе пережитыхъ мгновеній для него абсолютно исчезло бы, и оно было бы постоянно обращено лишь къ тому, что дано теперь. Душевная жизнь дѣйствительно представляла бы только серію непрерывно пропадающихъ звеньевъ. Такъ было бы, еслибъ гипотеза духа, какъ чистаго бытія, была справедлива; но это ли мы видимъ въ дѣйствительности?

Здѣсь насъ съ самаго начала встрѣчаетъ тотъ безспорный фактъ, что ни одно психическое дѣйствіе или состояніе не бываетъ мгновеннымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова и не сознается, какъ мгновенное. Д л и т е л ь н о с т ь психическихъ феноменовъ есть неизбѣжное условіе ихъ с о з н а в а е м о с т и , - это одинаково можно сказать о всѣхъ операціяхъ души на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни. Можно спорить о подробностяхъ формулы, выражающей это основное свойство всего психическаго, но несомнѣнно, что воспріятіе даже самаго элементарнаго ощущенія представляетъ изъ себя цѣлый процессъ, состоящій въ смѣнѣ |болѣе или менѣе быстрой| ряда моментовъ, причемъ всякая предшествующая ступень воспріятія въ общемъ процессѣ даетъ менѣе опредѣленное содержаніе, чѣмъ ступень послѣдующая. И все, что мы знаемъ о природѣ нашей чувственной воспріимчивости, заставляетъ утверждать съ полною увѣренностью, что еслибъ въ насъ въ самомъ дѣлѣ промелькнуло ощущеніе, продолжавшееся одинъ безконечно малый, совершенно

недѣлимый моментъ времени, мы бы его совсѣмъ и ни когда не замѣтили. Очевидно, подобное же обобщеніе съ еще большимъ основаніемъ должно быть сдѣлано о всѣхъ болѣе сложныхъ психическихъ явленіяхъ: наша мысль, рѣшеніе нашей воли, каждое наше чувствованіе не сразу пріобрѣтаетъ свой опредѣленный обликъ, а развиваются въ извѣстной постепенности въ послѣдовательномъ рядѣ моментовъ. Въ настоящее время это можно считать экспериментально доказанными фактами. Оттого мгновенность психическихъ феноменовъ всегда лишь о т н о с и т е л ь н а: всякое воспринятое нами мгновенное содержаніе можетъ быть разложено при нѣкоторыхъ условіяхъ внутренняго анализа на рядъ воспріятій еще болѣе мгновенныхъ, и во всякомъ случаѣ для его усвоенія нашимъ сознаніемъ необходимо, чтобы оно длилось извѣстное время. Въ этомъ лежитъ источникъ существеннаго различія между в р е м е н е м ъ а б с о л ю т н ы м ъ, или въ его отвлеченной идеѣ, и в р е м е н е м ъ п с и х о л о г и ч е с к и м ъ, т.е. дѣйствительно нами воспринимаемымъ: время абсолютное слагается изъ непрерывно протекающихъ недѣлимыхъ моментовъ настоящаго; время психологическое состоитъ изъ моментовъ, которые сами д л я т с я, - другихъ мы не могли бы замѣтить.

Что же выходитъ? Сдѣлаемъ ли мы то общее заключеніе, что абсолютнаго времени вовсе и нѣтъ, и что реальное время дѣйствительно состоитъ изъ длительныхъ моментовъ, въ силу чего явленія настоящаго момента сами должны имѣть длительность? Однако, такое объясненіе страдало бы явною несообразностью: длящійся моментъ есть или *contradictio in adjecto*

или просто обозначаетъ очень малый періодъ времени; а всякій періодъ времени, какъ бы коротокъ онъ ни былъ, долженъ подчиняться основному закону времени, т. е. долженъ состоять изъ послѣдовательнаго ряда моментовъ, каждый изъ которыхъ проходитъ, когда наступаетъ слѣдующій за нимъ. Точно такъ же и наши психическія состоянія, какъ бы неуловимо короткими они намъ ни казались, - разъ они вообще длятся, - должны дѣйствительно слагаться изъ постепенной смѣны состояній еще болѣе мгновенныхъ: напримѣръ, если предположимъ, что для полнаго развитія зрительнаго ощущенія какого нибудь цвѣта нужно около трехъ десятыхъ секунды, то изъ этого будетъ вытекать, что когда пройдетъ одна десятая секунды, окончится и та стадія зрительнаго ощущенія, которая можетъ получиться въ этотъ срокъ, и наступитъ его дальнѣйшая стадія. Такимъ образомъ, и въ психической сферѣ общая природа времени остается одинаковою какъ для большихъ, такъ и для малыхъ его промежутковъ. Чтобы какой-нибудь психическій феноменъ былъ усвоенъ нашимъ сознаніемъ, необходимо, чтобы онъ дѣйствительно длился, т.е. состоялъ изъ ряда моментовъ, и с к л ю ч а ю щ и х ъ другъ друга.

Какъ же это понять? Скажемъ ли мы, что тѣмъ не менѣе наше сознаніе всегда относится только къ н а с т о я щ е м у во всей его мгновенности и неуловимости, что поэтому когда мы, напримѣръ, воспринимаемъ какое-нибудь ощущеніе, то непосредственнымъ предметомъ воспріятія является лишь самая послѣдняя стадія образующаго это ощущеніе процесса, а всѣ предшествующія его ступени воспроизводятся уже въ формѣ воспоминаній, которыя будучи сопоставлены съ

тѣмъ, что воспринято прямо, сливаются съ нимъ въ одно ощущеніе даннаго нераздѣльнаго настоящаго момента? Однако, очевидна крайняя натянутость такого толкованія. Не говоря уже о томъ, что при немъ нужно допустить, что каждый протекшій моментъ слагающагося ощущенія |а ихъ безконечное множество| оставляетъ о себѣ въ сознаніи отдѣльное воспоминаніе, сопоставленіе такихъ воспоминаній съ тѣмъ, что воспринимается непосредственно, въ силу основного свойства всѣхъ психическихъ явленій вообще, само должно представлять процессъ, протекающій во времени. А потому для насъ поднимается новый вопросъ: какъ возможно въ насъ сознаніе совершившагося сопоставленія воспоминаемаго съ воспринимаемымъ? И очевидно, что въ отвѣтѣ на него намъ остается только повторить прежнее объясненіе: мы сознаемъ совершившійся актъ сопоставленія черезъ сопоставленіе предшествующихъ ступеней этого акта съ его послѣднею ступенью. Но тогда подымется вопросъ объ этомъ новомъ сопоставленіи. И это наше разсужденіе намъ придется повторять до безконечности по поводу все новыхъ предполагаемыхъ сопоставленій, которыя будутъ расти непрерывно. Мы тщетно будемъ биться надъ неразрѣшимою проблемою, - втиснуть въ рамки мгновеннаго настоящаго то, что явно въ нихъ не вмѣщается, потому что не можетъ не быть д л я щ и м с я.

Изъ этихъ затрудненій, повидимому, остается лишь одинъ выходъ: признать фактъ, какъ онъ есть; согласиться, что всѣ психическія явленія, какими бы неуловимыми и элементарными они намъ ни казались, образуются непремѣнно изъ ряда протекающихъ моментовъ, и что каждое психическое состояніе въ своемъ

цѣломъ получается черезъ дѣйствительное объединеніе самихъ пройденныхъ ступеней, а не какихъ-нибудь воспроизводящихъ ихъ воспоминаній или психическихъ слѣдовъ. Но допустить что-нибудь подобное не значитъ ли утверждать очевидную несообразность? Что можетъ быть яснѣе той непререкаемой, даже тавтологической истины, что п р о ш л о е уже п р о ш л о? А думать, что прошедшія уже ступени душевныхъ состояній въ этомъ своемъ качествѣ прошедшихъ соединяются со ступенями, данными теперь, не означаетъ ли обращать эту истину въ ничто? Вотъ тутъ и сказывается настойчивая необходимость признать субстанціальный элементъ даже въ самыхъ элементарныхъ фактахъ сознанія: уже всякое самое простое и кратковременное ощущеніе представляетъ изъ себя а к т ъ с и н т е з а, объединяющій въ себѣ настоящее съ прошлымъ. И совершенно ясно, что въ этомъ актѣ мы не можемъ опять видѣть только послѣдовательный рядъ моментовъ, каждый изъ которыхъ уже отсутствуетъ, когда наступитъ другой: этимъ допущеніемъ мы внесли бы въ понятіе синтеза ту самую трудность, которую хотѣли устранить его помощью, и попали бы въ безконечный кругъ,- для каждаго акта синтеза мы были бы вынуждены подыскивать объясняющій его новый актъ синтеза. Поэтому намъ остается принять, что к а ж д ы й т а к о й с и н т е з и р у ю щ і й а к т ъ о б л а д а е т ъ д ѣ й с т в и т е л ь н ы м ъ в н у т р е н н и м ъ е д и н с т в о м ъ и л и ш ь в ъ э т о м ъ к а ч е с т в ѣ о д н о г о а к т а с в я з ы в а е т ъ п р о ш л о е с ъ н а с т о я щ и м ъ, о т н о с я с ь и к ъ т о м у, и к ъ д р у г о м у, к а к ъ к ъ в е щ а м ъ, о д и н а к о-

в о д л я н е г о р е а л ь н ы м ъ. Другими словами, онъ не долженъ подчиняться основному закону времени, въ немъ что-то должно возвышаться надъ непрерывностью временнаго прехожденія и сохранять реальное тожество въ различные моменты. А мы знаемъ, что это значитъ: это можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что въ актахъ психическаго синтеза послѣдовательныхъ моментовъ прямо и непосредственно выражается с у б с т а н ц і а л ь н а я с и л а д у ш е в н о й ж и з н и. Здѣсь само собою напрашивается сравненіе: подобно тому, какъ въ природѣ физической всякій процессъ понятенъ лишь при томъ условіи, что состоянія, переживаемыя въ немъ матеріальными элементами, не исчезаютъ безслѣдно, но каждое состояніе приноситъ съ собою новое расположеніе и движеніе вещества, которыя впервые дѣлаютъ возможными дальнѣйшія звенья процесса, и такимъ образомъ звенья предшествующія отражаются въ послѣдующихъ и какъ бы идеально содержатся въ нихъ,- такъ и въ операціяхъ души отдѣльныя стадіи не только проходятъ, но сливаются и объединяются съ послѣдующими, потому что каждая изъ нихъ есть нѣкоторое положительное опредѣленіе сознающаго субъекта, а этотъ субъектъ остается и поэтому сохраняетъ въ себѣ каждое пріобрѣтенное опредѣленіе, лишь дополняя и видоизмѣняя его новыми. Психическій синтезъ выражаетъ сверхвременныя отношенія только потому, что въ немъ непосредственно реализуется пребывающее единство нашего Я, иначе самое понятіе о такомъ синтезѣ содержало бы глубокое логическое противорѣчіе. Но, съ другой стороны, безъ дѣйствительнаго психическаго синтеза нашъ внутренній опытъ

былъ бы также совсѣмъ немыслимъ.

Однако, такое единство синтеза, какъ бы ни было оно хорошо обосновано отвлеченными доказательствами, во всякомъ случаѣ есть только наше предположеніе? Слѣдуетъ сказать совсѣмъ наоборотъ: это самый основной и бевспорный фактъ нашего душевнаго существованія. Мы никогда не воспринимаемъ безконечно малыхъ звеньевъ психическаго ряда, - до предположенія о нихъ мы можемъ дойти только путемъ окольныхъ соображеній, - во внутреннемъ опытѣ намъ всегда бываютъ даны процессы въ ихъ цѣломъ, въ ихъ длительности и завершенности. И тѣмъ не менѣе мы каждое наше ощущеніе признаемъ о д н и м ъ ощущеніемъ, каждое наше отдѣльное чувство о д н и м ъ чувствомъ, каждую нашу мысль о д н о ю мыслью.Не означаетъ ли это что н е п о с р е д с т в е н н ы м ъ предметомъ нашего сознанія и переживанія всегда является н а ш ъ в н у т р е н н о е д и н н ы й п с и х и ч е с к і й с и н т е з ъ, а никакъ не тотъ предполагаемый текучій процессъ непрерывной смѣны, который мы воображаемъ въ качествѣ матеріала для него? И эту поятоснно происходящую въ насъ синтезирующую дѣятельность, на что бы она ни была направлена, мы всегда сознаемъ, какъ с в о ю, и,наоборотъ, мы сознаемъ с е б я лишь настолько, насколько ощущаемъ,хотимъ,мыслимъ и совершаемъ другія психическія дѣйствія. Опять не значитъ ли это, что въ нашемъ душевномъ опытѣ намъ п р я м о р а с к р ы в а е т с я внутренняя соотносительность ф е н о м е н а л ь н а г о и с у б с т а н ц і а л ь н а г о въ насъ, и что въ е д и н с т в ѣ н а ш и х ъ д ѣ й с т в і й м ы у в н а е м ъ и

переживаемъ свое собственное тожество, какъ дѣятельнаго существа? Такимъ образомъ, то, что мы вывели, какъ *a priori* необходимое, есть въ то же время фактъ сознанія; а напротивъ, всякія попытки объяснить и вывести этотъ фактъ изъ законовъ чистыхъ явленій опираются на предположенія, несостоятельность которыхъ для насъ теперь очевидна. Теперь, въ самомъ дѣлѣ, взамѣнъ общепринятаго: мы сознаемъ въ себѣ только явленія, мы должны признать прямо противоположное утвержденіе: мы никогда не сознаемъ и не можемъ сознавать одинихъ явленій; постояннымъ и единственнымъ предметомъ нашего внутренняго опыта всегда оказывается субстанціальное тождество нашего сознанія въ его разнообразныхъ выраженіяхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что роль психическаго синтеза далеко не исчерпывается областью элементарныхъ явленій души. Мы остановились на нихъ только потому, что въ нихъ она наименѣе замѣтна и оттого всего чаще игнорируется. Напротивъ, она тѣмъ шире признается во всѣхъ психологическихъ школахъ, чѣмъ болѣе сложныя отношенія явленій приходится подвергать психологическому анализу. Чтобы вполнѣ оцѣнить ея значеніе, я прямо перейду къ разсмотрѣнію таинственнаго феномена, который лежитъ въ основѣ всей нашей личной жизни, - я разумѣю область явленій памяти.

Проблема памяти занимала психологовъ съ давнихъ временъ, - нѣтъ ничего удивительнаго потому, что для ея разрѣшенія сдѣлано уже очень много. Въ настоящее время, къ объясненію явленій нашей памяти подходятъ съ двухъ концовъ: психологи указываютъ ихъ источникъ и двигатель въ господствѣ надъ теченіемъ нашихъ идей законовъ ассоціаціи; физіологи ищутъ основы памяти въ устройствѣ мозговой коры, въ физіологическихъ связяхъ между отдѣльными центрами мозга и т.д. Не можетъ однако не показаться страннымъ, что во всѣхъ подобныхъ попыткахъ наиболѣе важная и загадочная сторона проблемы обыкновенно совсѣмъ игнорируется. Я говорю о нашемъ сознаніи р е а л ь н о с т и н а ш е г о п р о ш л а г о.

Положимъ, я вчера совершилъ отдаленную поѣздку, получилъ самыя разнообразныя впечатлѣнія, перевидалъ много новыхъ лицъ, имѣлъ весьма интересныя бесѣды съ ними и вернулся. Сегодня я живо представляю себѣ все это и тѣмъ живѣе, чѣмъ сильнѣе были мои вчерашнія впечатлѣнія. Въ объясненіе этого факта, психологи ассоціативной школы справедливо отмѣтятъ, что мои сегодняшнія воспоминанія о вчерашнемъ днѣ возникли въ результатѣ прямого дѣйствія законовъ ассоціаціи: мои воспоминанія о вчерашнихъ событіяхъ, въ силу закона смежности, сочетались въ одну стройную картину, и, въ силу того же закона, вслѣдствіе непрерывности впечатлѣній, примкнули къ моимъ воспоминаніямъ о сегодняшнемъ днѣ. Кромѣ того, воспроизведеніе вчерашнихъ впечатлѣній можетъ возбуждаться во мнѣ и по закону сходства: ощущенія, переживае-

мыя сегодня, могутъ мнѣ напомнить то, что испыталъ вчера, по сходству или контрасту. Съ своей стороны, физіологъ будетъ ссылаться на легкую возбудимость центровъ, только вчера воспринявшихъ сильныя и разнообразныя впечатлѣнія. Но для насъ теперь не въ этомъ дѣло, - я хотѣлъ бы сосредоточить ваше вниманіе на слѣдующемъ вопросѣ: почему я однако знаю, что все воспоминаемое мною **б ы л о д ѣ й с т в и т е л ь н о ?**

Онъ не такъ неумѣстенъ, какъ можетъ показаться. Вѣдь всѣхъ этихъ событій, пережитыхъ мною вчера, сейчасъ уже нѣтъ. Вчерашній день прошелъ, а съ нимъ прошло все, что его составляло. Правда, я о немъ сохраняю воспоминаніе. Но что же оно такое? Вѣдь воспоминаніе есть мое представленіе или рядъ представленій, который сознается мною теперь сейчасъ, - такъ же, какъ я, напримѣръ, сейчасъ вижу предъ собою этотъ столъ или это окно. И сравнительно съ тѣмъ, что я теперь вижу, слышу и ощущаю другими чувствами, эти представленія оказываются неопредѣленными, тусклыми, сливающимися между собою; я усматриваю въ нихъ нѣчто субъективное, только воображаемое въ противоположность реальнымъ впечатлѣніямъ отъ обстановки и лицъ, окружающихъ меня теперь. Въ этомъ заключается непосредственно данная природа воспоминаній въ моемъ сознаніи въ настоящую минуту. Но этимъ дѣло, очевидно, не ограничивается. Воспоминаніями ихъ дѣлаетъ не ихъ тусклость и не ихъ субъективность, - тогда они могли бы вовсе не отличаться отъ совершенно произвольныхъ порожденій моей фантазіи, - а нѣкоторое другое обсто-

ятельство: я вижу въ нихъ и з о б р а ж е н і е того, что дѣйствительно было вчера и было уже не въ видѣ смутныхъ субъективныхъ представленій, а въ качествѣ реальныхъ впечатлѣній. И я опять спрашиваю: какъ это возможно?

Пускай представленія, изъ которыхъ слагаются мои воспоминанія, изображаютъ вчерашнія событія какъ нельзя болѣе вѣрно и точно. Но почему я могу объ этомъ знать? Вчерашнія событія прошли, - ихъ нѣтъ; а моихъ теперешнихъ представленій не было вчера. Въ чемъ же, когда и какъ я могу ихъ сравнить? Почему эти мои представленія о вчерашней поѣздкѣ служатъ для меня копіей дѣйствительныхъ событій, вызывающею къ себѣ безусловное довѣріе? Сошлемся ли мы, вслѣдъ за Юмомъ, на большую и н т е н с и в н о с т ь воспоминаемыхъ образовъ сравнительно съ простыми созданіями воображенія? Но правда ли, что воспоминаемые образы всегда интенсивнѣе воображаемыхъ? Да и чему здѣсь можетъ помочь интенсивность? Вѣдь переживаемыя нами теперь ощущенія еще гораздо интенсивнѣе образовъ воспоминанія, но это нисколько не побуждаетъ насъ проецировать ихъ въпрошлое. Или мы будемъ объяснять нашу вѣру въ реальность прошлыхъ событій тѣмъ, что наши воспоминанія о нихъ составляютъ одну неразрывную цѣпь, которая, нигдѣ не прерываясь, тянется назадъ отъ настоящей минуты? Однако справедливо ли, что эта цѣпь неразрывна? Каждому извѣстно изъ собственнаго опыта, что даже въ воспоминаніяхъ о недавнихъ событіяхъ очень многія звенья выпадаютъ совсѣмъ, что этихъ выпавшихъ звеньевъ оказывается тѣмъ больше, чѣмъ болѣе воспоминаемыя событія отступаютъ въ

прошлое, и что когда дѣло идетъ о событіяхъ отдаленныхъ, наши воспоминанія скорѣе приходится сравнивать съ немногими разрозненными свѣтлыми пятнами на совершенно темномъ фонѣ. Да еслибъ даже цѣпь нашихъ воспоминаній была дѣйствительно неразрывна, въ чемъ бы тутъ могло заключаться объясненіе? Вѣдь эта цѣпь въ моемъ сознаніи во всякомъ случаѣ состоитъ изъ моихъ т е п е р е ш н и х ъ представленій, а весь вопросъ въ томъ, какъ я могу знать, что т е п е р е ш н і я м о и п р е д с т а в л е н і я изображаютъ п р о ш л у ю д ѣ й с т в и т е л ь н о с т ь?

Несомнѣнно, этому вопросу можно дать еще болѣе общій и принципіальный видъ: какъ мы можемъ вообще сознавать в р е м я? Почему наша мысль относится къ п р о ш л о м у и б у д у щ е м у, какъ къ чему то безспорно реальному? Если въ нашемъ сознаніи содержится только то, что дано теперь, то какъ мы сознаемъ то, чего теперь никоимъ образомъ не дано, а что или у ж е п р о ш л о или е щ е н е н а с т у п и л о? Какъ для сознанія можетъ оказаться дѣйствительнымъ то, что недѣйствительно по всему своему составу? а таково, вѣдь время: прошлаго уже нѣтъ, будущаго еще нѣтъ, настоящаго тотчасъ же нѣтъ, какъ только оно настало...

Какъ бы мы ни переворачивали эти вопросы и недоумѣнія, изъ нихъ, очевидно, нѣтъ выхода съ точки зрѣнія феноменистическихъ посылокъ. Мы вновь должны прибѣгнуть къ фактору, предположеніе о ко-

торомъ оказалось неизбѣжнымъ въ аналогичномъ вопросѣ о д л и т е л ь н о с т и психическихъ состояній, - къ сверхвременному|и, стало быть,субстанціальному| субъекту нашего сознанія. Можно сказать такъ: сознаніе реальности времени есть самое очевидное, самое точное, самое безспорное доказательство сверхвременной природы нашего Я. Если вспомнимъ, что было сказано раньше о природѣ явленій вообще, объ ихъ отношеніи къ времени и о природѣ самого времени, мы поймемъ неизбѣжность такого вывода. Для насъ теперь ясно, что еслибы душевная жизнь и сама душа представляли чреду состояній, то существованіе каждаго изъ нихъ должно было бы ограничиться тѣмъ мгновеніемъ, въ которое оно дано, но не могло бы содержать моментовъ, уже протекшихъ или еще не возникшихъ. Для насъ далѣе должно быть ясно, что если, при отрицательной природѣ времени, все въ немъ данное непрерывно исчезаетъ, то само время для этого въ немъ даннаго не можетъ представить реальнаго объекта воспріятія, какъ нѣкоторое цѣлое, растянутое въ прошломъ и будущемъ. А это значитъ, что время не можетъ быть сознано и понято тѣмъ, что само в р е м е н н о . Для сознанія времени нужно, чтобы во временномъ процессѣ стояло нѣчто такое, что имъ не поглощается и въ немъ не исчезаетъ и что поэтому можетъ находиться въ положительномъ отношеніи къ его различнымъ моментамъ. Если можно такъ выразиться, сознаніе времени есть с у б с т а н ц і а л ь н а я ф у н к ц і я души.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ единую суб-

станціальную силу, которая является постояннымъ источникомъ многообразныхъ дѣйствій, что вполнѣ отвѣчало бы самому понятію о ней, потому что сила не обнаруживающая себя ни въ какихъ дѣйствіяхъ, не была бы силою; эта сила, вслѣдствіе своей субстанціальной природы, очевидно, не можетъ истощаться и уничтожаться въ своихъ отдѣльныхъ актахъ, она должна постоянно переходить все къ новымъ проявленіямъ, и эти проявленія всего скорѣе придется мыслить въ формѣ разнообразныхъ отношеній и соприкосновеній съ внѣшними ей силами. Допустимъ далѣе, согласно принципу соотносительности, что эта сила существуетъ не внѣ своихъ состояній и дѣйствій а пребываетъ въ каждомъ изъ нихъ, какъ въ положительномъ внутреннемъ опредѣленіи своего развитія, и перейдя къ новому опредѣленію, не перестаетъ быть пережившею, воспринявшею и видоизмѣнившеюся чрезъ предшествующее, и что, съ другой стороны, пріобрѣтенное ею новое опредѣленіе не есть для нея что - нибудь окончательное, но, вслѣдствіе присущей ей активности, она непрерывно стремится къ проявленіямъ все болѣе новымъ. Въ такихъ предположеніяхъ не только нѣтъ логическаго противорѣчія, но всякую причинность въ мірѣ мы, въ сущности, понимаемъ лишь по этой аналогіи. Теперь вообразимъ, что эта индивидуально существующая субстанціальная сила **в о с п р и н и м а е т ъ** сама себя такъ, какъ она есть: очевидно, у нея должна получиться **п а м я т ь**, какъ сознаніе реальности прошлыхъ состояній въ ихъ истинномъ порядкѣ, и **в о с п р і я т і е в р е м е н и**, какъ различіе между пережитымъ и тѣмъ, что переживается, и какъ постоянное пред-

восхищеніе будущаго и стремленіе къ нему. Другими словами, память и сознаніе времени суть a priori необходимые аттрибуты дѣятельной субстанціи, сознающей себя. И можно сказать наоборотъ, что для сознанія такой субстанціи неоказалось бы никакого другого содержанія, кромѣ ея собственнаго тожества въ чредѣ разнообразныхъ состояній и актовъ.

------oOo------

Итакъ, е д и н с т в о с о з н а н і я и связанное съ нимъ с о з н а н і е р е а л ь н о с т и в р е м е н и суть трансцендентальные факты нашего внутренняго опыта: въ нихъ мы непосредственно воспринимаемъ внутреннее тожество нашего сознающаго существа и они представляютъ нѣчто въ самомъ строгомъ смыслѣ первоначальное въ нашей душевной жизни. Они условіе опыта, а никакъ не его продуктъ: все, что входитъ въ нашъ опытъ, какъ его составной элементъ, неизбѣжно пропускается черезъ ихъ призму и иначе не могло бы принадлежать къ опыту. Поэтому нѣтъ болѣе ложнаго пріема психологическаго анализа, какъ пытаться ихъ выводить изъ какихъ-нибудь простѣйшихъ данныхъ, каковы законы ассоціацій идей, процессы абстракціи и т.д. Напротивъ, въ нихъ мы имѣемъ факты и самые широкіе по своему захвату, обнимающіе всѣ изгибы душевной жизни, и самые простые и элементарные, потому что они присутствуютъ уже въ самомъ простомъ ощущеніи, какъ его неустранимое условіе и основа.

Къ этимъ трансцендентальнымъ фактамъ слѣдуетъ прибавить еще одинъ: сознаніе нашей а к т и в н о с т и. Несомнѣнно, онъ тѣсно слитъ съ двумя первыми: мы только черезъ то и сознаетъ свое единство, что объединяемъ |синтезируемъ| многообразныя впечатлѣнія въ непрерывномъ внутреннемъ тожествѣ нашего сознанія, а такое объединеніе и синтезированіе, очевидно, представляютъ собою д ѣ я т е л ь н о с т ь нашего субъекта. Что въ этой дѣятельности непосредственно выражается единая субстанціальная основа сознанія, ясно изъ того уже, что чрезъ нее только и реализуется ей единство: не будь въ насъ этой синтезирующей дѣятельности, у насъ не было бы и никакого единаго сознанія. Вообще, субстанція, по самому своему понятію, прежде всего есть дѣятельная сила своихъ явленій, которая въ нихъ многообразно осуществляется и связываетъ ихъ между собою. Слѣдовательно, если мы въ самомъ дѣлѣ воспринимаемъ субстанцію нашего духа, мы должны непосредственно воспринимать его дѣятельность.

Итакъ, это значитъ, что наше Я или наша душа раскрывается въ нашемъ опытѣ, какъ единая, пребывающая, дѣятельная субстанція, которая сознаетъ себя въ этихъ качествахъ. Эти свойства не приписываются нами ей по недоразумѣнію или невольной иллюзіи, - они представляютъ одновременно и условія, и неустранимые элементы содержанія нашей душевной жизни. Въ опытѣ нашего сознанія мы всегда имѣемъ дѣло съ его субстанціальнымъ носителемъ и, воспринимая явленія духа, мы воспринимаемъ самый духъ, поскольку онъ реализуется черезъ нихъ въ своихъ подлинныхъ признакахъ.

Повторимъ теперь для цѣльности еще разъ все то, къ чему мы пришли до сихъ поръ, въ результатѣ всѣхъ нашихъ предыдущихъ разсмотрѣній разнообразныхъ психологическихъ теорій о природѣ нашей душевной жизни.

Душевная субстанція имманентна своимъ явленіямъ и необходимо должна проявляться въ нихъ. Положеніе о трансцендентности души заключаетъ въ себѣ важныя недоразумѣнія. Понятіе абсолютнаго явленія, не реализующаго въ себѣ никакой основы, есть самое яркое "contradictio in adjecto", не допускающее никакимъ образомъ принятія себя за исходный пунктъ психологическихъ изслѣдованій. Поэтому, если только мы способны внутренне переживать акты нашего духа, мы способны воспринимать его самого, въ его подлинной сущности. Наша душа должна быть предметомъ нашего внутренняго опыта. Это оправдывается путемъ непредвзятой оцѣнки самыхъ коренныхъ нашихъ психическихъ способностей. Постоянная длительность всѣхъ душевныхъ актовъ свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ существенномъ тождествѣ нашей сознающей силы въ ея дѣйствіяхъ. Явленія непрерывно проходятъ - это относится ко всей душевной сферѣ. Въ виду этого они всегда должны бы были быть замкнуты въ настоящемъ. Что можетъ быть проще той истины, что "все испытываемое нами испытывается въ настоящемъ, а не въ прошломъ и будущемъ?" Однако, опытъ обнаруживаетъ обратное. Все, что сознается, длится и мыслимо только при этомъ условіи. Самые ничтожные элементы ощущенія должны п р о д о л ж а т ь с я, хотя бы минимумъ. Но какъ же можетъ происходить объединеніе въ одно цѣлое всѣхъ этихъ

моментовъ? Отсюда ясно, что необходимо должны существовать извѣстные с в е р х в р е м е н н ы е а к т ы с и н т е з а, а въ нихъ можетъ сказываться только наше душевное внутреннее субстанціальное единство. Во всѣхъ нашихъ психическихъ состояніяхъ мы непосредственно сознаемъ это наше внутреннее тожество и связь, ибо каждое изъ нихъ неизмѣнно есть синтезъ послѣдовательныхъ явленій во времени. Итакъ, въ потокѣ временныхъ психическихъ перемѣнъ есть нѣчто сверхвременное и оно можетъ быть обозначено только какъ наше внутреннее неизмѣнное, всегда себѣ равное во всѣхъ своихъ отношеніяхъ, Я. Въ понятіяхъ внутренняго душевнаго субстрата и его сверхвременности наблюдается тѣсная связь. И послѣднее служитъ даже лучшимъ обоснованіемъ реальности существованія перваго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ безъ предположенія внѣвременнаго, вѣчнаго, неизмѣннаго существованія можно было бы имѣть сознаніе временно послѣдовательныхъ состояній въ нашемъ духѣ? Если бы все двигалось и исчевало, какъ бы можно было представить себѣ само движеніе времени? Вѣдь движеніе и покой - понятія соотносительныя, и, тѣмъ самымъ, какъ бы можно было принять одно, не желая признавать другое? А между тѣмъ сознаніе реальности времени есть коренной и неизбѣжный фактъ всей нашей душевной жизни и, намѣренно не отвлекаясь передъ логическими требованіями здраваго ума, мы этимъ фактомъ поставлены въ необходимость принять особую душевную субстанцію въ насъ, т.е. внутренне себѣ тождественную, вѣчную и неизмѣнную природу нашего Я.

Вотъ каковы должны быть неизбѣжныя слѣдствія непредвзятой оцѣнки психическихъ данныхъ, подвергнутыхъ всестороннему анализу.

ЛЕКЦІЯ XII-я.

Теперь, когда мы уяснили себѣ, въ чемъ состоитъ дѣйствительное содержаніе душевной жизни, мы должны обратиться къ другому вопросу, не менѣе важному: къ вопросу объ отношеніи души и тѣла. Душа и тѣло различаются ли между собою, представляютъ ли они два разныя начала въ человѣческой природѣ, или въ существѣ своемъ они составляютъ совсѣмъ одно и то же? Психическія явленія въ насъ и физическіе процессы въ нашемъ организмѣ проистекаютъ ли изъ двухъ разныхъ источниковъ, хотя бы и тѣсно связанныхъ между собою, или источникъ ихъ одинъ, и различіе между душевными и физіологическими феноменами зависитъ только отъ того, что мы ихъ различнымъ образомъ воспринимаемъ, - одни путемъ внутренняго усмотрѣнія и переживанія, другія путемъ внѣшняго наблюденія?

Изъ различнаго отвѣта на этотъ вопросъ возникаютъ два разные взгляда на человѣческое существо: д у а л и с т и ч е с к і й | различающій душу и тѣло | и м о н и с т и ч е с к і й |сливающій ихъ въ одно|. Въ свою очередь монистическое воззрѣніе можетъ получить двоякую форму: мы или припишемъ дѣйствительность только нашему духу и тому, что въ немъ происходитъ, а у всего вещественнаго отнимемъ

всякую независимую реальность и будемъ думать, что наше тѣло есть только наше представленіе, возникшее изъ нашихъ субъективныхъ ощущеній, которому ничто не отвѣчаетъ внѣ нашего представленія и сознанія, |это предположеніе можно назвать ч и с т ы м ъ с п и р и т у а л и з м о м ъ или с у б ъ е к т и в н ы м ъ и д е а л и з м о м ъ. Первымъ представителемъ этого направленія является англійскій философъ Беркли,| ,или, напротивъ, мы признаемъ, что нашъ тѣлесный организмъ обладаетъ реальностью помимо нашихъ ощущеній, что процессы въ немъ даже предшествуютъ всѣмъ явленіямъ нашей психики, ихъ впервые вызываютъ и обусловливаютъ во всемъ ихъ содержаніи, и что поэтому наша душевная жизнь есть только субъективное отраженіе объективныхъ физіологическихъ измѣненій въ нашемъ тѣлѣ. |Этотъ взглядъ можно обозначить, какъ ф и з і о л о г и ч е с к і й м о н и з м ъ|. Физіологическій монизмъ въ свою очередь распадается на двѣ возможныя гипотезы: можно предположить, что наша душевная жизнь во всемъ ея составѣ и особенностяхъ есть прямое порожденіе физическихъ и химическихъ процессовъ въ нашемъ мозгѣ и нервной системѣ, - это гипотеза м а т е р і а л и с т и ч е с к а г о м о н и з м а; по другой болѣе тонкой и отвлеченной гипотезѣ, физическіе и химическіе процессы сами по себѣ ничего въ душевныхъ фактахъ объяснить не могутъ; мы не знаемъ внутренней сущности процессовъ, происходящихъ въ нашемъ организмѣ, не знаемъ сущности и самаго организма. Психическія и физическія явленія представляютъ переводъ на два разные языка |внутренняго и внѣшняго опыта| процессовъ въ своемъ суще-

ствѣ неизвѣстныхъ. Но все же различіе физическаго и психическаго зависитъ только отъ нашего способа воспріятія, а не отъ тѣхъ процессовъ, которые мы внихъ воспринимаемъ. Одинъ и тотъ же въ себѣ неизвѣстный процессъ явится для внутренняго наблюденія въ формѣ движенія нашего мозга. Это гипотеза ф е н о м е н и с т и ч е с к а г о м о н и з м а или гипотеза параллелизма [о ней мнѣ уже приходилось говорить въ прежнихъ лекціяхъ]

Гипотеза ч и с т а г о с п и р и т у а л и з м а или с у б ъ е к т и в н а г о и д е а л и з м а едва ли можетъ имѣть строгое и послѣдовательное практическое примѣненіе въ психологіи: ея мѣсто скорѣе въ теоріи познанія. Когда мы во всей широтѣ ставимъ вопросъ о возможности что -нибудь знать вообще, мы, конечно, бываемъ вынуждены разсматривать все, что мы знаемъ и думаемъ, прежде всего, какъ наше представленіе. Къ убѣжденію въ объективномъ значеніи тѣхъ или другихъ нашихъ идей можно прійти только послѣ, въ результатѣ ихъ строгой внимательной критической оцѣнки. Напротивъ, въ психологіи мы изучаемъ душевныя явленія въ ихъ о т л и ч і и отъ всѣхъ другихъ; физіологическія явленія въ ней предполагаются, какъ нѣчто данное, отношеніе къ чему нашего психическаго существованія надо уяснить и установить. Съ этой точки зрѣнія, едва ли легко провозгласить наше тѣло просто за нашу галлюцинацію и иллюзію: оно для этого слишкомъ настойчиво доказываетъ свою независимую отъ насъ реальность своими непрерывными воздѣйствіями на нашъ субъективный міръ. При современныхъ пріемахъ изслѣдованія, въ нашей душевной жизни ничего

нельзя понять, если предположить, что физіологическія процессы намъ только кажутся, а что на дѣлѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Въ психологіи эта точка зрѣнія можетъ имѣть мѣсто только въ введеніи къ психологическимъ изысканіямъ; но едва дѣло дойдетъ до нихъ самихъ, ее придется совершенно отбросить, въ виду ея полнаго противорѣчія со всѣми основными задачами и методомъ этой науки. Подобныя неудачныя попытки уже не разъ происходили въ историческомъ развитіи нашей дисциплины. Поэтому практическое значеніе въ психологіи могутъ имѣть только д у а л и с т и ч е с к а я |или с п и р и т у а л и с т и ч е с к а я въ обычномъ словоупотребленіи| г и п о т е з а и г и п о т е з а ф и з і о л о г и ч е с к а г о м о н и з м а. Такой взглядъ настойчиво проводилъ, напр., Бюхнеръ въ XVIII столѣтіи.

Что касается дуалистической гипотезы, то прежде всего надо имѣть въ виду, что дуализмъ во взглядѣ на человѣческую природу вовсе не предполагаетъ неизмѣнно д у а л и з м а м е т а ф и з и ч е с к а г о. Дуалисты въ метафизикѣ предполагаютъ, что духъ и матерія, по своему внутреннему существу, не имѣютъ ничего общаго между собою, что всѣ ихъ свойства абсолютно различны, что по своей природѣ они даже представляютъ точное взаимное отрицаніе. Такой взглядъ не только не помогаетъ дуализму въ антропологіи |т.е. въ пониманіи человѣческаго существа|; онъ ставитъ для него непобѣдимыя препятствія: какъ тогда мыслить въ человѣкѣ связь между началами, которые совершенно отрицаютъ другъ друга? Дуализмъ въ психологіи держится на предположеніи, гораздо болѣе скромномъ: онъ полагаетъ, что душа и тѣло,

какова бы ни была ихъ внутренняя природа и какъ бы ни были они тѣсно связаны, суть все-таки р а з л и ч н ы е и с т о ч н и к и р а з н ы х ъ я в л е н і й. Они могутъ быть сходны по своей внутреннейсущности, но имѣютъ различное существованіе: это два разные предмета опыта. - двѣ различныя вещи. Но извѣстная однородность въ ихъ внутреннемъ существѣ не только не отвергается антропологическимъ дуализмомъ, она прямо требуется. Оттого вполнѣ можно быть монистомъ въ метафизикѣ и дуалистомъ во взглядѣ на человѣка. Лейбницъ, напр., въ метафизикѣ былъ убѣжденнымъ защитникомъ монизма: во всемъ существующемъ онъ видѣлъ выраженіе духовнаго творчества; элементы всѣхъ вещей - духовныхъ и матеріальныхъ одинаково, - онъ разсматривалъ какъ д у х о в н ы я е д и н и ц ы съ чисто внутреннею жизнію - |монады|. Между тѣмъ въ ученіи о человѣческойприродѣ онъ былъ д у а л и с т ъ: онъ все таки думалъ, что наша душа есть о с о б а я м о н а д а |духовный атомъ| среди другихъ монадъ, составляющимъ тѣло. Извѣстный философъ Лотце тоже былъ монистомъ въ метафизикѣ, а въ возврѣніи на человѣка настойчиво защищалъ дуализмъ. Аналогичное замѣчаніе можно сдѣлать и относительно Гербарта.

-----oOo-----

Господствующій въ настоящее время въ психологической наукѣ взглядъ на отношеніе душевныхъ и тѣлесныхъ явленій въ насъ всего лучше и скорѣе мо-

жетъ быть охарактеризованъ какъ ф и з і о л о г и ч е с к і й м о н и з м ъ. Смыслъ этого взгляда, какъ вы знаете, кратко можно выразить слѣдующимъ образомъ: нѣтъ нужды признавать душу, какъ особый, независимый отъ тѣла источникъ психическихъ феноменовъ; въ цѣляхъ научнаго объясненія намъ достаточно видѣть въ душевной жизни функцію разнообразныхъ физіологическихъ процессовъ въ нашемъ мозгѣ и въ нервной системѣ. Это вовсе не означаетъ,чтобы сторонники монистической гипотезы были всѣ матеріалистами: эта гипотеза представляетъ собою скорѣе методъ изслѣдованія, нежели положительное ученіе о существѣ человѣка. Извѣстный современный психологъ Джемсъ говоритъ: "Въ настоящее время психологія движется въ матеріалистическомъ направленіи, и, въ интересахъ ея конечныхъ успѣховъ, ей должна быть предоставлена полная свобода двигаться въ этомъ направленіи даже тѣми, которые увѣрены, что она никогда не достигнетъ конечной цѣли, не возвратившись вспять". Нужно сказать, что самъ Джемсъ въ этомъ увѣренъ. По своимъ интимнымъ убѣжденіямъ онъ далеко не матеріалистъ, а скорѣе принадлежитъ къ противоположному направленію.

У гипотезы физіологическаго монизма есть огромное достоинство: она заставила сосредоточить вниманіе на психофизическихъ и психофизіологическихъ изслѣдованіяхъ, и мы, главнымъ образомъ, ей обязаны огромными успѣхами въ этой области за послѣднее время.

И все-таки едва ли можно оправдать то исключительное предпочтеніе, которое ей оказываютъ обыкновенно. Вѣдь очевидно, чтобы считать физіологическій

монизмъ за непоколебимую истину, нужно, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такой истиной. Итакъ, слѣдуетъ ли признавать монистическую гипотезу за нѣкоторую теоретическую аксіому? Можно указать на самыя вѣскія основанія для того, чтобы этого не дѣлать. Этой гипотезѣ безспорно принадлежитъ важное методологическое значеніе, какъ пріему или способу изслѣдовать и толковать психическія явленія, но едва ли она можетъ претендовать на что-нибудь большее. Ея догматическому употребленію въ качествѣ положительнаго ученія объ истинной природѣ нашего психическаго міра особенно, какъ ее обыкновенно понимаютъ рѣшительно препятствуютъ ея принципіальные логическіе недостатки: противъ нея, при такомъ къ ней отношеніи, подымаются всѣ противорѣчія зауряднаго матеріализма, а вѣдь этимъ сказано очень много. Едва ли часто мы встрѣтимъ психологовъ, которые, какъ бы ни были они сильно убѣждены въ непреложности монистическихъ принциповъ въ своей наукѣ, легко согласились бы подписаться подъ катехизисомъ матеріалистической метафизики. Напротивъ, несостоятельность догматическаго матеріализма въ психологіи единодушно утверждается психологами самыхъ разнообразныхъ направленій. И все же ф и з і о л о г и ч е с к а я или ф и з и ч е с к а я теорія души, если ее признать совсѣмъ серьезно за полную истину, будетъ содержать тѣ же самыя противорѣчія, какія присущи ходячимъ матеріалистическимъ теоріямъ, и за которыя эти теоріи такъ часто осуждаются. Самый слабый пунктъ монизма, какъ и матеріализма, прежде всего заключается въ совершенной невозможности сколько-нибудь ясно и понятно установить отношеніе между

психическими и физическими фактами. Мнѣ уже приходилось касаться этого пункта раньше, и я не стану о немъ распространяться долго,но все же не могу пройти его молчаніемъ совсѣмъ. Коротко говоря, въ физіологическомъ монизмѣ ва основу психической жизни берутся такіе процессы, отъ которыхъ къ ней нѣтъ никакого мыслимаго и выразимаго въ какихъ - нибудь логическихъ категоріяхъ перехода. Въ самомъ дѣлѣ, какъ относятся психическія явленія, - наши ощущенія, мысли, чувствованія, желанія, - къ движеніямъ мозга или какой бы то ни было другой физической средѣ |напр., эоиру|, какую предпочтутъ признать ва непосредственный источникъ психической жизни? Скажемъ ли мы, что душевныя явленія и сопровождающія ихъ физическія движенія совсѣмъ одно и то же, такъ что между ними нѣтъ никакой разницы, и, напр., наша мысль о своемъ мозгѣ есть совсѣмъ одно съ тѣми сложными физико-химическими процессами въ клѣткахъ мозговой коры, которые представляютъ физическое соотвѣтствіе этой нашей мысли? По справедливому замѣчанію Паульсена, противъ этого утвержденія крайне трудно спорить, но только потому, что оно совершенно лишено смысла. Онъ говоритъ: "Положеніе: мысли суть собственно не что иное,какъ движенія въ мозгѣ, чувства не что иное, какъ тѣлесныя явленія въ сосудодвигательной системѣ, - это положеніе вполнѣ неопровержимо, не потому конечно что оно истинно, а потому что оно абсолютно безсмысленно. Безсмысленное раздѣляетъ съ истиной то преимущество, что оно не можетъ быть опровергнуто.Мысль, которая есть въ сущности не что иное, какъ движеніе,

есть желѣзо, которое собственно деревянно. Противъ этого нельзя спорить; можно только сказать: подъ мыслью я разумѣю мысль, а не движеніе мозговыхъ молекулъ, и точно также словами - гнѣвъ и страхъ я обозначаю именно самые гнѣвъ и страхъ, а не сужденіе или расширеніе кровеносныхъ сосудовъ". Дѣйствительно, утверждать напр., что ощущеніе краснаго есть просто и только движеніе атомовъ мозга, въ которыхъ однако нѣтъ ничего краснаго, или что идея безконечнаго пространства есть также движеніе атомовъ, которые однако въ нашемъ черепѣ не образуютъ никакого безконечнаго пространства, есть то же, что сказать, что черное есть бѣлое или что квадратъ есть кругъ. Такія утвержденія опровергнуть очень трудно, потому что нельзя доказывать различіе тамъ, гдѣ оно очевидно, гдѣ его нельзя не замѣтить, и гдѣ его тѣмъ не менѣе не видятъ. При такомъ положеніи дѣла не помогутъ самые утонченные аргументы. Но если утвержденій о полномъ тождествѣ психическихъ и физическихъ фактовъ нельзя опровергнуть, ихъ все же слѣдуетъ непремѣнно отвергнуть именно потому, что они представляютъ чистѣйшій абсурдъ для всякаго яснаго ума.

Или мы объяснимъ отношеніе душевной жизни къ ея физическому носителю въ томъ смыслѣ, что она есть п р о д у к т ъ физическихъ процессовъ? Но едва мы допустимъ это, какъ немедленно попадемъ въ цѣлый рядъ совершенно безъисходныхъ недоумѣній: вѣдь физико-химическіе процессы должны приводить къ опредѣленнымъ ф и з и к о - х и м и ч е с к и м ъ продуктамъ, - иначе уничтожается всякое понятіе о физико-химическомъ процессѣ. Между тѣмъ субъективныя

состоянія нашего сознанія, - ощущенія, мысль, воля чувство, - разсматриваемыя именно с а м и в ъ с е б ѣ, такъ какъ этого требуетъ Паульсенъ - не имѣютъ ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ; какъ же они будутъ продуктомъ физико-химическихъ измѣненій? Это замѣчаніе можно обобщить: теперь рѣшительнѣе, чѣмъ когда - нибудь, настаиваютъ на распространеніи закона сохраненія энергіи на всѣ физическіе процессы, когда бы и гдѣ бы они ни совершались. Но законъ сохраненія энергіи, какъ точная механическая теорема, предполагаетъ въ качествѣ неизбѣжнаго условія своей истинности, тотъ общій фактъ, что всякое движеніе способно породить только или другое движеніе или новое расположеніе матеріальныхъ частицъ |если кинетическая форма энергіи переходитъ въ потенціальную|. Однако психическія явленія, взятыя сами по себѣ, какъ состоянія сознанія, непротяженны, - стало-быть, не движутся въ пространствѣ и не слагаются изъ матеріальныхъ частей, - въ этомъ согласны всѣ психологи. Не значитъ ли это, что если въ самомъ дѣлѣ физическое движеніе порождаетъ психическія состоянія или превращается въ нихъ, то всякій разъ, когда въ мозгу или гдѣ бы то ни было возникаетъ психическое состояніе, законъ сохраненія энергіи бываетъ рѣзко нарушенъ? Извѣстная сумма физической энергіи при этомъ неизбѣжно исчезаетъ, а на ея мѣсто появляется нѣчто такое, что не имѣетъ никакихъ физическихъ признаковъ и невыразимо ни въ какихъ механическихъ понятіяхъ, т.е. эта сумма физической энергіи исчезаетъ, не замѣ-

няясь соотвѣтственною суммою той же энергіи. Впрочемъ, помимо ссылки на законъ сохраненія энергіи |его роль въ качествѣ всеобщей формулы всякихъ физическихъ дѣйствій во всякомъ случаѣ гадательна|, мы невольно должны остановиться передъ слѣдующимъ простымъ возраженіемъ: механическое движеніе, какія бы сложныя формы мы ему не приписывали, одинаково будетъ далеко отстоять по всѣмъ своимъ свойствамъ отъ свойствъ и качествъ нашего психическаго міра, - какъ же оно можетъ быть адекватною причиною психическихъ состояній? Не должно ли для этого что-то къ нему прибавиться и что-то въ немъ существенно измѣниться, а какъ это возможно, если въ немъ ничего не содержится, кромѣ него самого?

Вотъ простыя соображенія, которыя неизбѣжно заставляютъ отказаться отъ мысли, что физическіе, химическіе, вообще механическіе процессы въ мозгу могутъ быть дѣйствительными, исчерпывающими причинами психическихъ фактовъ. Въ виду этого защитники монистической гипотезы часто бываютъ вынуждены обратиться къ иному ряду предположеній, общій смыслъ которыхъ можно выразить такъ: наши обычныя представленія о матеріальномъ бытіи недостаточны. Когда дѣло идетъ о толкованіи фактовъ внѣшняго опыта, мы можемъ удовлетвориться тѣми понятіями о веществѣ, которыя доставляетъ механика, физика, химія; но это вовсе не значитъ, что въ механическихъ, физическихъ и химическихъ свойствахъ матеріальнаго міра раскрывается до конца его внутреннее существо. Матеріальная вселенная для насъ есть прежде всего міръ объектовъ, мы

смотримъ на вещи съ внѣшней точки зрѣнія, - поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что для насъ на первый планъ выступаютъ ихъ внѣшнія отношенія и признаки. Значитъ ли это однако, что, кромѣ этихъ отношеній и признаковъ, ничего въ природѣ и нѣтъ? Что мѣшаетъ предположить, что внутренняя суть матеріальнаго переживаетъ ряды субъективныхъ состояній, аналогичныхъ тѣмъ психическимъ фактамъ, которые мы наблюдаемъ въ самихъ себѣ? Отчего не думать, что эти субъективныя состоянія являются даже основою и для внѣшнихъ отношеній между предметами? Въ предположеніи такой всеобщей одушевленности нѣтъ ничего противорѣчащаго логикѣ. Между тѣмъ, куда тогда дѣнется загадочность перехода отъ физическаго къ психическому? Тогда никакого перехода и нѣтъ: въ нашемъ сознаніи раскрывается то самое, что присутствуетъ и во всемъ остальномъ мірѣ; только въ насъ субъективныя состоянія сосредоточены, объединены, собраны и развиваются въ самыя сложныя формы, - въ остальной природѣ они разсѣяны, болѣе элементарны и грубы.

Эта гипотеза нерѣдко получаетъ очень неясный видъ: такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда психическая жизнь приписывается элементамъ вещества не въ качествѣ ихъ д ѣ й с т в и т е л ь н а г о, а только п о т е н ц і а л ь н а г о достоянія, т. е. лишь въ качествѣ возможнаго ея развитія при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Сторонники такого пониманія обыкновенно не замѣчаютъ, что они стоятъ на точкѣ врѣнія вульгарнаго матеріализма и только скрываютъ ее за темнымъ и схоластическимъ понятіемъ в о з м о ж н о с т и или с п о с о б н о-

с т и, нисколько однако не освобождая этимъ своего взгляда отъ свойственныхъ ему противорѣчій. У нихъ выходитъ такъ: молекулы вещества, пока онѣ не соединились въ организмы, имѣютъ только физическія свойства и никакихъ другихъ; но войдя въ организмъ, онѣ о к а з ы в а ю т с я с п о с о б н ы м и порождать психическія состоянія. Такой взглядъ настойчиво проводилъ, напр., Бюхнеръ въ XVIII столѣтіи. Почему же однако эти молекулы къ этому способны и какъ онѣ могутъ быть способны? Вѣдь, какъ мы сейчасъ видѣли, именно переходъ отъ внѣшнихъ свойствъ матеріи къ внутреннему содержанію душевной жизни представляетъ для насъ непобѣдимыя трудности.. Слишкомъ ясно, что такая гипотеза не рѣшаетъ вопроса, а предполагаетъ его разрѣшеннымъ; въ ея основѣ лежитъ логическій кругъ, спрятанный за двусмысленнымъ словоупотребленіемъ.

Однако гипотеза всеобщаго одушевленія иногда имѣетъ несравненно болѣе законченный и содержательный обликъ. Я разумѣю тѣ ученія, въ которыхъ совершенно серьезно предполагается, что элементы всякой дѣйствительности суть субстанціальные центры внутренней силы, - живыя монады, всегда испытывающія какія нибудь внутреннія состоянія, какъ бы ни были они рудиментарны и смутны. Съ этой точки зрѣнія, каждый атомъ есть изначала субъектъ своей особой внутренней жизни. И вотъ, при такомъ взглядѣ, можетъ возникнуть весьма естественная попытка объяснить нашу психическую жизнь, какъ сконцетрированное, коллективное выраженіе безчисленныхъ сознаній и самочувствій тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается наше тѣло или, по крайней

мѣрѣ, нашъ мозгъ и нервная система. Такое воззрѣніе будетъ строго монистичнымъ, и въ то же время оно, повидимому, возвышается надъ многими недостатками монизма въ его обыкновенной формѣ. Можно ли однако это воззрѣніе считать въ логическомъ отношеніи безупречнымъ?

Здѣсь прежде всего представляется невольное недоумѣніе: почему, если для атомнаго сознанія мы предполагаемъ существованіе обладающихъ имъ субстанціальныхъ субъектовъ |каковыми являются сами атомы|, то для своего собственнаго сознанія мы такого субъекта не требуемъ и думаемъ, что оно можетъ быть коллективнымъ результатомъ ч у ж и х ъ сознаній |потому что внутренняя жизнь отдѣльныхъ атомовъ для насъ закрыта?| Казалось бы, тутъ нѣтъ средины: или сознаніе вообще предполагаетъ присущій ему субъектъ, которому оно принадлежитъ, или не предполагаетъ его. Во всякомъ случаѣ, въ понятіи коллективнаго с о з н а н і я заключаются не малыя трудности, - это только метафизика, которая обращается въ нѣчто совсѣмъ противорѣчивое и смутное, если ее принять въ буквальномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если наше сознаніе есть явленіе коллективное, то коллекцію чего оно составляетъ? Сознаній атомныхъ? Мы, конечно, о нихъ ровно ничего не знаемъ, однако все, что мы можемъ предположить въ этой области, скорѣе заставляетъ думать о совершенномъ несходствѣ субъективныхъ состояній элементарнаго атома съ психическою жизнію нашего я, - иначе мы будемъ повинны въ самомъ грубомъ антропоморфизмѣ. Какъ же изъ созна-

ній отдѣльныхъ атомовъ склеить наше сознаніе,повидимому, ни въ чемъ на нихъ непохожее? Наконецъ,нужно же считаться съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ нашего внутренняго опыта, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, какъ живутъ и что чувствуютъ отдѣльные атомы нашего тѣла. Или мы допустимъ,что кромѣ низшихъ центровъ сознанія, атомовъ, существуютъ монады высшія, которыя представляютъ изъ себя души мозговыхъ клѣтокъ, нервныхъ узловъ, можетъ быть, цѣлыхъ участковъ мозговой коры, и что наше сознаніе слагается изъ сознаній этихъ высшихъ монадъ? Но отчего тогда не идти до конца и не признать существованія единаго высшаго психическаго центра въ нашемъ организмѣ, который сознается нами, какъ наше Я? А вѣдь это и будетъ наша единая душа, отличная отъ тѣлесныхъ процессовъ, хотя и связанная съ ними, т.е. вмѣсто м о н и з м а мы получимъ д у а л и з м ъ; душа является особою монадою, отличною отъ тѣхъ монадъ, которыя составляютъ тѣло; между тѣмъ подъ дуализмомъ въ психологіи только и разумѣется признаніе реальнаго различія между душою и тѣломъ. Прибѣгнемъ ли мы и въ данномъ случаѣ, чтобы уклониться отъ дуалистическихъ выводовъ, къ тому весьма популярному предположенію, что наше сознаніе есть просто равнодѣйствующая различныхъ состояній въ элементахъ мозга? Однако, слѣдовало бы понять разъ навсегда, какъ явно злоупотребляемъ мы понятіемъ р а в н о д ѣ й с т в у ю щ е й во всякихъ подобныхъ объясненіяхъ. Вѣдь равнодѣйствующая, по правиламъ механики, возникаетъ тогда только, когда импульсы къ движеніямъ по разнымъ направленіямъ сообщают-

ся о д н о й и т о й ж е н е д ѣ л и м о й т о ч к ѣ; если же они вызываются въ разныхъ точкахъ, то изъ этого не получится никакой равнодѣйствующей, а послѣдуетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ и одновременныхъ движеній. То же самое разсужденіе, если только мы хотимъ сохранить смыслъ за избранный нами аналогіей, очевидно, должно прилагаться и къ отношенію элементарныхъ сознаній въ клѣткахъ нашего мозга къ нашему личному сознанію:

чтобы такое сознаніе могло возникнуть въ качествѣ равнодѣйствующей, необходимо, чтобы существовалъ его недѣлимый носитель, въ которомъ собираются, суммируются и объединяются возбужденія, исходящія отъ нижнихъ центровъ. Иначе никакого равнодѣйствующаго сознанія не будетъ, а останется безчисленное множество сознаній мозговыхъ клѣтокъ, молекулъ или даже атомовъ въ ихъ обособленности другъ отъ друга. Именно е д и н с т в о с о з н а н і я, полагающее непобѣдимыя границы между моимъ сознаніемъ и чужимъ, какъ бы ни было сходно ихъ содержаніе, оказывается непонятнымъ, невозможнымъ и немыслимымъ при множественности сознающихъ центровъ. Какъ въ толпѣ людей нѣтъ одного личнаго Я, и мы только въ переносномъ смыслѣ говоримъ объ ея единомъ настроеніи, единомъ чувствѣ и т. д., разумѣя подъ этимъ просто однородность душевныхъ движеній у составляющихъ ее лицъ и ихъ взаимное вліяніе другъ на друга, - такъ и въ аггрегатѣ сознающихъ клѣтокъ не можетъ возникнуть единаго сознанія, хотя внутреннее состояніе каждой изъ нихъ можетъ испытывать разнообразныя вліянія отъ другихъ клѣ-

токъ; все же въ такомъ аггрегатѣ будетъ много сознаній, а не одно, какъ и въ толпѣ. Если при этомъ согласно принципу локализаціи психическихъ функцій въ различныхъ областяхъ мозга, мы припишемъ мозговнымъ клѣткамъ различія по ихъ психическому содержанію, то изъ взаимодѣйствія такихъ клѣтокъ также же мало могутъ получиться внутренно-единые психическіе факты, какъ не выйдетъ одного сужденія изъ того, что одинъ человѣкъ будетъ мыслить подлежащее, не думая однако о сказуемомъ, а другой будетъ думать о сказуемомъ, нисколько не имѣя въ виду подлежащаго.

Когда сообразимъ все это, мы ясно поймемъ, что переходъ отъ предполагаемаго сознанія одушевленныхъ монадъ, составляющихъ нашъ организмъ, къ единому человѣческому сознанію едва ли менѣе труденъ, чѣмъ логическій переходъ отъ движеній совершенно безсознательныхъ атомовъ къ сознанію вообще. Гипотеза всеобщаго одушевленія можетъ быть п о л е з н а, но только при допущеніи особаго психическаго центра для индивидуальнаго сознанія человѣка, т.е. только на почвѣ д у а л и з м а.

Сейчасъ разсматриваемыя попытки обосновать монистическую точку врѣнія черезъ преобразованіе нашихъ понятій о внутренней природѣ вещества получаютъ гораздо болѣе радикальный видъ, когда онѣ опираются на выводы критической философіи Канта. По ученію Канта, пространство, время, даже всякая множественность и причинная зависимость вещей - суть только формы нашего пониманія и познаванія, а не свойства дѣйствительности въ ней самой. Къ такому взгляду очень близко стоитъ выводъ, что

реальное въ себѣ и независимо отъ нашихъ познавательныхъ дѣйствій находится всецѣло внѣ этихъ опредѣленій, - оно должно быть непространственно, невременно, едино, абсолютно свободно. Такимъ должно быть вещество, поскольку оно существуетъ въ себѣ, какъ основа явленій сознанія, - таково и наше тѣло, какъ дѣйствительный носитель психической жизни. Именно этимъ путемъ шелъ Шопенгауэръ въ своихъ воззрѣніяхъ на существо человѣка. Для него истинная сущность всѣхъ вещей есть единая міровая воля, которую мы непосредственно воспринимаемъ въ самихъ себѣ, какъ внутренній двигатель нашего существованія. Она же есть и внутренняя сущность нашего тѣла: наше тѣло есть сама всемірная воля, поскольку она объектировалась въ нашемъ условномъ представленіи. Поэтому все, чѣмъ тѣло отличается отъ всемірной воли, есть только представленіе или субъективное явленіе нашего сознанія иначе сказать, только призракъ. И подобными же призраками оказываются у Шопенгауэра и млечный путь, и звѣзды, и солнце, и сама матерія съ ея механическими, физическими и химическими свойствами: существуетъ одна воля и ничего, кромѣ нея. Такое воззрѣніе нельзя не признать монистическимъ въ высочайшей степени, - трудно только понять, что можетъ отъ него выиграть м о н и з м ъ ф и з і о л о г и ч е с к і й? Вѣдь нашъ тѣлесный организмъ, ограниченный въ пространствѣ и времени, обусловленный въ своемъ бытіи сложнымъ дѣйствіемъ физическихъ законовъ, не имѣетъ ни одной черты сходства съ безпространственною, безвременною, абсолютно свободною волею. Поэтому, монизмъ Шопен-

гауэра слѣдуетъ назвать с п и р и т у а л и с т и ч е с к и м ъ: воля все-таки психическое понятіе, хотя и освѣщенное у Шопенгауэра весьма односторонне. И это потому только монизмъ, что существованіе нашего тѣла и вообще какихъ бы то ни было матеріальныхъ вещей отрицается совершенно. Только грубая непослѣдовательность и забвеніе основныхъ посылокъ собственной системы дозволяютъ Шопенгауэру такъ часто говорить о душевной жизни, какъ о продуктѣ мозга. И въ этой непослѣдовательности оказываются повинными всѣ кантіанцы, которые, забывъ что для нихъ и пространство, и время, и движущееся въ нихъ вещество, да и всѣ законы природы въ придачу - суть только порожденія мысли, начинаютъ разсматривать самую мысль, какъ произведеніе матеріальныхъ процессовъ.

Изъ того, что изложено до сихъ поръ, ясно можно видѣть, что какъ бы ни преобразовывали мы наше понятіе о веществѣ и какъ бы ни утончали его, мы все же не достигнемъ того, чтобы происхожденіе нашей душевной жизни отъ физіологическихъ процессовъ мозга, какъ отъ своей исчерпывающей и достаточной причины, стало мыслимымъ и вѣроятнымъ. Приходится разъ навсегда убѣдиться, что между матеріей и психическими фактами существуетъ какое-то другое отношеніе, а не отношеніе основы къ ея явленіямъ. Отъ этого сознанія отправляются попытки оправдать монистическую гипотезу изъ принциповъ п а р а л л е л и з м а. Коренное его предположеніе формулируется такъ: ни физическія явленія не могутъ быть причиною психическихъ, ни, наоборотъ, психическія, - физическихъ. И психическая, и физическая сфера явле-

ніразвивается каждая сама по себѣ, сообразно своимъ особымъ законамъ, никогда не задѣвая другъ друга, и тѣмъ не менѣе онѣ во всей природѣ идутъ шагъ въ шагъ, совпадая въ своихъ результатахъ во всѣхъ пунктахъ мировой жизни: каждое физическое явленіе имѣетъ свое психическое соотвѣтствіе и обратно. Это зависитъ отъ того, что и физическій, и психическій порядки явленій представляютъ отраженія единой міровой сущности, которая раскрывается въ каждомъ изъ нихъ сполна и независимо отъ другого. Теперь едва ли было бы умѣстнымъ пускаться въ подробную оцѣнку ея труднаго, иногда очень искусственнаго содержанія. Отмѣчу лишь тотъ несомнѣнный фактъ, что ни одному приверженцу параллелизма не удалось до сихъ поръ не только доказать необходимость непремѣннаго совпаденія во всѣхъ звеньяхъ этихъ двухъ разнородныхъ, независимыхъ, замкнутыхъ въ себѣ рядовъ явленій, но даже показать простую мыслимость такого совпаденія. Психическая и физическая сфера представляютъ два разные міра, совершенно несходные по своимъ качествамъ, движимые различными законами, никакъ другъ на друга не вліяющіе, - кто же можетъ ихъ принудить непрестанно воспроизводить другъ друга? Сошлемся ли мы на единую сущность міра? Но что это за странная сущность, которая одинаково хорошо копируется въ двухъ разныхъ образахъ, не имѣющихъ никакого подобія между собою? Впрочемъ, для насъ въ данномъ случаѣ интересны не эти внутреннія противорѣчія параллелистическаго міросозерцанія: намъ важно то, что въ параллелистической гипотезѣ, если ей придавать объ-

ективное значеніе, не оказывается никакого монизма. Напротивъ, если вдумаемся въ нее внимательно, то скоро увидимъ, что мы имѣемъ въ ней абсолютный д у а л и з м ъ, распространенный на всю вселенную и доведенный до самыхъ крайнихъ и абсурдныхъ послѣдствій. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ новое подтвержденіе тому, что попытки послѣдовательнаго проведенія монистическаго взгляда приводятъ къ своему противоположному - къ д у а л и з м у.

Къ какому же окончательному выводу должны мы прійти? Для физіологическаго монизма нельзя придумать такой формы, въ которой его можно было бы признать за теоретическую истину; напротивъ, всѣ его мыслимыя видоизмѣненія заключаютъ въ себѣ глубокія логическія противорѣчія. Это значитъ,что онъ можетъ имѣть цѣну въ качествѣ гипотезы регулятивнаго характера, - иначе сказать, въ видѣ метода изслѣдованія. Однако, и съ этой стороны гипотеза физіологическаго монизма представляетъ важные недостатки: итакъ, нѣтъ основанія ограничиваться ею одной. Спиритуализмъ также долженъ имѣть право гражданства въ психологической наукѣ, хотя бы въ качествѣ метода. Спиритуалистическая гипотеза имѣетъ уже то достоинство, что она даетъ совсѣмъ другую картину душевной жизни, во многихъ отношеніяхъ противоположную той, которая предносится современнымъ психологомъ, и въ то же время болѣе близкую къ показаніямъ непосредственнаго опыта. Существуютъ у нея и другія важныя преимущества, о которыхъ я скажу въ слѣдующей лекціи.

Л Е К Ц І Я XIII-я.

Въ послѣднихъ лекціяхъ прошлаго полугодія я указалъ Вамъ основанія, которыя заставляютъ предпочесть д у а л и с т и ч е с к і й взглядъ на человѣческое существо, признающій въ немъ два различные источника для душевныхъ и тѣлесныхъ явленій, |т.е, различіе души и тѣла|, м о н и с т и ч е с к о м у воззрѣнію на человѣка. Въ знаете, въ чемъ состоятъ важнѣйшіе мотивы такого предпочтенія: вы должны были убѣдиться, что с у щ н о с т ь и я в л е н і е въ чемъ бы мы ихъ ни разсматривали, хотя и противополагаются нами другъ другу съ отвлеченно логической точки зрѣнія, но въ своей дѣйствительности никогда не представляютъ и не могутъ представлять двухъ раздѣльныхъ между собою вещей; напротивъ, во всѣхъ реальныхъ процессахъ, |да и по самому смыслу понятій с у щ н о с т ь и я в л е н і е|, они неотдѣлимы другъ отъ друга, - это не двѣ вещи, а одна вещь, только разсматриваемая съ двухъ разныхъ сторонъ, подъ двумя различными углами зрѣнія. Вещество |с у б с т а н ц і я, с у щ н о с т ь матеріальнаго міра|, не существуетъ внѣ своихъ движеній |я в л е н і я м а т е р і а л ь н а г о м і р а| такъ же, какъ нѣтъ движеній безъ вещества. Я в л е н і е и с у щ н о с т ь понятія всецѣло соотносительныя, - мы ихъ можемъ логически различать, но они непремѣнно составляютъ о д н у дѣйствительность. Но если это вѣрно,-изъ этого должно вытекать очень важное положеніе:тамъ гдѣ какіе-нибудь порядки явленій кореннымъ образомъ,

по всѣмъ своимъ признакамъ, различны между собою тамъ и субстанціи, реализующія себя въ этихъ явленіяхъ, должны различаться между собою. Между тѣмъ психическія и физическія явленія различны между собою существенно, - въ этомъ безспорная истина психологической науки; итакъ, они не могутъ быть выраженіемъ и продуктомъ одной и той же субстанціальной основы, - для ихъ возникновенія должно предположить д в а р а з н ы х ъ источника. |Напримѣръ, для физическаго міра мы потому только предполагаемъ однородность и единство его субстанціальной основы - вещества, что считаемъ возможнымъ свести всѣ явленія и процессы внѣшней природы къ различнымъ формамъ движенія, происходящимъ по неизмѣннымъ законамъ механики. Напротивъ, если мы признаемъ существованіе въ природѣ явленій, механически необъяснимыхъ мы тѣмъ самымъ будемъ вынуждены допустить присутствіе въ ней силъ, отличныхъ отъ матеріи. Напримѣръ, тѣ люди, которые полагаютъ, что явленій жизни изъ свойствъ вещества вывести нельзя, неизбѣжно приходятъ къ гипотезѣ ж и з н е н н о й с и л ы, какъ нѣкоторой сверхфизической потенціи|.

Съ другой стороны, мы могли убѣдиться прошлый разъ, что нельзя разсматривать жизнь нашего сознанія и какъ простую равнодѣйствующую внутреннихъ состояній различныхъ центровъ, составляющихъ нашъ организмъ, даже если мы допустимъ одушевленность этихъ центровъ. |Такой к о л е к т и в с т и ч е с к і й взглядъ довольно распространенъ, - въ нашей литературѣ сторонникомъ этого взгляда является извѣстный писатель Оболенскій|. Какъ мы видѣли, его усвоенію препятствуетъ фактъ е д и н с т в а на-

шего сознанія, - способность нашего духа сознавать разнообразіе и реальность явленій во времени, т.е. с и н т е з и р о в а т ь прошлое съ настоящимъ и будущимъ| въ ожиданіи|, и въ пространствѣ,|способность синтеза различныхъ одновременныхъ состояній возникшихъ въ разныхъ пунктахъ мозговой и нервной системы, которыя однако нашъ духъ сознаетъ какъ свои|. Для возможности этого общаго и кореннаго факта психической жизни, нужно существованіе о д н о г о сознающаго центра, хотя въ этомъ одномъ центрѣ могутъ отраженно объединяться состоянія многихъ другихъ центровъ. Единство нашего сознанія предполагаетъ особый центръ, хотя бы онъ былъ связанъ съ другими. Какъ я уже указывалъ, самое понятіе равнодѣйствующей лишь тогда имѣетъ смыслъ, когда мы предполагаемъ, что разныя силы, дѣйствующія въ разныхъ направленіяхъ, прилагаются къ о д н о й точкѣ.

Однако за противоположный м о н и с т и ч е с к і й взглядъ на человѣческое существованіе, повидимому, говорятъ нѣкоторыя очень важныя соображенія. Самое основное между ними можно формулировать такъ: что бы мы ни предполагали о нашей душѣ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что наша душевная жизнь, какъ мы ее переживаемъ въ себѣ, есть ф у н к ц і я н а ш е г о о р г а н и з м а. Черта ея функціональной зависимости отъ нашего мозга и нервной системы безспорнымъ образомъ сказываются во всѣхъ ея свойтвахъ и во всемъ ея ходѣ. Какова нервная система живого существа, такова и его психика. Человѣкъ сейчасъ мыслилъ ясно и разумно, но если его хорошенько стукнули по головѣ, въ умѣ его все спуталось, а если ударъ былъ достаточно силенъ, онъ

и совсѣмъ лишится сознанія. Человѣкъ совсѣмъ иначе мыслитъ и чувствуетъ здоровый и больной, во снѣ или въ бодроствованіи. Заболѣли у него опредѣленные мозговые центры, и онъ вдругъ теряетъ всѣ имена существительныя, или другія части рѣчи, или и вовсе теряетъ способность говорить. Проницательность, астроуміе, тонкость ума находятся въ тѣсной зависимости отъ количества извилинъ на мозговой корѣ. Различіемъ въ совершенствѣ развитія нервно-мозгового аппарата опредѣляется духовное различіе людей между собою, опредѣляется разница психическаго уровня различныхъ породъ животныхъ, опредѣляются рѣзкія колебанія въ достоинствахъ и недостаткахъ отдѣльныхъ психическихъ отправленій у одушевленныхъ тварей вообще. Весь міръ - какъ бы лѣстница въ смыслѣ ряда все болѣе и болѣе совершенныхъ сознаній. Въ полную параллель съ этой лѣстницей мы имѣемъ лѣстницу нервныхъ организацій, которая оканчивается такимъ сложнымъ аппаратомъ, какъ человѣческій мозгъ. Количество подобныхъ соображеній можно было бы значительно умножить. Всѣ они приводятъ къ признанію одного положенія: наша душевная жизнь во всемъ ея составѣ есть функція мозга и нервной системы.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ психологовъ В. Джемсъ - въ одномъ изъ своихъ трактатовъ утверждаетъ, что можно вполнѣ примкнуть къ этой формулѣ и все таки не быть ни матеріалистомъ, ни вообще монистомъ въ какой бы то ни было формѣ. Мнѣ кажется съ его мнѣніемъ нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, въ природѣ приходится различать четыре типа функцій. Охарактеризовать эти типы можно такъ: I| ф у н к ц і и д в и г а т е л ь н ы я.

Онѣ состоятъ въ собственномъ движеніи функціонирующаго органа или вообще какого-нибудь агента. О такихъ функціяхъ идетъ рѣчь, когда мы, напримѣръ, говоримъ, что функція мускула есть сокращеніе. 2| Ф у н к ц і и в ы д ѣ л и т е л ь н ы я. О такихъ функціяхъ мы говоримъ, когда напримѣръ утверждаемъ, что функція печени есть выдѣленіе желчи,или что слезы - функція слезныхъ железъ. Функціи подобнаго рода мы имѣемъ тамъ, гдѣ изъ даннаго органа или агента выдѣляется часть входившаго въ него вещества. 3| Ф у н к ц і и п р е л о м л е н і я. Подъ ними мы разумѣемъ видоизмѣняющія воздѣйствія даннаго агента на процессы въ средѣ, отъ него отличной Такъ мы говоримъ, что функція призмы есть разложеніе бѣлаго луча на лучи спектральные, или что функція кристалика глаза есть преломленіе свѣта. 4| Ф у н к ц і и о с в о б о д и т е л ь н ы я. Такого рода функціи мы имѣемъ тамъ, гдѣ благодаря импульсу, исходящему изъ даннаго агента въ подлежащей его дѣйствію средѣ освобождаются потенціальные запасы силы и переходятъ въ дѣятельное состояніе. Такъ, можно сказать, что выстрѣлъ есть функція спущеннаго курка, или взрывъ есть функція искры, брошенной въ порохъ.

Легко замѣтить, въ чемъ существенная разница между двумя первыми типами функцій и двумя послѣдними. Первые два вида функцій предполагаютъ объясненіе строго м о н и с т и ч е с к о е: въ нихъ то, чему функція принадлежитъ, и среда, въ которой она совершается, вполнѣ совпадаютъ между

собою. Сокращенія нѣтъ внѣ мускула и оно есть только извѣстное его сокращеніе, печень потому только выдѣляетъ желчь, что она образовалась внутри ея и составляетъ часть входящаго въ нее вещества. Напротивъ, не менѣе очевидно, что въ двухъ послѣднихъ видахъ функцій объясненіе неизбѣжно выходитъ д у а л и с т и ч н ы м ъ: оно непремѣнно должно предположить два фактора, вызывающаго функцію агента и среду, въ которой функція совершается. Призма ничего не покажетъ намъ, если мы не пустимъ сквозь нее лучей свѣта, т.е., другими словами, если не произойдетъ опредѣленныхъ колебаній въ окружающей и проникающей ее эѳирной средѣ. Спущенный курокъ не вызоветъ никакого выстрѣла, если въ ружьѣ не будетъ пороха и т.д.

Въ виду этого, чтобы отвѣтить на вопросъ, какое объясненіе болѣе примѣняется къ отношенію между нашей психикой и тѣлеснымъ организмомъ, - монистическое или дуалистическое, - нужно отчетливо установить къ какому виду функцій принадлежитъ духовная жизнь, поскольку она можетъ быть опредѣлена, какъ ф у н к ц і я т ѣ л а. Есть ли она д в и г а т е л ь н а я ф у н к ц і я нашей нервной системы, или говоря болѣе просто, не есть ли наша душевная жизнь просто нѣкоторая совокупность движеній нашихъ нервныхъ элементовъ и ничего больше? Но мы могли уже неоднократно убѣдиться, какое очевидное противорѣчіе заключается въ такомъ предположеніи. Вѣдь въ нашихъ психическихъ состояніяхъ, мыслихъ, чувствахъ, актахъ воли, - нѣтъ ни протяженности, ни матеріальныхъ частей, ни физическаго движенія этихъ частей. Паульсенъ, мнѣніе котораго

я приводилъ прошлый разъ, совершенно правъ, когда настаиваетъ на абсолютномъ безсміліи утвержденія, что явленія души суть движенія мозга. Можно ли сказать, что психическія явленія только субъективно к а ж у т с я намъ отличными отъ движенія, а на самомъ дѣлѣ они все таки лишь движеніе? Какъ ни странно такое возраженіе, но къ нему прибѣгаютъ довольно часто. Высказывающіе его не хотятъ видѣть что при объясненіи явленій сознанія, дѣло идетъ именно о томъ, что, съ этой точки зрѣнія, к а ж е т с я и к а к ъ оно кажется, - о мысляхъ, какъ онѣ мыслятся, объ ощущеніяхъ, какъ они ощущаются и т.д. Допустимъ даже, что все это только субъективные фантомы - вопросъ идетъ именно о нихъ, - о субъективныхъ фантомахъ, и о томъ, что ихъ вызвало и произвело. Въ своихъ с у б е к т и в н ы х ъ качествахъ они очевидно не суть движенія мозга. Ощущаемый нами красный цвѣтъ, очевидно, не есть просто движеніе атомовъ мозга, которые въ себѣ а б с о л ю т н о б е з ц в ѣ т н ы.

Скажемъ ли мы, что наша психика есть в ы д ѣ л и т е л ь н а я ф у н к ц і я · м о з г а, т.е. наше сознаніе есть особое вещество съ опредѣленными физическими и химическими качествами, которое выдѣляется мозгомъ и скопляется гдѣ-нибудь около него? Хотя нѣкоторые матеріалисты и понимали отношеніе души къ тѣлу по этой аналогіи, но мнѣ кажется, что достаточно только высказать это предположеніе, чтобы понять его крайнюю несообразность. Мы ничего не знаемъ о такомъ особомъ веществѣ, которое мозгъ выдѣлялъ бы подобно тому, какъ почки выдѣляютъ мочу. Да еслибъ даже такое вещество и было, -

какъ доказать его тождество съ нашимъ сознаніемъ, когда у сознанія въ его субъективныхъ качествахъ нѣтъ никакихъ физическихъ и химическихъ свойствъ? Приравнивать жизнь сознанія движеніямъ въ этомъ неизвѣстномъ веществѣ было бы никакъ не менѣе безсмысленно, чѣмъ отождествлять факты духовной жизни съ движеніями мозга.

Итакъ душевную жизнь нельзя разсматривать ни какъ двигательную, ни какъ выдѣлительную функцію нашего тѣла. Ея отношеніе къ тѣлесному организму и нервной системѣ можно мыслить только по типу функцій преломляющихъ (въ широкомъ смыслѣ функцій пропускающихъ) или освободительныхъ. Но мы уже знаемъ что эти два послѣдніе типа функцій неизбѣжно предполагаютъ д в о й с т в е н н о с т ь независимыхъ другъ отъ друга началъ или факторовъ. - Преломляющая - различіе пропускающей среды (призмы) и дѣятеля, въ которомъ видоизмѣняемый процессъ совершается (колеблющійся эеиръ). Въ освободительной - различіе в о з б у д и т е л я процесса и дѣятеля, въ которомъ процессъ происходитъ. Это значитъ, что и для объясненія психической жизни, какъ функціи мозга, нужно предположить не одно, а два начала. Мозгъ такъ же не порождаетъ души и не есть сама душа, какъ призма не порождаетъ свѣтового эеира и не есть эеиръ, или курокъ не порождаетъ пороха и самъ не есть порохъ.

Нельзя не отмѣтить и важнаго различія между приводимыми примѣрами и случаемъ съ душевною жизнію. Эеиръ и порохъ есть факторы матеріальные; происходящіе въ нихъ процессы сводятся для науки къ различнымъ видамъ матеріальнаго движенія. Но психиче

скіе факты н е с у т ь физическія движенія. Сознаніе этой истины не позволило намъ признать психическую жизнь просто за двигательную функцію мозга. Душевныя явленія по всѣмъ своимъ свойствамъ сверхфизичны; итакъ мы въ нихъ имѣемъ выраженіе дѣятельности нѣкотораго сверхфизическаго агента. Душевная жизнь порождается непрерывнымъ взаимодѣйствіемъ начала физическаго |мозга| съ началомъ сверхфизическимъ. Въ нашемъ психическомъ существованіи мы имѣемъ, быть можетъ, единственный несомнѣнный случай присутствія въ природѣ сверхфизической силы.

Но къ какому же изъ двухъ послѣднихъ типовъ функцій относится душевная жизнь въ ея отношеніи къ мозгу? Есть ли это функція преломляющая или освободительная? Безъ сомнѣнія можно представить разныя соображенія въ пользу обоихъ толкованій. Съ одной стороны отъ качества, развитія и состоянія нервной системы зависитъ качество душевныхъ проявленій ихъ легкость или затрудненность. Тутъ можно привести полную аналогію съ свѣтомъ: свѣтъ различно свѣтитъ сквозь тусклое или протертое окошко. Такъ и психическая жизнь принимаетъ различныя формы въ здоровомъ организмѣ или въ больномъ. Съ другойстороны, самыя ничтожныя въ физическомъ смыслѣ впечатлѣнія, могутъ вызывать огромные эффекты въ духовной сферѣ по своему идеальному смыслу. Положимъ, мы получили извѣстіе, которое имѣетъ для насъ роковое значеніе. Пускай это будетъ одно слово, произнесенное даже самымъ неслышнымъ голосомъ, оно все перевернетъ въ нашей душевной жизни. Внутренній законъ душевной жизни есть непрерывный ростъ

и внутренне развитіе. При самомъ началѣ психическаго существованія мозговой аппаратъ уже данъ, но сознанія еще нѣтъ. Оно потомъ непрерывно нарастаетъ, расширяется, пополняется все новымъ содержаніемъ. Тутъ, повидимому, уже имѣемъ аналогію освободительныхъ функцій. Быть можетъ, самое правдоподобное предположеніе, что въ нашемъ мозгу въ его отношеніи къ душевной жизни пропускающія и освободительныя функціи соединяются. Вѣдь онѣ близки и по своей природѣ.

Впрочемъ для насъ не столько важны эти частные вопросы, сколько тотъ общій выводъ, который вытекаетъ изъ сказаннаго: мы можемъ сполна допустить, что душевная жизнь есть функція мозга, - но эта такая функція, которая непремѣнно предполагаетъ нѣчто, кромѣ мозга.

ЛЕКЦІЯ XIУ-я.

Въ прошлой лекціи я старался вамъ показать, что стремленіе къ м о н и з м у въ объясненіяхъ можетъ быть очень плодотворнымъ, когда данные матеріалы дѣйствительности допускаютъ его приложеніе. Но въ то же время оно можетъ быть источникомъ важныхъ недоразумѣній и предразсудковъ, если монизмъ хотятъ провести, во что бы то ни стало, не считаясь съ конкретнымъ матеріаломъ опыта.

Мнѣ кажется, что въ психологіи, при современномъ состояніи знаній, желаніе установить, во что бы то ни стало, м о н и з м ъ, какъ объясняющее

и руководящее начало, есть также своего рода популярный предразсудокъ, имѣющій свои дурныя стороны. Прибѣгая къ сравненію, въ своихъ монистическихъ исканіяхъ мы немножко напоминаемъ упрямаго химика, который непремѣнно захотѣлъ бы произвести воду изъ одного водорода помимо кислорода. Трудно указать фактъ болѣе безспорный, какъ тѣсная зависимость душевныхъ процессовъ отъ тѣлесныхъ отправленій. Несомнѣнно, что эта связь гораздо глубже, чѣмъ думали раньше: она касается не только низшихъ и элементарныхъ проявленій душевной жизни, но и самыхъ высшихъ; безъ преувеличенія можно сказать, что она обнимаетъ всю скалу психическихъ состояній. Но что же означаетъ эта связь? Въ какой мѣрѣ обусловливается психическое содержаніе нашего сознанія чисто физіологическими актами? Въ какой степени непрерывно параллельны потоки психическихъ и физіологическихъ перемѣнъ? Испытываетъ ли только психическая сфера воздѣйствія отъ физической, или обратно - физическій ходъ процессовъ въ нашемъ мозгу и нервной системѣ измѣняется чрезъ вліяніе чисто психическихъ факторовъ? Все это вопросы, которые иногда рѣшаютъ очень категорично, но рѣшаютъ безъ достаточныхъ данныхъ.

И вотъ мы стоимъ предъ слѣдующимъ фактомъ: какъ бы ни была тѣсна связь между психическими и физіологическими процессами, хотя бы мы предположили, что послѣдовательность психическихъ состояній всецѣло и непрерывно предопредѣляется развитіемъ явленій чисто физіологическихъ, въ одномъ пунктѣ у насъ останется неустранимое затрудненіе: физическими данными нельзя объяснить того, чѣмъ психическое о т-

л и ч а е т с я отъ всего физическаго. Употребляя п р е ж н е е сравненіе, изъ свойствъ одного водорода мы не въ состояніи объяснить, что р а з л и ч а е т ъ воду отъ водорода. Пускай наши мысли проходятъ въ нашемъ умѣ въ извѣстномъ порядкѣ не по причинѣ своего идеальнаго сродства и не въ силу внутренней логики связывающихъ ихъ отношеній,а просто потому, что въ нашихъ мозговыхъ центрахъ съ фатальною необходимостью развиваются другъ за другомъ различные физико-химическіе процессы. Для насъ,все-таки, остается вопросъ, почему въ нашемъ сознаніи протекаютъ именно м ы с л и со всѣмъ ихъ рѣшительнымъ различіемъ отъ какихъ бы то ни было физико-химическихъ явленій? Пускай наши ощущенія возникаютъ въ результатѣ очень сложныхъ процессовъ въ воспринимающихъ органахъ, въ проводящихъ нервахъ,въ мозговыхъ центрахъ, - почему, какъ слѣдствіе этихъ процессовъ, получается именно о щ у щ е н і е, во всемъ его разительномъ несходствѣ съ ними? Какъ мы могли убѣдиться, никакія преобразованія понятія о матеріи не могутъ намъ отвѣтить на эти вопросы и перекинуть дѣйствительный мостъ между объективными процессами въ тѣлесномъ организмѣ и нашимъ субъективнымъ сознаніемъ. Скажутъ ли, что въ жизни нашего сознанія физическіе процессы просто переводятся на субъективный языкъ психическихъ знаковъ и символовъ? Но вѣдь, вопросъ идетъ именно о томъ,почему существуетъ этотъ с у б ъ е к т и в н ы й языкъ и какая сила совершаетъ переводъ на него вовсе несходнаго съ нимъ содержанія? Если психическіе факты суть субъекивныя отраженія физіологическихъ процессовъ, то тѣмъ самымъ предполагается, что въ на-

шемъ организмѣ, кромѣ этихъ отражаемыхъ процессовъ, дано какъ бы нѣкоторое отражающее ихъ зеркало, которое собираетъ въ единый фокусъ сознанія разровненные лучи, исходящіе изъ различныхъ пунктовъ нашего мозга. Безъ чего-либо подобнаго этому отношенію, существованіе чего-нибудь субъективнаго въ насъ является непонятнымъ и немыслимымъ въ самомъ строгомъ значеніи этихъ словъ.

Сопоставленіе психической сферы съ зеркаломъ, какъ и всякое сравненіе, имѣетъ, однако, свои недостатки и даетъ психологической проблемѣ одностороннее освѣщеніе. Наше сознаніе не только зеркало, которое равнодушно отражаетъ все, что происходитъ передъ нимъ. Давно замѣчено, что духъ нашъ есть зеркало невѣрное, отражающее физическую дѣйствительность не въ ея настоящемъ видѣ. Качественно однородныя, непрерывныя въ градаціи степеней, инертныя движенія матеріальныхъ частей нашего организма изображаются въ этомъ зеркалѣ въ формѣ качественно различныхъ, раздѣльныхъ и обособленныхъ другъ отъ друга психическихъ знаковъ; и это качественное разнообразіе въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что это предполагаемое зеркало относится къ воздѣйствіямъ на него не пассивно: оно однимъ отраженіямъ сопротивляется, къ другимъ - стремится. Различія пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и противнаго, хорошаго и дурного коренятся въ этомъ свойствѣ нашей сознающей силы - не быть безразличною къ воздѣйствіямъ языка. Оттого въ нашемъ внутреннемъ опытѣ мы имѣемъ дѣло не только съ подобіемъ зеркала, а съ чѣмъ-то гораздо большимъ. То, что въ насъ сознаетъ, есть, въ то же время, и с т о ч н и к ъ д ѣ й -

ствій и стремленій къ дѣйствію. Само наше сознаніе непосредственно испытывается нами, какъ нѣкоторая дѣятельность дѣятельнаго усвоенія разнообразныхъ данныхъ опыта въ единомъ актѣ пониманія или усмотрѣнія ихъ. Эти свойства психической сферы обладаютъ для насъ прямою достовѣрностью и очевидностью: ихъ можно различно стараться объяснить, но нельзя отрицать ихъ субъективнаго присутствія въ насъ.

Между тѣмъ мы могли убѣдиться, что попытки объяснить эти свойства какъ только кажущуюся видимость и обосновать ее изъ физическихъ схемъ, какъ бы онѣ остроумны ни были, всякій разъ даютъ лишь доказательство полной несоизмѣримости какихъ бы то ни было физическихъ схемъ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ психическихъ процессовъ. Не значитъ ли это,что рядомъ съ весьма сложнымъ физическимъ составомъ мы должны признать въ нашемъ организмѣ присутствіе нѣкотораго особаго агента, функція котораго состоитъ, прежде всего, въ переводѣ физіологическихъ измѣненійна субъективный языкъ со всѣми его сейчасъ указанными особенностями? Что этотъ субъективный языкъ,- наше сознаніе, существуетъ, это есть самый несомнѣнный фактъ изъ всѣхъ возможныхъ для каждаго изъ насъ; и что этотъ фактъ имѣетъ причину, это также должно быть безспорнымъ для всякаго, кто полагаетъ, что нѣтъ въ мірѣ безпричинныхъ вещей. Съ другой стороны, такою причиною не могутъ быть физическіе процессы въ виду ихъ абсолютной несоизмѣримости съ этимъ фактомъ: эта причина должна имѣть особую природу сравнительно съ предметами и явленіями, о которыхъ вѣдаетъ физика и которые всецѣло подчиняют-

ся ея законамъ. Такого дѣятеля, отличнаго отъ тѣла, хотя весьма тѣсно связаннаго съ нимъ въ своихъ проявленіяхъ, лежащаго въ основѣ сознанія во всей совокупности его состояній и дѣйствій, мы называемъ д у ш о ю . Итакъ, нужно признать душу, если мы не хотимъ уподобляться химику, который безплодно хлопочетъ о томъ, чтобы сдѣлать воду изъ одного водорода.

Въ ученіи о душѣ, какъ самостоятельномъ источникѣ и носителѣ субъективныхъ явленій, переживаемыхъ нами, заключается сущность с п и р и т у а л и с т и ч е с к о й г и п о т е з ы. И теперь можно видѣть, что она представляетъ собою нѣчто болѣе важное, чѣмъ простая гипотеза: по всѣмъ признакамъ въ ней идетъ рѣчь о положительной истинѣ; окончательную формулу всѣхъ предшествующихъ разсужденій можно выразить такъ: психическія явленія несомнѣнно существуютъ, и ихъ ничѣмъ нельзя объяснить, кромѣ души. Но будемъ смотрѣть на спиритуализмъ лишь какъ на гипотезу, объясняющую отдѣльные факты душевной жизни. Гипотеза эта теперь далеко не пользуется популярностью. Что заставляетъ противъ нея спорить и съ нею бороться? Осужденіе спиритуалистическихъ взглядовъ внушается ли простымъ предубѣжденіемъ или для него существуютъ серьезныя основанія?

Главный упрекъ противъ спиритуалистической гипотезы, мнѣ кажется, сводится къ тому, что она, съ однойстороны, влечетъ къ пренебреженію психофизическими изслѣдованіями, а съ другой - къ преувеличенной и невѣрной оцѣнкѣ очень многихъ фактовъ нашего внутренняго опыта. Признавъ духъ за независи-

мое, субстанціальное существо, спиритуалисты ради этого стараются представить его возможно болѣе свободнымъ отъ вліянія тѣла; съ другой стороны, ради этого же предположенія они приписываютъ нѣкоторымъ психическимъ свойствамъ и законамъ,несомнѣнно реальнымъ, незаслуженно абсолютное значеніе,забывая о ихъ относительности.Таково единство нашего сознанія, внутреннее тождество нашего Я, неизмѣнность нашей личности и т.д. Все это въ самомъ дѣлѣ дано въ насъ, но какъ психическіе факты, они даны въ ограниченныхъ и постоянно колеблющихся предѣлахъ,и мы искажаемъ истинное положеніе вещей, когда видимъ въ этихъ явленіяхъ адекватное изображеніе нашего субстанціальнаго субъекта въ немъ самомъ. Въ этомъ и повинны спиритуалисты.

Если такой приговоръ и можетъ показаться справедливымъ, то только по отношенію къ крайнимъ тенденціямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ спиритуалистовъ, но никакъ не къ спиритуализму въ коренномъ смыслѣ этого воззрѣнія. Связь души съ тѣломъ п р и н ц и п і а л ь н о признавалась всѣми спиритуалистами, а въ настоящее время ея глубокое и всеохватывающее значеніе является общепризнаннымъ фактомъ, съ которымъ одинаково приходится считаться в с я к о й г и п о т е з ѣ. Если прежняя спиритуалистическая психологія сравнительно мало сдѣлала въ области психофизическихъ изслѣдованій, то это прежде всего объясняется тѣмъ, что эта область почти совсѣмъ не существовала. Старинные матеріалисты въ ней сдѣлали едва ли больше. Чѣмъ, напримѣръ, лучше физіологическія схемы Гоббса таковыхъ же схемъ Декарта? Напротивъ, Декартъ былъ несомнѣннымъ отцомъ психофизіо-

логіи, и онъ же родоначальникъ новаго спиритуализма въ его самой рѣзкой дуалистической формѣ. Нужно ли лучшее доказательство совмѣстимости спиритуализма съ психофизическими задачами? Другой примѣръ можно указать въ лицѣ Фехнера, одного изъ виднѣйшихъ основателей современной психофизики и горячаго спиритуалиста по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ.

Разъ признается постоянное взаимодѣйствіе и связь между психическими и физическими процессами въ насъ, изученіе физическихъ условій душевной жизни тѣмъ самымъ неизбѣжно получаетъ первостепенный интересъ. Правда, спиритуалисты для связи духовнаю и тѣлеснаго дѣлаютъ нѣсколько иную оцѣнку, нежели сторонники строгаго монизма: эта связь,въ глазахъ спиритуализма, не такъ абсолютна, она не равняется внутреннему тождеству и не предполагаетъ полнаго непрерывнаго соотвѣтствія въ содержаніи физическихъ и психическихъ фактовъ. Но въ этомъ, можетъ быть, заключается самое большое преимущество спиритуалистической гипотезы: психологу - спиритуалисту нѣтъ такой потребности въ безплодномъ отыскиваніи исчерпывающихъ физіологическихъ схемъ для всѣхъ психическихъ событій, во всѣхъ ихъ субъективныхъ признакахъ - потребности, которая никогда не покидаетъ психологовъ-монистовъ; для спиритуализма отпадаетъ много лишнихъ проблемъ, - его положеніе вообще свободнѣе, а это очень важно въ области, гдѣ сдѣланы несомнѣнные частные успѣхи, но гдѣ все же, безотносительно говоря, изслѣдовано очень немного. Конкретная суть тѣхъ процессовъ, которые происходятъ въ мозговыхъ центрахъ въ соотвѣтствіе съ отдѣльными фактами душевной жизни, все еще остается непрони-

цаемой тайной.

Что касается упрека въ невѣрномъ освѣщеніи фактовъ, относящихся къ единству сознанія и неизмѣнности личности, онъ также совершенно устраняется серьезнымъ признаніемъ связи между духомъ и тѣломъ, отъ котораго послѣдовательный спиритуализмъ долженъ отправляться во всѣхъ своихъ выводахъ. Если эта связь допущена, нельзя уже предполагать, что свойства духа раскрываются съ одинаковымъ совершенствомъ, широтою и ясностью во всѣ моменты человѣческой жизни и на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы одушевленныхъ тварей. Тогда каждое душевное явленіе есть продуктъ взаимодѣйствія психической силы и той среды, въ которой она развиваетъ свои состоянія. Точнѣе сказать, тогда видятъ, что каждый психическій фактъ есть внутреннее измѣненіе души, выражающее переживаемое ею отношеніе къ процессамъ организма. Слишкомъ ясно, что при коренныхъ перемѣнахъ въ этихъ процессахъ, должна глубоко мѣняться и наша душевная жизнь. Насколько позволяютъ судить факты, не только воспріятіе ощущеній обусловлено особыми физіологическими процессами въ нашихъ чувствующихъ органахъ, безъ которыхъ ощущенія совсѣмъ не возникли бы, но и наше сознательное в о с п р о и з в е д е н і е ощущеній въ формѣ воспоминаній предполагаетъ о р г а н и ч е с к о е воспроизведеніе въ центрахъ нашего мозга пережитыхъ ими раздраженій: ясное воспоминаніе, съ психофизіологической точки зрѣнія, есть повторенное воспріятіе, хотя обыкновенно въ менѣе отчетливомъ видѣ. Согласимся съ этимъ, и мы поймемъ, какъ должны рѣзко измѣняться проявленія внутренняго единства и тождества души при органическихъ измѣненіяхъ

нашего мозгового аппарата. Мы могли убѣдиться, что нѣтъ сознанія безъ единства и тождества,-ничто не можетъ быть сознано нами, не будучи синтезировано въ своемъ послѣдовательномъ и одновременномъ содержаніи и связано со всѣмъ другимъ, что мы сознаемъ въ данный моментъ, - это зависитъ отъ природы нашего сознающаго субъекта; но не отъ его объединяющей дѣятельности только зависитъ, насколько широкое поле можетъ она захватить, а и отъ тѣхъ матеріаловъ, которые ей даны. - Положимъ, нашъ мозгъ настолько разрушенъ, |напримѣръ, въ состояніи прогрессивнаго паралича| что онъ совсѣмъ потерялъ способность воспроизводить пережитыя впечатлѣнія, - мы не будемъ имѣть воспоминаній, всѣ наши идеи будутъ искажены, мы потеряемъ ясное сознаніе своей личности,какъ носительницы опредѣленнаго характера и опредѣленной судьбы. Но все же, если при этомъ мы будемъ сознавать хотя что-нибудь, въ томъ узкомъ полѣ сознанія, которое намъ осталось, единство и тождество явятся такими же неотмѣнными привнаками нашей сознающей дѣятельности, какъ и въ нормальной жизни.Если мы испытаемъ ощущеніе, оно будетъ о д н и м ъ ощущеніемъ,, хотя и будетъ состоять изъ ряда послѣдовательныхъ моментовъ сознанія. Если у насъ промелькнетъ мысль, хотя бы самая абсурдная, - это будетъ о д н а мысль, гдѣ будетъ какое-нибудь подлежащее и какое-нибудь сказуемое, и въ каждомъ изъ нихъ, вѣроятно, будетъ содержаться извѣстная сложность отношеній къ другимъ идеямъ, хотя бы самымъ темнымъ и страннымъ. Наше сознаніе можетъ имѣть содержаніе тусклое или ясное, - обширное или очень бѣдное, сообразное съ дѣйствительностью или рѣзко ей проти-

ворѣчащее, - его основныя свойства, какъ душевнаго акта, все же останутся при немъ. Нашъ сознающій субъектъ, въ этомъ отношеніи,можно сравнить съ глазомъ: глазъ совсѣмъ различно видитъ въ темнотѣ или полусвѣтѣ или при полномъ свѣтѣ, но и въ томъ,и въ другомъ и въ третьемъ случаѣ онъ смотритъ и остается глазомъ. Мы сознаемъ себя такими, каковы мы есть; мы не воспринимаемъ своего духа въ его абсолютной независимости отъ тѣла по той простой причинѣ, что онъ,какъ мы себя знаемъ,вовсе и не имѣетъ такой независимости. На это слѣдуетъ ждать одного возраженія: вѣдь именно выясненіе связи души и тѣла составляетъ едва ли не самую трудную проблему философіи. Вся исторія картезіанской школы представляетъ рядъ краснорѣчивыхъ доказательствъ того, до какойстепени эта проблема неразрѣшима. Душа и тѣло - сущности противоположныя по всѣмъ своимъ свойствамъ,- между ними невозможно перебросить никакого мозга, - какъ же они могутъ образовать одно существо и слиться въ одну жизнь?

На это прежде всего приходится отвѣтить, что въ этомъ выясненіи связи души съ тѣломъ мы имѣемъ уже не психологическую, а м е т а ф и з и ч е с к у ю проблему. Для психологіи, какъ опытной науки, взаимодѣйствіе душевной и тѣлесной жизни есть фактъ никакъ не болѣе загадочный, нежели всякое другое взаимодѣйствіе въ природѣ. Всякое опытное изслѣдованіе отправляется отъ признанія различныхъ связей и взаимодѣйствій, которыя въ вещахъ даны, но о внутренней сущности которыхъ оно не имѣетъ никакого представленія. Что можно придумать болѣе обыденнаго, чѣмъ явленія толчка, но у кого есть ясная

идея о томъ внутреннемъ процессѣ, который позволяетъ тѣламъ дѣйствовать другъ на друга при соприкосновеніи между ними? Мы говоримъ о силѣ или свойствѣ н е п р о н и ц а е м о с т и, какъ условіи возможности этихъ явленій, но не обобщаемъ ли мы въ этомъ свойствѣ лишь голый фактъ? Что присутствуетъ въ тѣлахъ, не позволяющее имъ впустить въ свои предѣлы ничего посторонняго, если имъ при этомъ не будетъ дано мѣста, равнаго по величинѣ занятому прежде. Мы знаемъ, что движеніе постоянно передается отъ однихъ тѣлъ другимъ; но что это значитъ, что тутъ переходитъ изъ тѣла въ тѣло, да и переходитъ ли что-нибудь? На всѣ эти вопросы опытъ совершенно молчитъ. Поэтому, взаимодѣйствіе души и тѣла нисколько не загадочнѣе взаимодѣйствія тѣлъ между собою - они н е п о н я т н ы с о в е р ш е н н о о д и н а к о в о для эмпирическаго взгляда на вещи. Въ нихъ мы имѣемъ первоначальныя данныя опыта, а не то, что могло бы подлежать его объясненію. Нѣтъ такого микроскопа, въ который можно было бы подсмотрѣть, черезъ какой механизмъ движеніе нервнаго центра вызываетъ ощущеніе; но вѣдь нѣтъ и такого, который показалъ бы намъ, какими путями движеніе переливается изъ одного тѣла въ другое. Особенно странно слышать упреки въ непонятности взаимодѣйствія души и тѣла по адресу спиритуалистической доктрины со стороны тѣхъ самыхъ психологовъ, которымъ вовсе не кажется труднымъ предположить, что физическое движеніе, въ силу собственныхъ свойствъ

и законовъ, п р е в р а щ а е т с'я въ психическіе акты. Какъ мы уже могли видѣть, все, что мы знаемъ о веществѣ ихъ механики, физики и химіи, абсолютно исключаетъ возможность такого превращенія: наши субъективныя состоянія не подлежатъ вѣдѣнію этихъ наукъ, потому что п о в с ѣ м ъ с в о и м ъ к а ч е с т в а м ъ они выходятъ изъ предѣловъ содержанія тѣхъ понятій, съ которыми сбращаются эти науки. Въ нихъ нѣтъ ни массъ, ни движенія, ни химическаго сродства и ничего подобнаго этимъ свойствамъ. Поэтому, въ ученіи этихъ противниковъ спиритуализма заключается явное логическое противорѣчіе: у нихъ выходитъ, что изъ механическихъ данныхъ путемъ механическихъ перемѣнъ получается н е м е х а н и ч е с к і й результатъ, точно такъ же, какъ изъ физическихъ данныхъ, путемъ физическихъ процессовъ вызывается н е ф и з и ч е с к і й результатъ, а изъ химическихъ - н е х и м и ч е с к і й, хотя и механическіе, и физическіе, и химическіе процессы при этомъ вполнѣ сохраняютъ свою природу. Между тѣмъ у спиритуалистической гипотезы есть уже то огромное преимущество, что она не предполагаетъ никакихъ абсурдовъ. Весь ея принципъ въ томъ, что носителю психическихъ явленій приписывается о с о б а я н е в е щ е с т в е н н а я п р и р о д а; понятно, что его дѣйствіе на организмъ или организма на него не можетъ выражаться въ законахъ физики или химіи: вѣдь эти законы регулируютъ отношенія тѣлъ другъ къ другу, но едва ли они могутъ имѣть хотя малѣйшую претензію на то, чтобы опредѣлять связь тѣлеснаго съ безтѣлеснымъ. Вѣдь въ точныхъ наукахъ законы относятся лишь къ тѣмъ даннымъ, для которыхъ

и на основаніи которыхъ они выведены. Между тѣмъ, механика, физика и химія изучаютъ природу и отношенія тѣлъ.

ЛЕКЦІЯ XУ-ая.

Въ прошлой лекціи мы разсмотрѣли различные возраженія противъ спиритуалистической теоріи, которыя можно сдѣлать съ точки зрѣнія психологическаго опыта .

Что касается метафизической стороны проблемы, то и въ этомъ отношеніи положеніе спиритуалистической гипотезы не до такой степени роковое, какъ можетъ показаться сначала. Въ этомъ случаѣ нельзя не отмѣтить слѣдующаго поучительнаго факта:монизмъ въ современномъ смыслѣ этого понятія есть сравнительно позднее явленіе въ развитіи психологіи.Раньше того, едва ли не во всѣхъ школахъ |даже у матеріалистовъ| въ психологическихъ теоріяхъ господствовалъ дуалистическій взглядъ, т.е. душу различали отъ тѣла, какъ особый принципъ. Напримѣръ,даже древніе атомисты отличали вещество души отъ вещества тѣла. Тѣмъ не менѣе только послѣдователи Декарта впервые сознали необыкновенную трудность пониманія связи между душою и тѣломъ. Отчего это зависѣло? Мнѣ кажется, что при безпристрастномъ изученіи вопроса должно быть очевиднымъ, что это происходило исключительно отъ особыхъ взглядовъ Декарта и его учениковъ на духъ и матерію. Когда духъ былъ опредѣленъ, какъ чистая безпространственная мысль, а тѣло, какъ чистое протяженіе, то между ними дѣй-

ствительно нельзя было установить никакой мысли той связи на томъ ясномъ основаніи, что эти два понятія представляютъ взаимное логическое отрицаніе. Но изъ этого также видно, что затрудненіе картезіанцевъ было с п е ц і а л ь н о к а р т е з і а н с к и м ъ. А если мы иначе смотримъ на міръ и, главнымъ образомъ, на природу матеріи, то получитъ совсѣмъ другой видъ и угнетавшая картезіанцевъ проблема, потому что свойства душевнаго бытія даны намъ непосредственно и относительно ихъ, по крайней мѣрѣ, н е д о л ж н о б ы т ь разницы во взглядахъ. И вотъ тутъ имѣетъ очень важное значеніе одно общее соображеніе. Мы не имѣемъ никакихъ дѣйствительныхъ основаній,чтобы сущность матеріальныхъ вещей измѣрять исключительно обобщеніями физики. Если вопросъ идетъ о метафизической природѣ вещества предположеніе о томъ, что оно есть субстанція а б с о л ю т н о и в ъ с е б ѣ внѣшняя, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ протяженности, - это предположеніе,на которомъ строится все картезіанское міросозерцаніе, нужно считать наименѣе вѣроятнымъ изъ всѣхъ. Весьма убѣдительныя соображенія заставляютъ думать,что и вещество, какъ всякая другая дѣйствительность, имѣетъ существованіе внутреннее или субъективное,и что эта внутренняя сторона его бытія лежитъ въ основѣ его внѣшнихъ проявленій и свойствъ. Но менѣе важныя основанія можно указать и для того вывода, что самое пространство не есть какое-то абсолютное вмѣстилище, данное внѣ насъ и независимо отъ насъ раньше всѣхъ вещей. Гораздо правдоподобнѣе другое предположеніе, что оно есть только общая форма или общій результатъ взаимодѣйствія нашего сознанія съ

окружающимъ міромъ, психологически весьма сложный. Объ всемъ этомъ мнѣ уже пришлось отчасти говорить по поводу гипотезы всеобщаго одушевленія и другихъ вопросовъ. Допустимъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ Джордано Бруно, Лейбницемъ и Лотце, что вещество слагается изъ внутренно духовныхъ непространственныхъ центровъ, монадъ, и что наша душа есть также монада, только болѣе развитая и богатая внутреннею жизнью сравнительно съ монадами матеріальнаго міра. Тогда проблема взаимодѣйствія души и тѣла потеряетъ значительную долю своей трудности: тогда выйдетъ, что душа дѣйствуетъ на элементы своего организма потому же, почему вообще монады дѣйствуютъ другъ на друга. Двѣ проблемы тѣмъ самымъ сведутся къ одной - о существованіи взаимодѣйствія между вещами вообще. Конечно, и это вопросъ очень сложный, который касается глубочайшихъ корней бытія; нельзя, однако, не согласиться, что съ метафизической точки зрѣнія мыслить взаимодѣйствіе существъ легче, чѣмъ представить себѣ дѣйствительность, состоящую изъ элементовъ, которые никакъ не дѣйствуютъ другъ на друга. Міръ понятенъ только подъ угломъ внутренняго единства разнообразныхъ формъ и проявленій его жизни. Напротивъ, вообразить себѣ, что онъ состоитъ изъ единицъ, каждая изъ которыхъ погружена въ себѣ и съ другими никакъ не соприкасается трудно до полной невозможности. Въ чемъ тогда состоитъ жизнь единицъ и чѣмъ она отличается отъ совершеннаго небытія. Надо разъ навсегда убѣдиться и съ точки зрѣнія метафизической, и съ точки зрѣнія эмпирической одинаково, понятіе о веществѣ, пригодное и цѣлесообраз-

ное въ физикѣ и химіи, для психологіи оказывается недостаточнымъ и требуетъ преобразованій. Въ наукахъ о внѣшней природѣ понятіе о веществѣ все болѣе сводится къ чисто количественнымъ отношеніямъ и формуламъ. Даже такія матеріальныя качества, безъ которыхъ, казалось бы, ничего матеріальнаго нельзя мыслить, - каковы инерція, непроницаемость, масса, подвижность, - въ послѣднее время все болѣе склоняются разсматривать, какъ своего рода математическіе символы, реальное значеніе которыхъ проблематично, да и не важно для науки. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что натуралисты въ этомъ своемъ стремленіи свести факты и законы природы къ количественнымъ отношеніямъ совершенно правы. Но если отъ качествъ можно отвлечься, это не значитъ, что ихъ можно въ самомъ дѣлѣ устранить изъ нашего опыта. Если безъ нихъ можно обойтись въ научномъ пониманіи внѣшняго міра, то тѣмъ настойчивѣе о нихъ ставится вопросъ, когда мы начинаемъ изучать нашъ внутренній міръ. Пускай всѣ качественныя различія вещей только психологическая иллюзія, тѣмъ серьезнѣе вопросъ, откуда взялась эта иллюзія? Какъ мы уже знаемъ, психологія изучаетъ качественное разнообразіе внутреннихъ явленій, какъ нѣчто изначала данное и безспорно наличное. И вотъ является неизбѣжное соображеніе: если психическіе факты должны объясняться изъ процессовъ матеріальныхъ|а что между тѣми и другими есть реальная связь и зависимость, - въ этомъ едва ли можетъ быть какое - нибудь сомнѣніе|, то и въ матеріальныхъ процессахъ должно п р е д п о л о ж и т ь внутреннюю, качественную сторону, а уже не о т в л е к а т ь с я

отъ нея, какъ это дѣлаютъ физики. Будь психологъ дуалистомъ или монистомъ, для него одинаково должно быть яснымъ, что отъ процессовъ вещества въ физическомъ смыслѣ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого перехода къ психической жизни въ ея субъективныхъ опредѣленіяхъ. Механическое движеніе не есть ощущеніе и не можетъ превратиться въ ощущеніе; изъ физическихъ процессовъ, по законамъ физики, можетъ получиться лишь физическій результатъ, изъ химическихъ - химическій, - между тѣмъ психическіе факты въ ихъ субъективной природѣ не обладаютъ ни физическими, ни химическими свойствами, - все это очевидныя истины. Но съ другой стороны мало поможетъ намъ и понятіе о душѣ, если мы сохранимъ чисто механическое представленіе о веществѣ. Какъ понять, что душа движенія инертныхъ тѣлъ|хотя бы въ нервной системѣ| воспринимаетъ не какъ движенія, а въ специфической формѣ ощущеній, чувствованій, хотѣній, при всемъ ихъ поразительномъ несходствѣ съ какими бы то ни было движеніями. Какъ мы уже говорили тутъ происходитъ переводъ внѣшнихъ процессовъ на внутренній субъективный языкъ. Но кѣмъ же и гдѣ производится этотъ переводъ? Вѣдь сами мы его не совершаемъ, - мы даже и не наблюдаемъ никогда, какъ онъ дѣлается, - наша сознательная жизнь начинается лишь тогда, когда онъ уже с д ѣ л а н ъ.

Дѣйствительно тутъ мы имѣемъ фактъ огромной важности: наша сознательная душевная жизнь имѣетъ дѣло уже съ г о т о в ы м и п р о д у к т а м и. Ощущеніе съ своими особыми качествами |напр. тотъ или другой цвѣтъ или звукъ| бываетъ дано сознанію, а не создается его усиліями, - въ содержаніи нашихъ

ощущеній мы н е в о л ь н ы. Можетъ быть, еще болѣе рѣзко сказывается это въ нашихъ чувствованіяхъ физически пріятнаго и непріятнаго, физическихъ удовольствій и страданій. Не отъ нашего рѣшенія зависитъ, больно намъ или не больно . . . Присущій физическимъ чувствованіямъ элементъ стремленій и отвращеній для сознанія п р и н у д и т е л ь н ы. Голодъ, жажда, половое влеченіе составляютъ загадочную область н е в о л ь н о й в о л и. Они являются нашему сознанію въ видѣ х о т ѣ н і й, которыя однако не нами вызваны и выбраны, - подобно тому, какъ физическая тоска, тошнота, да и всякая боль выражаютъ опять таки н е в о л ь н о е сопротивленіе, борьбу съ возникшимъ состояніемъ, въ которыхъ ч т о - т о сопротивляется и борется, но это что - то не есть наше Я, потому что наше Я воспринимаетъ эту борьбу пассивно, какъ что то извнѣ ему данное, хотя и захватывающее его невольное сочувствіе. По этому поводу приходится отмѣтить слѣдующій фактъ: нашъ тѣлесный организмъ для нашего самочувствія является совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ онъ представляется напримѣръ физику. Для физика, въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ инертныхъ частицъ, движущихся по законамъ механики отъ получаемыхъ или разнообразныхъ толчковъ, но совершенно безразличныхъ къ направленію пріобрѣтаемыхъ движеній. Эти частицы ничего не хотятъ и ничего не ищутъ, [illegible] выйдетъ изъ этихъ движеній, - благо или зло для организма въ его цѣломъ, это для физическаго атома, въ которомъ ничего нѣтъ, кромѣ инерціи и непроницаемости, абсолютно безразлично. Для физика наше тѣло - это вихрь непрерывно смѣняющихся атомовъ, то

втягиваемыхъ въ общее движеніе, то выбрасываемыхъ изъ него съ одинаковою слѣпою неизбѣжностью въ этомъ вихрѣ ничего не сохраняется, кромѣ его общихъ очертаній. Совсѣмъ не то наше тѣло для нашего самочувствія: по самочувствію, оно представляетъ какъ бы нашъ психическій двойникъ. |Оно стремится къ однимъ состояніямъ, внутренно сопротивляется другимъ, всячески сохраняетъ свою цѣлость, отвѣчаетъ на внѣшнія воздѣйствія качественно разнообразными реакціями, только сообразующимися съ значеніемъ этихъ воздѣйствій для его благоденствія|. Наше тѣло непосредственно ощущается нами, какъ какое - то внутренно живое, единое существо, |или пожалуй, единая система существъ| отличное однако отъ насъ самихъ, какъ центра сознательно и добровольно порождаемыхъ нами дѣйствій. Эта психическая двойственность въ насъ была замѣчена давно: уже съ незапамятныхъ временъ традиціонная психологія различала д у х ъ, какъ центръ сознаваемыхъ и порождаемыхъ нами душевныхъ дѣйствій, отъ души какъ силы, оживляющей тѣлесный организмъ. Въ этомъ различеніи сказался выводъ непосредственнаго опыта: тѣло въ самомъ дѣлѣ воспринимается нами, какъ что - то одаренное своею особою волевою и ощущающею дѣятельностью .

Всѣмъ этимъ ставится проблема о б е з с о з н а т е л ь н о й п с и х и к ѣ человѣка. Нужно оцѣнить и понять всю серьезность этой проблемы. Очень часто, рѣшая вопросъ о безсознательныхъ душевныхъ процессахъ, ихъ просто отождествляютъ съ физико - химическими процессами мозга, и думаютъ, что этимъ что нибудь достигнуто. Дѣло однако явно

не въ этомъ,и физическія или химическія свойства мозга тутъ, конечно, ничего не объясняютъ.Опять повторю, - изъ химическихъ и физическихъ процессовъ могутъ получиться только физическія и психическія измѣненія даннаго матеріала и ничего больше.Между тѣмъ вопросъ идетъ о существованіи и постоянномъ возникновеніи п с и х и ч е с к и х ъ образованій, съ особымъ с у б ъ е к т и в н ы м ъ содержаніемъ, в н ѣ и п о м и м о сознанія. Эти чисто психическіе продукты предполагаютъ психическіе процессы, а какіе и гдѣ? этого намъ наше сознаніе не открываетъ. Съ одной стороны безсознательная психика, въ буквальномъ значеніи этихъ словъ, есть понятіе, противорѣчащее себѣ: что значитъ ощущеніе, которое никѣмъ и никакъ не сознается,т.е. стало быть, не ощущается,чувство, которое не чувствуется, мысль, которая не мыслится и т.д. Можно ли говорить объ ощущеніи боли, когда ея никто не чувствуетъ, или объ ощущеніи краснаго цвѣта,когда к р а с н а г о никто не видитъ? Но съ другой стороны,все таки остается несомнѣннымъ фактомъ, что нѣкоторые наши психическіе процессы во всемъ своемъ цѣломъ или въ весьма значительныхъ частяхъ и всѣ психическіе процессы въ нѣкоторыхъ своихъ звеньяхъ - н е с о з н а ю т с я н а м и. Это можно наблюдать на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни. Во I-хъ, въ о щ у щ е н і я х ъ, какъ мы видѣли, это относится къ тѣмъ процессамъ, которые обусловливаютъ возникновеніе ихъ особой качественной природы. Возникновеніе ощущенія того или другого цвѣта, того или другого звука, запаха по ихъ психическимъ качествамъ предполагаетъ какіе то очень сложные процессы

сопоставленія, сравненія, выдѣленія. |Вундтъ отождествляетъ ихъ съ умозаключеніями совершаемыми съ абсолютной безотчетностью|. Мы едва ли что - нибудь ощутили бы, если бы ощущеніе было дано внѣ связи и сравненія съ другими| законъ относительности|. Но эти процессы для насъ скрыты, - передъ нами возникаетъ уже готовое ощущеніе въ весьма сложныхъ связяхъ и отношеніяхъ съ другими| по пространству времени и т.д.|. 2| Въ ф и з и ч е с к и х ъ ч у в с т в о в а н і я х ъ.| Еще болѣе загадочно, чѣмъ и откуда вызывается ихъ эмоціональная и волевая окраска, ихъ направленіе къ удержанію или устраненію переживаемаго состоянія| удовольствія и страданія|, ихъ интенсивности. Нашему сознанію они даются уже во всемъ своемъ субъективномъ содержаніи, но не слагаются въ немъ|. 3| Въ явленіяхъ п а м я т и. |Представленія о пережитомъ хранятся въ насъ, и постоянно воскресаютъ въ насъ то по добровольному выбору, то невольно, по дѣйствію законовъ ассоціаціи идей. Но какъ и гдѣ они сохраняются, чѣмъ именно оживляются, въ чемъ состоятъ ассоціативныя связи между ними, отчего наша воля иногда можетъ вызывать нужное намъ воспоминаніе, иногда совершенно безсильна это сдѣлать, - все это для нашего сознанія закрыто|. 4| Въ безотчетной д ѣ я т е л ь н о с т и в о о б р а ж е н і я. | Это особенно яркая и рельефная область безсознательнаго творчества въ насъ. Здѣсь явно что - то психически созидается въ насъ, принимая иногда очень интенсивныя формы и не менѣе явно сознаніе наше остается въ совершенно страдательномъ положеніи. Отъ пассивныхъ мечтаній въ минуты бездумья до поразительно яркихъ сно-

видѣній курильщика гашиша или галлюцинацій визіонера мы здѣсь имѣемъ огромную скалу проявленій творящей дѣятельности души, помимо направляющаго вліянія воли. А вѣдь что - то ихъ направляетъ, - при грубой фантастичности, они имѣютъ цѣлесообразность и законченность. Люди, которыхъ мы видимъ во снѣ, могутъ высказывать очень глупыя мысли, но все же это будутъ мысли, иногда совсѣмъ неожиданныя для насъ по своему содержанію. Страдающій слуховыми галлюцинаціями можетъ слышать рѣчи,не только удивляющія его своимъ содержаніемъ,но и глубоко возмущающія|. 5| Въ несознаваемыхъ умственныхъ процессахъ. | Во всѣхъ умственныхъ дѣйствіяхъ есть безотчетные моменты и стороны, въ которыхъ мы не вольны. Сюда относится напримѣръ, легкій или затрудненный ходъ мысли при размышленіи или разговорѣ. Слова то представляются сразу, то ихъ надо напряженно искать: послѣдовательность мыслей то укладывается сама собою, то ее никакъ не установишь. Въ чемъ состоитъ краснорѣчіе ораторовъ? Если бы они сознательно выбирали каждое слово, не вышло бы ничего; все дѣло въ томъ, что ихъ рѣчь льется сама собой.Тутъ нельзя не отмѣтить роль внезапныхъ догадокъ, когда весь умственный процессъ, сначала затрудненный, вдругъ сразу освѣщается и получаетъ полную законченность. Наконецъ, еще важнѣе совсѣмъ несознаваемая, автоматическая дѣятельность ума. Формы ея проявленій чрезвычайно разнообразны и количество ихъ возрастаетъ все болѣе съ усовершенствованіемъ психологическихъ наблюденій. Къ этой области относятся напримѣръ, рѣшеніе задачъ во снѣ,а также быстрое

рѣшеніе сложныхъ задачъ безъ сознаваемыхъ переходовъ мысли. У Карпентера есть интересный разсказъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, у котораго была эта способность сразу получать готовыя рѣшенія. Когда они ему представлялись, онъ переживалъ какое то жуткое чувство.6| Въ высшихъ явленіяхъ б е з о т ч е т н а г о в д о х н о в е н і я и озаренія. Давно замѣчено, что истинное творчество, какъ въ искусствѣ, такъ даже и въ наукѣ начинается съ безотчетныхъ усмотрѣній. Великія научныя открытія нерѣдко возникаютъ безотчетно и невольно въ состояніи моментальнаго озаренія. Такъ, говорятъ, былъ открытъ Ньютономъ законъ тяготѣнія. Еще болѣе распространенное явленіе представляетъ безотчетное и невольное происхожденіе первыхъ художественныхъ замысловъ. |О Тургеневѣ напримѣръ извѣстно, что возникновеніе перваго замысла его произведеній было для него процессомъ не только безотчетнымъ, но и очень болѣзненнымъ. Онъ писалъ, чтобы избавиться отъ преслѣдующихъ его образовъ|.

Въ чемъ же заключаются эти безотчетныя процессы? Кто ихъ настоящій носитель? Это одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ психологіи. Между тѣмъ область безсознательныхъ явленій души расширяется все болѣе и болѣе и все настойчивѣе требуетъ объясненія. Въ настоящее время пользуется значительной популярностью попытка Дю-Преля объяснить эти явленія изъ трансцендентнаго субъекта. По его ученію, нашему сознанію достаточны лишь тѣ состоянія духа, которыя воплотились и реализовались въ процессахъ мозга. Но есть много другихъ, высшихъ процессовъ, не воспринимаемыхъ мозгомъ. Таково высшее творчество, тако-

вы тонкія впечатлѣнія, которыя проходятъ мимо сознающаго Я. Само сознающее Я разсматривается здѣсь просто, какъ феноменъ мозга.

Не говоря уже объ общихъ противорѣчіяхъ чистаго феноменизма, которыя мы подробно разбирали, въ гипотезѣ Дю - Прея можно указать крупную фактическую несообразность. Продукты безсознательнаго творчества далеко неравноцѣнны. Они, напротивъ, очень различны по своему качеству. Сюда относятся съ одной стороны бредъ, сонъ, галлюцинаціи, а съ другой высшее вдохновеніе въ искусствѣ и наукѣ; съ одной стороны сложныя умственныя операціи и высшія движенія духа, а съ другой - элементарныя ощущенія и физическія чувства боли зуба или живота. Нельзя все это валить въ одну кучу. Очевидно, по отношенію къ этимъ безсознательнымъ процессамъ существуетъ не одинъ источникъ, а дана нѣкоторая множественность ихъ. Въ образованіи цѣлаго нашей душевной жизни, кромѣ нашего одного сознающаго центра, участвуютъ и другіе центры, интимно связанные, какъ то отражающіеся въ немъ своими состояніями и непрерывно пополняющіе его внутреннее содержаніе своими продуктами весьма различнаго качества. Тогда мы придемъ къ тому, съ чего начали сегодня: къ монадологическому пониманію человѣческой природы.

ЛЕКЦІЯ XVI-я.

Въ прошлой лекціи я старался показать, что для психологіи, ставящаго проблему объ условіяхъ возник-

новенія нашего сознанія во всей ея широтѣ, приходится смотрѣть на природу матеріи и въ частности нашего тѣла нѣсколько иными глазами, чѣмъ физику или химику. Отъ чего физикъ, въ виду спеціальныхъ задачъ своихъ изслѣдованій, съ полнымъ основаніемъ и правомъ отвлекается, то для психолога, напротивъ, представляетъ настоятельно требующую какого нибудь разрѣшенія з а д а ч у. Если физикъ всѣ качественныя различія вещей сводитъ на ихъ количественныя отношенія, психологъ,наоборотъ, неизбѣжно останавливается на вопросѣ, почему количественныя отношенія и опредѣленія матеріальной дѣйствительности, отражаясь въ нашемъ сознаніи, и такъ сказать,переводясь на языкъ душевныхъ фактовъ, принимаютъ форму разнообразныхъ и несводимыхъ другъ на друга к а ч е с т в ъ? Вопросъ представляется тѣмъ болѣе труднымъ, что этотъ переводъ на психическій языкъ тѣлесныхъ воздѣйствій совершается н е н а м и, не нашими сознательными усиліями, а дается нашему сознанію уже ГОТОВЫМЪ. Жизнь сознанія н а ч и н а е т с я с ъ наличности въ немъ качественно - опредѣленныхъ и обособленныхъ ощущеній,какъ бы ни были они смутны, и въ содержаніи этихъ ощущеній мы н е в о л ь н ы. Какъ мы уже видѣли,этотъ фактъ оцѣненный во всемъ его значеніи, неизбѣжно побуждаетъ психолога къ преобразованію обычныхъ представленій о веществѣ: онъ вынужденъ предположить въ немъ нѣчто такое, въ чемъ физикъ, въ виду цѣлей своей науки, нужды не чувствуетъ.Употребляя метафизическую терминологію, физикъ можетъ вполнѣ удовлетвориться внѣшнимъ, механико - атомистическимъ возврѣніемъ на матеріальный міръ; психологу

такое воззрѣніе ничего не объясняетъ; онъ невольно долженъ склоняться къ болѣе идеальному, д и н а м и ч е с к о м у или м о н а д о л о г и ч е с к о м у взгляду на тѣлесную реальность; въ немъ неизбѣжно возникаетъ предположеніе о томъ, что элементы вещества, и въ частности элементы нашего живого организма обладаютъ какою то собственною внутреннею жизнію и внутренними стремленіями, причемъ эта жизнь представляетъ нѣкоторую аналогію того, что происходитъ въ нашей сознающей душѣ. Наше сознаніе воспринимаетъ жизнь своего тѣлеснаго организма именно, съ этой ея внутренней стороны. Съ этой точки зрѣнія, сознаніе, въ воспринимаемыхъ имъ ощущеніяхъ или невольныхъ чувствованіяхъ непосредственно отражаетъ психическіе продукты, выработанные за его предѣлами. Какъ иначе объяснить, что жизнь нашего тѣла, да и всего окружающаго насъ міра открывается нашему сознанію и самочувствію вовсе не въ своихъ отвлеченныхъ физическихъ или механическихъ качествахъ, а представляется намъ совсѣмъ въ другомъ видѣ?

Я старался показать вамъ прошлый разъ, какъ тѣсно связанъ со всѣмъ этимъ вопросъ о безсознательной психикѣ человѣка. Въ психологіи - это одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ. А между тѣмъ огромная его важность для психологическихъ изслѣдованій сознается все яснѣе и рѣшительнѣе съ каждымъ годомъ. Роль б е з с о з н а т е л ь н а г о в ъ н а с ъ в ы двигается все болѣе и настойчиво требуетъ себѣ всесторонней оцѣнки. Какъ мы видѣли, безсознательное творчество обнаруживается не только въ разнообразіи нашихъ ощущеній или невольныхъ чувствова-

ній, безсознательная психологическая работа сказывается на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы душевныхъ явленій, какъ бы ни были они сложны и возвышенны. Постоянныя воздѣйствія безсознательной душевной сферы |лучше сказать, н е с о з н а в а е м о й -безсознательная психика, понимаемая въ буквальномъ смыслѣ, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться, есть понятіе противорѣчащее себѣ|, выражаются и въ явленіяхъ памяти, и воображенія, и умственной, и волевой дѣятельности. Если съ одной стороны, изъ нея вырастаетъ бредъ больнаго бѣлой горячкой или жуткія сновидѣнія отравленнаго гашишемъ, то съ другой стороны, изъ нея же исходятъ высшія вдохновенія научнаго, художественнаго и религіознаго творчества. Можно сказать, что сознательные душевные акты до такой степени переплетены съ врывающимися со всѣхъ сторонъ проявленіями безсознательной психической области, что едва ли найдется хотя одинъ изъ нихъ,который совсѣмъ стоялъ бы особнякомъ отъ нея и съ нею не соприкасался.

Это и дѣлаетъ вопросъ объ источникѣ безсознательной психической дѣятельности въ насъ столь интереснымъ и жгучимъ. Я уже указывалъ вамъ одно его рѣшеніе |его видные защитники въ Германіи Дю Прель и Галленбахъ, но основное содержаніе этого взгляда раздѣляютъ нѣкоторые психологи и другихъ странъ, напримѣръ Мейерсъ|. По этому взгляду,наше истинное или высшее Я не открывается нашему сознанію. Сферу сознательной душевной жизни составляютъ

только тѣ психическія явленія, которыя возникли на почвѣ процессовъ нашего мозга и неразрывно съ ними связаны. Поэтому наше сознательное Я есть только призрачное явленіе, оно только эфемерный продуктъ мозга. Напротивъ, наше высшее Я, которое и есть наша настоящая душа, отъ мозга не зависитъ, оно скорѣе является по отношенію къ нему формирующимъ принципомъ. Онъ обладаетъ таинственными способностями ясновидѣнія, тонкой воспріимчивости къ недоступнымъ для нормальнаго чувственнаго воспріятія, даромъ прозрѣнія. Изъ него то и получаетъ наша сознательная сфера безсознательныя психическія образованія.

Я отмѣтилъ вамъ, въ чемъ заключается психологическая несообразность этой довольно фантастической гипотезы. Вѣдь продукты безсознательнаго творчества въ насъ отличаются далеко не равною цѣною они очень различаются по своему качеству. Безсознательная психика вызываетъ безпокойныя думы страдающаго лихорадкой или галлюцинаціей помѣшаннаго, и въ ней же коренится высшее наитіе, посѣщающее геніальныхъ художниковъ и ученыхъ. Изъ нея могутъ получаться результаты самыхъ сложныхъ умственныхъ операцій, и она же порождаетъ элементарныя ощущенія въ ихъ индивидуальныхъ качествахъ. Она внушаетъ намъ высшія движенія нашего духа и изъ нея же всплываютъ физическія ощущенія боли, тошноты или половой похоти. Можно ли всѣ эти явленія приписывать одной причинѣ, - видѣть для нихъ одинъ источникъ, да еще одаренный такими возвышенными способностями и качествами, какія предполагаются въ нашемъ верховномъ Я? Представляется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что въ

нашемъ душевномъ существованіи мы соприкасаемся не съ однимъ центромъ бевсознательной |т.е. несознаваемый для насъ| психической дѣятельности,а съ многими. Повидимому, въ образованіи цѣлаго нашей душевной жизни, кромѣ нашего единаго совнающаго центра, | которое мы сознаемъ и называемъ своимъ Я| участвуютъ и другіе центры, интимно съ нимъ связанные, какъ то отражающіеся въ немъ своими внутренними состояніями и непрерывно пополняющіе то, что въ немъ содержится своими продуктами весьма неравнаго качества. Тогда мы опять придемъ къ тому, съ чего начали, - къ монадологическому пониманію человѣческой природы. Придется сказать такъ: если не во всѣхъ матеріальныхъ вещахъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ организмѣ дана связная множественность психическихъ центровъ |монадъ|. Въ этомъ смыслѣ нужно признать справедливымъ, что психическая жизнь развивается на коллективной основѣ. Но что же это такое центры или монады? Назвать ли ихъ душами мозговыхъ клѣтокъ или даже цѣлыхъ участковъ мозга?Или онѣ относятся къ нашему тѣлесному составу какъ - нибудь иначе? Не будемъ пускаться въ область рискованныхъ гипотезъ. Остановимся лишь на томъ,что представляется дѣйствительно вѣроятнымъ: у физическихъ процессовъ мозга и нервной системы существуетъ какая то очень сложная и при этомъ коллективная,распадающаяся на многіе центры п с и х и ч е с к а я и з н а н к а, и наше сознающее Я, которое есть наша душа или нашъ духовный субъектъ въ тѣсномъ значеніи слова, находится съ этой изнанкой въ постоянномъ соотношеніи и взаимодѣйствіи.

Итакъ, чтобы объяснить внутреннее содержаніе

психической жизни, мы должны измѣнить обычное понятіе о матеріальности бытія и допустить присутствіе въ немъ такихъ сторонъ и данныхъ, съ которыми совсѣмъ не приходится считаться физикамъ. Но что сказать о внѣшнихъ проявленіяхъ психическаго существованія? Особенные законы и свойства психической сферы выражаются ли только въ развитіи чисто внутреннихъ душевныхъ фактовъ, или они, такъ сказать, переливаются за грани чистой субъективности и сказываютъ свое особое видоизмѣняющее и направляющее вовдѣйствіе на ходъ физическихъ событій, поскольку по крайней мѣрѣ въ этотъ рядъ входятъ и наши собственные поступки? И человѣкъ и всѣ другія одушевленныя твари ежедневно совершаютъ безконечное множество внѣшнихъ дѣйствій, и вотъ является вопросъ: одушевленность, играетъ-ли въ этихъ дѣйствіяхъ какую-нибудь прямую роль или она совсѣмъ не причемъ и всѣ дѣйствія одушевленныхъ существъ протекали бы совершенно такъ же какъ и теперь, еслибъ они ничего не думали, ничего не хотѣли и ничего не чувствовали, лишь бы въ ихъ организмахъ происходили бы тѣ же самые физическіе и химическіе процессы, которые происходятъ въ нихъ въ настоящее время? Какъ вы уже знаете, въ современной психологіи существуетъ два взгляда: по очень распространенной теперь гипотезѣ эпифеноменизма или параллелизма |въ этомъ пунктѣ обѣ эти гипотезы совпадаютъ. Ихъ различіе коренится въ другомъ.| всѣ безъ исключенія дѣйствія одушевленныхъ тварей развиваются автоматически, съ механическою необходимостью, въ результатѣ взаимныхъ отношеній матеріальныхъ частей ихъ органовъ между собою, но

безъ всякаго вліянія какихъ то ни было импульсовъ духовнаго порядка. Одушевленныя твари - это лишь тонко устроенныя машины, приспособленныя къ самымъ равнообразнымъ, но всегда м а ш и н а л ь н ы м ъ отправленіямъ. По этому поводу можно вспомнить сравненіе Ланге: если бы существовало два міра, физически совершенно одинаково устроенныхъ, состоящихъ изъ однихъ и тѣхъ же физическихъ частей, но одинъ былъ бы совершенно такимъ, какимъ является нашъ міръ, а въ другомъ не было бы ни мысли, ни чувства....., различались бы между собою эти міры по ходу событій? По Ланге они бы не различались. Люди жили бы въ нихъ одинаково, они также говорили о радостяхъ и страданіяхъ, ссорились бы, спорили, плакали, смѣялись, строили бы города, создавали высокія произведенія искусствъ, не думая, не сознавая, но просто по той механической необходимости, которая заключается и въ насъ, помимо субъективныхъ мотивовъ, протекающихъ въ нашей душѣ |фаталивмъ|. Еще Спиноза выразилъ эту мысль. Ее мы встрѣчаемъ также у Лейбница и даже картезіанца Гоббса. По другому возврѣнію, менѣе распространенному среди психологовъ, но за то гораздо болѣе близкому къ общечеловѣческому взгляду на вещи, наша психическая жизнь - и сознательная и безсознательная, - обнаруживаетъ непосредственное вліяніе на объективныя проявленія нашего бытія и выражается въ тѣхъ или иныхъ нашихъ дѣйствіяхъ сообразно особенностямъ ея внутренняго содержанія. |Мы пишемъ извѣстныя слова потому что они выражаютъ наши мысли. Мы избѣгаемъ опасности, потому что ея боимся. Не будь въ насъ мысли, желанія, страха, мы бы не дѣлали того, что

дѣлаемъ|. Изъ этихъ двухъ воззрѣній, какому принадлежитъ истина?

За первое автоматическое или эпифеноменистическое воззрѣніе говоритъ аргументъ, повидимому весьма важный. Онъ заключается въ ссылкѣ на з а к о н ъ с о х р а н е н і я э н е р г і и. Если этотъ законъ распространенъ на все существующее и представляетъ абсолютную норму всякой причинности, изъ него въ самомъ дѣлѣ вытекаетъ, что каждое физическое явленіе, гдѣ бы оно ни возникало, съ неизбѣжностью производится чисто - физическими причинами и не можетъ зависѣть ни отъ какихъ сверхфизическихъ воздѣйствій. Каждый импульсъ идеальнаго порядка нарушалъ бы балансъ общей энергіи въ природѣ и прибавлялъ бы нѣчто отъ себя къ этой суммѣ силы, которая сообщена вселенной равъ навсегда и мѣняетъ свои формы во всѣхъ вещахъ и тваряхъ съ фатальною неизбѣжностью. Съ этой точки зрѣнія, сознаніе дѣйствительно должно быть только эпифеноменомъ. Но имѣемъ ли мы основаніе приписывать закону сохраненія энергіи смыслъ а б с о л ю т н а г о в а к о н а всякаго бытія вообще? Въ этомъ весьма можно усомниться.

Что такое законъ сохраненія энергіи? Прежде всего это теорема механики. Въ замкнутой системѣ тѣлъ общая сумма энергіи |потенціальной и кинетической| сохраняется неизмѣнною, какія бы формы она ни принимала. Это есть совершенно необходимое слѣдствіе изъ общихъ свойствъ тѣлъ, и прежде всего, изъ ихъ инерціи, нахожденія въ пространствѣ, способности двигаться и вызывать по опредѣленнымъ законамъ

движеніе другъ въ другѣ. Но въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ и н е и з б ѣ ж н а я г р а н и ц а этого закона. Онъ - законъ ч и с т о м е х а н и ч е с к і й. Онъ примѣняется только къ тѣламъ въ виду ихъ совершенно опредѣленныхъ свойствъ. Но если бы тѣла обладали другими свойствами, не было бы мѣста и для закона сохраненія энергіи: положимъ,напримѣръ, что въ данной системѣ тѣлъ нѣкоторыя тѣла не обладаютъ свойствомъ инерціи,а напротивъ, способны сами произвольно начинать и останавливать свое движеніе помимо толчковъ со стороны другихъ тѣлъ | а вѣдь, если природа состоитъ изъ монадъ,высшія монады, души, неизбѣжно окажутся именно въ этомъ положеніи. Абсолютно внутреннюю инерцію можно приписать развѣ самымъ элементарнымъ монадамъ|. Для такой системы законъ сохраненія будетъ только приблизительнымъ обобщеніемъ, вѣрнымъ лишь за вычетомъ тѣхъ уклоненій и нарушеній въ порядкѣ развитія движеній, которыя внесены вліяніемъ самопроизвольности. Это значитъ, что механическій законъ сохраненія энергіи можетъ быть абсолютнымъ закономъ всего существующаго лишь подъ тѣмъ условіемъ,что въ мірѣ никакихъ другихъ дѣятелей,кромѣ инертныхъ тѣлъ, нѣтъ. Но чѣмъ же это доказать? Вѣдь вообще, доказывать абсолютное несуществованіе чего-либо есть самая трудная проблема на свѣтѣ. И въ данномъ случаѣ не наталкиваемся ли мы на фактъ собственнаго душевнаго существованія, которое какъ свести къ чистой инерціи?

Съ другой стороны законъ сохраненія энергіи можно равсматривать, какъ эмпирическое обобщеніе. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ изъ себя за-

конъ эквивалентовъ. Его смыслъ таковъ: когда какая нибудь энергія природы превращается въ другую,то для полученія какого-нибудь количества второй энергіи нужна затрата совершенно опредѣленнаго количества первой. Напримѣръ, чтобы получить единицу теплоты нужно затратить 425 килограммометровъ механической работы. Этимъ опять ставится граница примѣнимости закона сохраненія энергіи. Его можно прилагать только тамъ, гдѣ установлено существованіе эквивалентныхъ отношеній между силами природы. Но, именно поэтому нельзя распространять его въ качествѣ такого эмпирическаго обобщенія на жизнь одушевленныхъ тварей. Физическихъ эквивалентовъ психическихъ явленій еще не найдено. И по всѣмъ признакамъ ихъ и не можетъ быть найдено.Въ этомъ случаѣ приходится имѣть въ виду фундаментальный фактъ психологіи: малыя колебанія въ физическихъ раздраженіяхъ психическихъ явленій, вызываемыхъ ими, не измѣняютъ законъ Вебера;другими словами, однимъ и тѣмъ же психическимъ явленіямъ соотвѣтствуютъ цѣлые ряды физическихъ эквивалентовъ въ извѣстныхъ границахъ. Такимъ образомъ отношеніемъ психической сферы къ физической управляетъ не законъ эквивалентности, а какой-то другой, гораздо болѣе общаго характера.

Что если нельзя привести никакихъ апріорныхъ основаній для теоріи механическаго фатализма, то, съ другой стороны, совершенно ясно,что она не допускаетъ н а у ч н а г о обоснованія: мы такъ мало знаемъ о внутренней природѣ движеній въ нашей нервной системѣ и о матеріальныхъ условіяхъ явленій нашего сознанія, что для мысли о томъ, что въ

нихъ чисто механическая послѣдовательность перемѣнъ не претерпѣваетъ никакихъ, даже самыхъ ничтожныхъ уклоненій, нельзя указать даже никакого подобія дѣйствительныхъ подтвержденій. Итакъ, разсматриваемый взглядъ есть метафизическая гипотеза. Но когда обратимся къ ней съ требованіями умозрительной критики, она обнаруживаетъ внутреннія противорѣчія настолько замѣтныя, что приходится удивляться ея огромной популярности. Она ставитъ себѣ задачу не менѣе трудную, чѣмъ квадратура круга,но при этомъ не рѣшаетъ ея,а заранѣе предполагаетъ разрѣшенною. Какъ мы уже видѣли, механическіе процессы природы никакихъ цѣлей не преслѣдуютъ; они движутся причинами, а не соображеніями о томъ, что изъ нихъ выйдетъ; поэтому между ихъ результатами и какими нибудь идеальными цѣлями можетъ быть только внѣшнее совпаденіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такого совпаденія ничего невѣроятнаго нѣтъ; но какъ представить себѣ такое совпаденіе безконечно разнообразно повторяемымъ во всѣхъ дѣйствіяхъ одушевленныхъ тварей всего земного шара съ незапамятныхъ временъ, если онѣ только простыя автоматы, порожденные слѣпыми стихійными движеніями вещества? Случайность, безконечно повторенная, есть нѣчто безусловно невѣроятное, т.е. прямо нелѣпое. Если намъ кто нибудь разскажетъ, что случайно разбросавъ складныя буквы, онъ получилъ прекрасное стихотвореніе или трогательную повѣсть, мы, не обинуясь, назовемъ его лгуномъ. Но странно: когда та же несообразность возведена въ безконечную степень, она кажетъ намъ почему - то гораздо правдоподобнѣе.

Еще чаще основаніе для происхожденія цѣлесооб-

равныхъ дѣйствій у живыхъ существъ изъ механическихъ отношеній указывается въ законѣ естественнаго подбора и приспособленія къ средѣ: въ данныхъ условіяхъ бытія удерживается только то, что къ нимъ подходитъ и съ ними сообразуется. Принципъ весьма плодотворный въ біологіи провозглашается за начало, способное объяснить все, что есть разумнаго въ вселенной. Но при этомъ забываютъ, что если ему давать такое широкое значеніе, придется отбросить всѣ его частныя толкованія и имѣть въ виду только его прямой отвлеченный смыслъ. А съ этой точки зрѣнія, хотя и можно считать вполнѣ объяснимымъ, почему въ міровомъ процессѣ образованія болѣе прочныя переживаютъ менѣе прочныя; но едва ли мы постигнемъ, почему механизмы, для своего сохраненія нуждающіеся въ безчисленномъ множествѣ цѣлесообразныхъ актовъ, и безъ нихъ погибающіе |а именно таковы всѣ одушевленныя твари|, должны удержаться въ борьбѣ съ механизмами, которые въ такихъ актахъ не нуждаются вовсе? Является вопросъ: если въ основѣ міра кромѣ механическихъ законовъ ничего нѣтъ, почему рядомъ съ мертвою природою возникла живая? Какія причины могли содѣйствовать всестороннему распространенію и развитію столь хрупкаго съ механической точки зрѣнія качества, какъ цѣлесообразность дѣятельности во всѣхъ одушевленныхъ существахъ?

Поясню мою мысль сравненіемъ: если бы люди родились на свѣтъ одѣтыми и съ деньгами въ карманѣ, это, вѣроятно, было бы весьма выгодно въ жизненной борьбѣ; но ни одному самому пылкому дарвинисту никогда не приходило въ голову, чтобы органическое развитіе человѣческаго рода могло привести къ чему ни-

будь подобному. И причина тому совершенно понятна: такое предположеніе противорѣчитъ основнымъ условіямъ органическихъ процессовъ вообще. Но возникновеніе сложныхъ дѣйствій разума, воли и чувства - неужели менѣе противорѣчитъ условіямъ процессовъ матеріальныхъ въ ихъ стихійномъ безсмысліи и равнодушіи къ тому, что порождается ими?

Можно сказать гораздо больше: дарвинизмъ не только не оправдываетъ признанія всѣхъ одушевленныхъ тварей за простые автоматы, - онъ, по всему существу своихъ основныхъ посылокъ, напротивъ, требуетъ положительнаго признанія вліянія психики этихъ тварей на ихъ внѣшнія дѣйствія. Всякая наблюдаемая цѣлесообразность въ организаціи и отправленіяхъ живыхъ существъ въ дарвинизмѣ объясняется ключительно изъ ея п о л е з н о с т и въ борьбѣ за существованіе. Между тѣмъ всеохватывающая внутренняя цѣлесообразность есть коренное свойство нашей психической жизни, |на что уже приходилось подробно указывать|. Она сказывается и въ нашихъ физическихъ чувствованіяхъ, поскольку разрушительныя дѣйствія на организмъ испытываются, какъ страданія, благопріятныя - какъ удовольствія, и въ нашихъ стремленіяхъ и желаніяхъ, поскольку они всегда направляются на наше благо, и въ нашихъ идейныхъ концепціяхъ, поскольку въ нихъ мы имѣемъ или практическія планы нашихъ дѣйствій или теоретическія отраженія отношеній къ намъ окружающаго міра. Откуда же взялась эта цѣлесообразность, если наша психика только бездѣйственный призракъ, никакъ не вліяющій на наше реальное поведеніе? Не все ли равно, будемъ мы страдать или радоваться, мыслить и хотѣть со

смысломъ или безъ всякаго смысла, если изъ этого никакого реальнаго результата не получается,и нашъ организмъ всѣ свои дѣйствія совершаетъ автоматически, по чисто физическимъ причинамъ? Съ этой точки зрѣнія, психика, какъ совершенно излишній привѣсокъ къ нашей организаціи не должна ли постепенно атрофироваться въ эволюціи живыхъ тварей вмѣсто того, чтобы развиваться и утончаться въ своей цѣлесообразности? Итакъ, или дарвинисты правы и всякая цѣлесообразность возникаетъ изъ своей полезности, и тогда сознаніе не только феноменъ,а вполнѣ реальная сила въ мірѣ,или одушевленныя твари только автоматы, и тогда дарвинисты не правы и для цѣлесообразности явленій есть еще какой то источникъ,кромѣ естественнаго подбора.

ЛЕКЦІЯ XVII-я.

Сегодня я перейду къ очерку психическихъ фактовъ, какъ ихъ даетъ намъ нашъ внутренній опытъ. Этотъ очеркъ, въ виду ограниченности остающагося намъ времени, по необходимости выйдетъ довольно сжатымъ. Я даже не могу разсчитывать коснуться всѣхъ отдѣловъ, которые обыкновенно разсматриваются въ описательной психологіи. Поэтому въ видѣ дополненія къ моему курсу, я рекомендовалъ бы вамъ обратиться къ сочиненію Джемса Селли: "Основы общедоступной психологіи". Перев.подъ редакціей Л.Е. Оболенскаго С. Петербургъ 1897 г.

Эмпирическую психологію обыкновенно начинаютъ

съ описанія нашего нервно- мозгового аппарата. Къ сожалѣнію, и въ этомъ пунктѣ я долженъ ограничиться только самыми общими указаніями. Для болѣе детальнаго изложенія у насъ и времени нѣтъ, да оно едва ли было бы возможнымъ и по самому составу наукъ на нашемъ факультетѣ.

Нервы суть чрезвычайно тонкія нити, которыя развѣтвляются по всему нашему тѣлу. Они дѣлятся на м о з г о в ы е и с п и н н ы е. Первые распространяются изъ мозга по головѣ и лицу. Вторые выходятъ изъ спиннаго ствола между позвонками и развѣтвляются по всему организму. Далѣе нервы дѣлятся на ч у в с т в и т е л ь н ы е или приносящія и д в и г а т е л ь н ы е. Первые доставляютъ ощущенія или общія впечатлѣнія, посредствомъ вторыхъ передаются движенія отдѣльнымъ членамъ нашего тѣла. Движеніе въ нашемъ тѣлѣ возбуждается черезъ сокращеніе мускуловъ, которое производятъ н е р в ы.

Главный органъ духа есть безъ сомнѣнія г о л о в н о й м о з г ъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ онъ представляетъ вещество д в о я к о е. Внутренняя его масса бѣлая, окружность состоитъ изъ массы сѣраго цвѣта. Бѣлое вещество слагается изъ волоконъ чрезвычайно тонкихъ; сѣрое - образуется изъ клѣтокъ, переплетенныхъ волокнами| клѣтки это тѣла очень маленькія наполненныя кровью, тѣла, изъ которыхъ выходитъ одинъ, два или болѣе волоконъ. Эти волокна связываютъ клѣтки между собою. Клѣтки считаются центрами нервной силы. Массы сѣраго вещества такимъ образомъ состоятъ изъ нервныхъ центровъ|. Мозговыя клѣтки не только источники нервной силы, они принимаютъ волокна, передающія впечатлѣнія внѣш-

няго міра, и посредствомъ другихъ волоконъ передаютъ эти впечатлѣнія другимъ клѣткамъ. Этихъ клѣтокъ очень много, процессы въ нихъ и между ними совершаются самыя разнообразныя,и потому точно опредѣлить ихъ дѣятельность |взятыхъ всѣхъ вмѣстѣ|до сихъ поръ оказывалось невозможнымъ.

С п и н н о й м о з г ъ состоитъ и з ъ б ѣ л а г о вещества,|въ серединѣ котораго проходитъ с ѣ р ы й слой; черезъ отверстіе въ черепѣ спинноймозгъ сообщается съ головнымъ. Въ немъ соединяются нервы, расходящіеся по всему организму,кромѣ головы. Роль нервовъ состоитъ в ъ п е р е д а ч ѣ в п е ч а т л ѣ н і й. Какъ я уже говорилъ, одни изъ нихъ возбуждаютъ дѣятельность въ центрахъ |чувствительные или приносящіе|. Другіе распространяютъ импульсы возникшіе въ центрахъ по другимъ частямъ организма |двигательные|. Слѣдовательно,роль ихъ служебная. Нервъ, разобщенный съ центромъ,перестаетъ возбуждать ощущенія и двигать.Какого рода измѣненія происходятъ при всѣхъ этихъ процессахъ въ нервахъ и въ нервныхъ центрахъ? Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ ихъ просто въ механическомъ движеніи, другіе предполагаютъ химическіе процессы, слѣдовательно внутреннія измѣненія въ нихъ. Впрочемъ всѣ эти теоріи основаны на догадкахъ.

По этому поводу приходится сказать нѣсколько словъ о психологическомъ значеніи нашихъ физіологоанатомическихъ познаній о строеніи нервной системы. Это значеніе безспорно является громаднымъ для объясненія дѣятельности и особенностей отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ, имѣющихъ свои спеціальные органы|такъ, зрѣніе обусловлено отправленіями глаза, слухъ - уха

и т.д.|. Изученіе формы состава и функцій нашихъ чувствующихъ органовъ объясняетъ очень многое въ порождаемыхъ ими ощущеніяхъ. Мы знаемъ психологическое значеніе чуть не каждой подробности въ нихъ |напримѣръ, относительно глаза, - мы знаемъ,что въ немъ вызываетъ наше воспріятіе свѣта и цвѣтовъ,чѣмъ въ немъ обусловливается ясность нашихъ воспріятій, отъ чего зависитъ опредѣленность видимыхъ нами формъ и очертаній, чѣмъ вызывается непосредственное сознаніе разстоянія предметовъ отъ насъ и т.д.По болѣзненнымъ измѣненіямъ въ глазу, мы можемъ детально предсказывать, что послѣдуетъ съ зрѣніемъ|. Совсѣмъ другое приходится сказать объ отношеніи того, что мы знаемъ о строеніи нашего мозга, къ психической жизни въ ея цѣломъ, особенно къ ея внутреннимъ процессамъ представленія,мысли,чувства и воли.Здѣсь, по общему признанію, все оказывается покрытымъ непроницаемою тьмою, за исключеніемъ немногихъ разрозненныхъ пунктовъ, установленныхъ отдѣльными наблюденіями. |Напримѣръ, по вопросу о локализаціи отдѣльныхъ психическихъ функцій.| Мы еще очень плохо знаемъ детальный строй элементовъ мозга, - еще менѣе знаемъ о внутренней природѣ происходящихъ въ ней процессовъ. О томъ, чѣмъ и какъ устанавливается предполагаемый параллелизмъ душевныхъ и физіологическихъ явленій, мы также не имѣемъ никакого яснаго понятія. Какъ я уже говорилъ раньше, дѣло обыкновенно ограничивается созданіемъ условныхъ и произвольныхъ схемъ, цѣль которыхъ - дать внѣшнее наглядное изображеніе основнымъ свойствамъ душевной жизни: ея внутреннему единству и связи при огромномъ разнообразіи и сложности ея отдѣльныхъ проявленій.

Одна изъ самыхъ обычныхъ схемъ состоитъ въ уподобленіи мозга очень сложной системѣ, какъ бы телеграфическихъ аппаратовъ соединенныхъ между собою въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ безчисленными проволоками. Этой схемѣ дѣйствительно соотвѣтствуетъ тотъ фактъ, что возбужденіе одной какой-нибудь клѣтки мозга тотчасъ же отражается на множествѣ другихъ, и что, съ другой стороны, каждый отдѣльный психическій фактъ, однажды попавъ въ сознаніе, такъ сказать, тянетъ въ него за собою другіе факты. Однако эта схема, имѣющая несомнѣнное достоинство простоты и наглядности, не нашла себѣ дѣйствительнаго оправданія въ изслѣдованіи фактовъ. Произошло даже нѣчто противоположное: по послѣднимъ научнымъ открытіямъ, мозгъ оказался еще гораздо болѣе сложнымъ и капризно устроеннымъ цѣлымъ, чѣмъ думали прежде. Что особенно было неожиданнымъ, - въ немъ не оказалось такого интимнаго единенія между отдѣльными центрами, какое всегда предполагалось ранѣе. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучительна теорія н е й р о н о в ъ въ ея примѣненіи къ составу мозга. По первымъ изслѣдованіямъ о нихъ совсѣмъ представляюсь рѣшеннымъ, что нейроны, изъ которыхъ мозгъ состоитъ, суть какъ бы совершенно обособленныя и отдѣльныя другъ отъ друга единицы, своими прихотливыми развѣтвленіями и исходящими изъ нихъ нитями лишь внѣшнимъ образомъ соприкасающіяся между собою и никогда не переходящія другъ въ друга. Теперь между отдѣльными группами нейроновъ установлена болѣе тѣсная внутренняя связь. Но все же картина жизни мозга является гораздо болѣе загадочной, даже, повидимому, безпорядочной и хаоти-

ческой, чѣмъ полагали раньше. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только взглянуть на анатомическую карту микроскопическаго строенія мозга. Вотъ краткія замѣчанія о нервно- мозговой системѣ, которыми я ограничусь.

Психологію принято начинать съ отдѣла объ о щ у щ е н і я х ъ: такой порядокъ изложенія представляется совершенно естественнымъ. Наличностью ощущеній въ прошломъ и настоящемъ обусловливаются всѣ другіе факты психическаго существованія. Мы совсѣмъ не въ состояніи вообразить себѣ изъ чего могла бы слагаться психическая жизнь, пока въ душѣ абсолютно не возникло еще ни одного ощущенія. Всѣ наши представленія, мысли, желанія, чувства вырастаютъ на почвѣ или прямо полученныхъ или переработанныхъ ощущеній, въ этомъ безспорная истина психологіи. Хотя, какъ увидимъ дальше, это далеко не значитъ, что всѣ другіе акты духа суть только преобразованныя ощущенія |какъ думаютъ сенсуалисты| и ничего больше, тѣмъ не менѣе точкой отправленія для всѣхъ проявленій нашей психической жизни остаются все таки ощущенія.

Что же такое ощущеніе? Это понятіе можно опредѣлить такъ: ощущеніе есть элементарное душевное состояніе, вызванное возбужденіемъ приносящаго нерва послѣ того, какъ это возбужденіе было передано мозговымъ центрамъ. |Напримѣръ, въ зрѣніи: свѣтъ упалъ на сѣтчатку, это вызвало возбужденіе зрительнаго нерва, оно передалось мозговымъ центрамъ и въ отвѣтъ на этотъ физическій процессъ въ

душѣ возникло ощущеніе свѣта|.

По этому поводу я опять долженъ напомнить,что физическій процессъ въ нервѣ и нервныхъ центрахъ не есть прямая и исчерпывающая причина ощущенія. Ощущеніе есть п с и х и ч е с к і й продуктъ съ своими особыми свойствами, которыхъ ничто физическое не имѣетъ, и, наоборотъ, не обладающій никакими физическими свойствами. Итакъ оно не можетъ быть просто продолженіемъ или завершеніемъ физическаго процесса. Но съ другой стороны должна же быть какая нибудь причина для него во всѣхъ особенностяхъ его п с и х и ч е с к о й природы,- вѣдь на свѣтѣ нѣтъ продуктовъ безпричинныхъ. Какъ я уже указывалъ,источника ощущеній въ ихъ качественной опредѣленности приходится искать въ несознаваемой или бевсознательной психической области. Можно ли на это возразить, что оба эти объясненія можно вполнѣ совмѣстить между собой? Станемъ на точку зрѣнія монадологіи, допустимъ, что каждый атомъ вещества одаренъ внутреннею жизнію,нѣкоторою рудиментарною психикою, и что физическіе процессы представляютъ только внѣшнюю видимость переживаемыхъ атомами чисто внутреннихъ перемѣнъ. Нельзя ли и тогда объяснить наше ощущеніе просто какъ отраженіе психическихъ состояній атомовъ нашего мозга, которыя составляютъ внутреннюю подкладку и внутреннюю суть ихъ движеній, а тогда не выйдетъ ли,что наше ощущеніе есть именно продуктъ д в и ж е н і я въ его настоящихъ, внутреннихъ качествахъ.

Однако такое объясненіе невозможно признать достаточнымъ или даже вообще умѣстнымъ. Его главный смыслъ въ томъ, что при немъ неизбѣжно при -

дется ограничиться только п с и х и к о й а т о м о в ъ: вѣдь всякій физическій процессъ составляетъ сумму движеній входящихъ въ него атомовъ и ничего болѣе. Между тѣмъ психика атомовъ для насъ абсолютно закрыта; мы можемъ дѣлать о ней разныя предположенія, - всегда поневолѣ не ясныхъ, - мы никогда ее не воспринимаемъ. И все, что мы можемъ здѣсь предположить, заставляетъ думать о радикальномъ, недопускающемъ никакихъ сравненій, различій психики атомной и психики человѣческой. Вѣдь въ атомы можно допустить лишь на столько психики, чтобы она не противорѣчила ихъ основнымъ свойствамъ - и н е р т н о с т и и совершенному равнодушію къ формамъ сложныхъ твореній въ которыя они попадаютъ, -они движутся съ математическою неизбѣжностью туда, куда ихъ толкаетъ внѣшняя сила, что бы изъ этого ни получилось для нашихъ формъ природы. Между тѣмъ наша чувствующая способность, какъ мы уже видѣли далеко не отличается такимъ безразличіемъ къ тому, что съ нами дѣлается. Итакъ, если даже атомы и обладаютъ психикой, въ нашихъ ощущеніяхъ мы воспринимаемъ н е е е . Между нашимъ сознаніемъ и ею лежатъ какія-то посредствующія звенья, и если она въ чемъ - нибудь отражается, то развѣ въ нихъ, а никакъ не въ нашемъ сознающемъ духѣ. Въ нашемъ сознаніи, повидимому, отражается только внутренняя жизнь этихъ посредствующихъ центровъ, - быть можетъ, даже только самыхъ высшихъ между ними, потому что даже самыя элементарныя состоянія нашей сознательной души уже обладаютъ высокой сложностью. Лейбницъ, создатель монадологической теоріи, училъ, что каждый организмъ имѣетъ централь-

ную монаду, которая есть его душа,но что при этомъ и каждая часть организма обладаетъ въ свою очередь центральною монадою, которая одушевляетъ ее. Въ примѣненіи къ мозгу и нервной системѣ это значило бы, что каждый нервный центръ обладаетъ какъ бы элементарною душою, - и что,можетъ быть,цѣлые участки головного мозга имѣютъ свои особые внутреннiе психическiе центры.|Эта гипотеза въ общемъ не такъ фантастична, какъ кажется. Наука все болѣе убѣждается въ коллективномъ характерѣ жизни организмовъ. Нейроны,напримѣръ, сопоставляются по ихъ свой - ствамъ и отправленіямъ съ амебами, т.е. съ низшими животными|. Должны ли мы въ объясненіи явленій безсознательной психики признать такую множественность души въ человѣческомъ организмѣ, или достаточно предположить одинъ несознаваемый центръ душевной дѣятельности въ насъ, такъ сказать,одну душу, болѣе интимно связанную съ тѣломъ, нежели нашъ сознательный духъ, получающій въ своемъ самочувствiи довольно суммарныя и разровненныя показанія о тѣлесныхъ состояніяхъ? Или обѣ гипотезы можно соединить вмѣстѣ и, въ виду однородности и формальности порожденій безсознательной психики,признать рядомъ съ множественностью ея частныхъ центровъ внутренно связующій ихъ одинъ общій центръ, однако отъ нашего Я отличный? Все это очень темные вопросы. Одно достовѣрно: въ непосредственномъ сознаніи раздвоенія нашего существа на духъ и тѣло, непосредственнымъ объектомъ при воспріятіи этого послѣдняго служитъ не потокъ атомовъ, постоянно входящихъ въ организмъ и выходящихъ изъ него,-все

равно съ ихъ внутренней или внѣшней стороны, - а что то болѣе близкое къ намъ по своему психическому содержанію.

Въ ощущеніяхъ различаются три свойства: качество, сила, и тонъ.Подъ качествомъ разумѣется данное въ нихъ содержаніе, которымъ ощущенія одного чувства отличаются отъ ощущеній другого чувства или которымъ ощущенія одного и того же чувства различаются между собою. Это есть то особое, что въ нихъ дается сознанію. Звукъ не похожъ на запахъ, ощущенія зрѣнія не похожи на ощущенія обоянія. Чѣмъ они различаются, этого нельзя логически опредѣлить, это нужно прямо испытать и пережить. Точно также ощущеніе краснаго цвѣта не похоже на ощущеніе зеленаго и т.д. Слѣдовательно, к а ч е с т в о м ъ ощущенія называется, напримѣръ, к р а с н о т а краснаго цвѣта, ж е л т и з н а желтаго, данная высота звука, ощущаемая особенность даннаго запаха и т.д.

Укажу еще и на то, какъ трудно передать качество ощущенія не испытавшему его человѣку. Никакими усиліями нельзя дать понять слѣпому, что значитъ видѣть. Онъ станетъ прибѣгать къ аналогіямъ, станетъ сближать ощущеніе зрѣнія съ другими, извѣстными ему ощущеніями, но все это будетъ насъ убѣждать только въ полной несостоятельности его пониманія. Или для людей, страдающихъ дальтонизмомъ, понять, въ чемъ заключается сущность того цвѣта, который мы видимъ, конечно, совершенно невозможно.

Т о н о м ъ ощущенія называется его эмоціональная сторона, присущій ему оттѣнокъ пріятности

или непріятности, - иначе сказать, неразрывная съ самимъ ощущеніемъ реакціи на него, положительная или отрицательная. Замѣчательно, что эта реакція воспринимается нашимъ сознаніемъ такъ же непосредственно и пассивно, какъ и само ощущеніе и составляетъ одно съ этимъ ощущеніемъ. Для нашего глаза можетъ быть пріятенъ данный цвѣтъ или сочетаніе цвѣтовъ; для нашего уха можетъ быть мучителенъ данный звукъ или сочетаніе звуковъ. Тонъ особенно преобладаетъ въ ощущеніяхъ низшихъ чувствъ - обоянія, вкуса и болѣе всего въ такъ называемыхъ органическихъ| боль, недомоганіе, или, наоборотъ,внутренняя легкость и т.д.| Въ иныхъ случаяхъ тонъ даже составляетъ все ихъ содержаніе. Безчисленныя цвѣта видимой природы представляются для нашей оцѣнки совершенно безразличными. Но значитъ ли это, что такъ было съ самаго начала? Въ началѣ мы всегда имѣемъ дѣло съ нѣкоторой окраской, которая сглаживается подъ вліяніемъ привычки. Я, напримѣръ, знаю много примѣровъ, когда первое впечатлѣніе, вынесенное изъ анатомическаго театра, бывало настолько сильно, что молодые люди никакъ не могли его въ себѣ побѣдить,и только по этой причинѣ бросали занятія на медицинскомъ факультетѣ. Но понаблюдайте за студентомъ медикомъ II-го, III-го курса, и вы убѣдитесь, что первоначальное чувство брезгливости и отвращенія атрофировалось въ немъ съ теченіемъ времени и что онъ совершенно спокойно работаетъ надъ разлагающимся трупомъ.

Подъ с и л о ю ощущенія разумѣется его напряженность или степень развитія присущихъ ему качествъ. Одно и тоже въ качественномъ смыслѣ ощу-

щеніе можетъ имѣть разныя степени| Сила и слабость свѣта| яркость, сила и слабость звука и т.д.|спрашивается, - при количественномъ измѣненіи не мѣняется ли до нѣкоторой степени и качество, особенно если имѣть въ виду эмоціональную сторону. Иногда оно измѣняется самымъ рѣзкимъ образомъ. Это безспорно|. Сила ощущенія зависитъ отъ величины внѣшняго раздраженія: чѣмъ сильнѣе раздраженіе, тѣмъ сильнѣе ощущеніе и наоборотъ.|Когда рядомъ съ одной свѣчей зажжемъ другую, ощущеніе свѣта усилится, въ зависимости отъ дѣйствія свѣта на сѣтчатку нашихъ глазъ|.

При этомъ однако нужно обратить вниманіе на очень важный фактъ: ощущенія увеличиваются неравномѣрно съ усиленіемъ раздраженій, но значительно медленнѣе ихъ.|Если къ одной свѣчѣ прибавимъ другую, ощущеніе замѣтно измѣнится; но если одну свѣчу прибавимъ къ 20, - никакого замѣтнаго измѣненія, безъ сомнѣнія, не произойдетъ. Если къ фунту, положенному на руку, прибавить еще фунтъ, -это самымъ рѣшительнымъ образомъ увеличитъ наше ощущеніе тяжести. Если же фунтъ прибавить къ пуду, - это измѣненіе, навѣрное, пройдетъ незамѣченнымъ. А между тѣмъ раздраженіе во всѣхъ этихъ случаяхъ прибавилось такое же|. Наблюдая подобные факты, Веберъ и Фэхнеръ установили особый законъ зависимости ощущеній отъ раздраженій: въ то время, когда раздраженіе растетъ въ геометрической прогрессіи |т.е. въ порядкѣ 2, 4, 8, 16, 32 и т.д.|, ощущеніе увеличивается только въ ариѳметической прогрессіи| въ порядкѣ 2, 4, 6, 8, 10, 12 и т.д.|.

Я уже указывалъ вамъ на отмѣченную нѣкоторыми психологами существенную особенность этого зако-

на: онъ имѣетъ прерывный характеръ. Ощущеніе не ростаетъ постепенно вмѣстѣ съ постепеннымъ ростомъ раздраженія| хотя бы и медленнѣе, - оно мѣняется, такъ сказать,скачками. Нужна о п р е д ѣ л е н н а я прибавка къ прежнему раздраженію, чтобы ощущеніе измѣнилось; пока оно меньше, ощущеніе остается прежнимъ. Это значитъ, что ощущеніе н е м ѣ н я е т с я, когда раздраженіе мѣняетъ самыя разнообразныя величины въ извѣстныхъ предѣлахъ. Изъ этого вытекаетъ неизбѣжная неточность нашего чувственнаго воспріятія, коренящееся въ самой природѣ чувствующей способности. Съ этимъ далѣе,какъ я уже указывалъ, связанъ болѣе общій фактъ душевной жизни: никакія измѣненія въ нашемъ физическомъ организмѣ не отражаются въ нашей психикѣ сполна и въ своемъ непрерывномъ развитіи: въ ней отмѣчаются только рѣзкія и значительныя перемѣны въ организмѣ |это относится и къ мозгу и къ нервной системѣ| . Душевная жизнь на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ идеей физіологическаго процесса,какъ напримѣръ думалъ Спиноза.

ЛЕКЦІЯ XVIII-я.

Въ прошлой лекціи мы разсмотрѣли общія свойства ощущеній |качество, сила, тональность|,опредѣляющія усвояемое въ нихъ содержаніе и отношеніе этого содержанія съ вызывающимъ наши ощущенія внѣшнимъ стимуламъ. Но для того, чтобы ощущеніе было дѣйствительно дано намъ и нами усвоено, необходима усвояющая дѣятельность нашего сознанія или

нашейсознающей силы: данное содержаніе ощуще - ній - ихъ качество и тонъ, - зависитъ не отъ насъ, оно заготовлено гдѣ - то помимо всякой нашейсознательной работы, мы получаемъ его пассивно; но во всякомъ случаѣ мы его п о л у ч а е м ъ, оно ежесекундно усвояется въ міръ нашего сознанія съ каждымъ новымъ впечатлѣніемъ, - это подразумѣваетъ извѣстную реакцію сознательной сферы нашего духа на воздѣйствующій на нее матеріалъ. Поэтому рядомъ съ вопросами о свойствахъ самихъ ощущеній, приходится поставить другой: о б ъ у с л о в і я х ъ с о з н а в а е м о с т и ощущеній. Каковы же они ?

I| Самымъ первымъ и общимъ такимъ условіемъ, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, является присущая нашему духу с и л а с и н т е з а. Ничто не сознается нами, - будь это ощущеніе или какой нибудь другой видъ психическихъ явленій, - безъ послѣдовательнаго и одновременнаго синтеза даннаго въ немъ содержанія. То, что въ самомъ ощущеніи является какъ послѣдовательный рядъ моментовъ его развитія, или какъ одновременные, но различные и даже раздѣльные его элементы, объединяется и сливается сознаніемъ въ о д и н ъ психическій фактъ. |Напримѣръ, каждое ощущеніе, чтобы достигнуть ясности, должно пройти сложный процессъ внутренняго роста - отъ непосредственнаго толчка въ сознаніи, при которомъ мы совершенно не можемъ отдать себѣ отчета, что именно въ немъ случилось, когда такъ сказать, ощущеніе впервые ворвалось въ наше сознаніе, - до полной качественной, тональной и интенсивной опредѣленности - между тѣмъ сознаніе воспри-

нимаетъ о д н о ощущеніе, хотя и замѣчаетъ его дѣятельность. Или воспринимая глазами какой-нибудь цвѣтной предметъ опредѣленной формы, мы имѣемъ въ сознаніи одинъ нераздѣльный фактъ; между тѣмъ психологически мы имѣемъ при этомъ двѣ группы ощущеній |зрительныхъ и мускульныхъ| совершенно различныхъ по качеству и раздѣльныхъ по происхожденію |разные нервы|. Въ особенности важнымъ представляется синтезъ послѣдовательныхъ моментовъ ощущенія: на немъ, какъ на корнѣ, зиждется всякая усвояющая дѣятельность сознанія вообще. А между тѣмъ, какой загадочный и даже таинственный фактъ представляетъ изъ себя этотъ синтезъ. Вспомнимъ только| о чемъ уже приходилось говорить много разъ| что когда ощущеніе достигло извѣстной стадіи развитія,всѣ предшествующія его стадіи уже протекли, и въ ощущеніи самомъ по себѣ дано только то, что относится къ переживаемому недѣлимому мгновенію. Но мы знаемъ уже, что ничто дѣйствительно мгновенное, въ сознаніе попасть не можетъ: нами только то сознается, что хотя сколько-нибудь длится. Что же выходитъ? Сознаніе, чтобы усвоить какое - нибудь ощущеніе, должно къ существующему |т.е. теперь данному| приложить не существующее уже протекшее|. Можно сказать больше: вѣдь и то, что сейчасъ дано, сознаніе усвояетъ вовсе не абсолютно мгновеннымъ актомъ, - ничего абсолютно мгновеннаго въ сознаніи вообще нѣтъ; а это значитъ, что каждый моментъ ощущенія сталъ уже прошлымъ |протекъ|, когда онъ сознанъ. Такимъ образомъ получается, что наше наличное сознаніе всегда имѣетъ дѣло съ прошлымъ, а не съ настоящимъ нашихъ ощущеній. Въ этомъ заключается самое рѣши-

тельное основаніе, чтобы н е о т о ж д е с т в л я т ь сознанія съ ощущеніемъ, къ чему склоняются нѣкоторые психологи. Ощущенія - только матеріалъ для синтезирующей дѣятельности духа, въ которой лежитъ коренной двигатель всякаго сознанія вообще. И нельзя не отдѣлить существенной особенности этого матеріала: самъ по себѣ онъ уже весь обратился въ ничто, когда сознаніе надъ нимъ оперируетъ |прстекшіе моменты ощущенія прошли, - ихъ нѣтъ|. По этому поводу приходится указать совершенно общій психологическій законъ: усвоеніе сознаніемъ чего бы ни было, - ощущеній, представленій, образовъ воспоминанія, чувствъ, - представляетъ совершенно своеобразную и ни съ чѣмъ несравнимую дѣятельность удержанія того, что прошло, въ реальномъ настоящемъ.

Итакъ, сознаніе ощущеній предполагаетъ усвояющую дѣятельность сознающаго субъекта. Мы не бываемъ абсолютно пассивными даже и въ нашихъ ощущеніяхъ. Активность духа въ отвѣтъ на воздѣйствія извнѣ сказывается на всѣхъ ступеняхъ психическаго существованія. Отъ этого значенія психической активности вообще зависитъ роль нѣкоторыхъ болѣе спеціальныхъ проявленій душевной дѣятельности при сознаваніи ощущеній.

2| Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести с о с р е д о т о ч е н і е в н и м а н і я, которое слѣдуетъ разсматривать какъ в т о р о е условіе сознаваемости ощущеній. Что такое вниманіе? Вмѣстѣ съ Дж. Селли, я думаю, что вниманіе наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ можно опредѣлить такъ: вниманіе есть активное самонаправленіе души на мате-

ріалъ или предметъ, представляющійся ей въ данную минуту. Черевъ это понятіе вниманіе сближается съ понятіемъ сознанія вообще: вѣдь и сознаніе можно опредѣлить, какъ самообращеніе души къ открывающемуся ей содержанію. Однако различіе между этими двумя понятіями въ томъ, что поле вниманія у ж е поле сознанія. Въ нашемъ сознаніи въ каждый данный моментъ находится множество вещей, которыхъ мы не дѣлаемъ предметомъ вниманія. Вниманіе есть напряженное обращеніе сознанія въ какую - нибудь опредѣленную сторону, или сосредоточеніе душевнаго взора на какой - нибудь опредѣленной части душевнаго поля зрѣнія. При равныхъ остальныхъ условіяхъ, ощущенія наши тѣмъ сильнѣе и ярче выступаютъ въ нашемъ сознаніи, чѣмъ болѣе мы къ нимъ внимательны, - они тѣмъ болѣе слабы и тусклы, чѣмъ менѣе наше вниманіе останавливается на нихъ. Такимъ образомъ тутъ наблюдается прямая пропорціональность: тамъ, гдѣ не будетъ абсолютно никакого вниманія, тамъ не окажется никакихъ ощущеній|значеніе вниманія часто подтверждается въ жизни: полученныя въ пылу сраженія раны часто не ощущаются до конца боя. По этому поводу отмѣтимъ общій фактъ: при отвлеченіи вниманія въ сторону колличество страданій уменьшается. Этимъ объясняется, напримѣръ, уничтожающее вліяніе сильныхъ потрясеній на боль |головы, зуба . . .|.Подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія люди перестаютъ испытвать самыя мучительныя чувства. Причина эта лежитъ во власти гипнотизера надъ вниманіемъ и волей субъекта. Это особенно видно изъ того, что внушеніе нерѣдко можетъ

замѣнить хлороформъ даже при самыхъ мучительныхъ операціяхъ. Напротивъ, напряженное сосредоточеніе вниманія на опредѣленной группѣ ощущеній дѣлаетъ насъ чрезвычайно чувствительными къ малѣйшимъ колебаніямъ въ нихъ. Таково, напримѣръ, изощреніе слуха въ темнотѣ, когда испуганный начинаетъ прислушиваться.

То, что онъ сейчасъ слышалъ съ чрезвычайной отчетливостью, при другихъ условіяхъ прошло бы незамѣченнымъ для сознанія. Въ связи съ этимъ находится и огромное развитіе болѣзненнаго самочувствія у людей мнительныхъ, - ипохондрики суть постоянные страдальцы, хотя бы у нихъ и не было никакихъ физическихъ болѣзней, потому что напряженно воспринимаютъ ощущенія, которыя бы не замѣтили въ другомъ случаѣ.

3| Обращая вниманіе на какое нибудь ощущеніе, мы тѣмъ самымъ выдѣляемъ его изъ среды другихъ, сложныхъ съ нимъ и воспринимаемыхъ съ нимъ одновременно. Это выдѣленіе психологически подразумѣваетъ р а з л и ч е н і е даннаго ощущенія въ его особенностяхъ ото всѣхъ другихъ ощущеній. Этимъ дается условіе сознаваемости ощущеній - р а з л и ч а ю щ а я с п о с о б н о с т ь. Испытывать отчетливое опредѣленное ощущеніе - значитъ р а з л и ч а т ь его отъ другихъ ощущеній. Ощущеніе тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе оно отлично отъ всего съ нимъ сходнаго, оно тѣмъ болѣе тускло, чѣмъ менѣе мы способны уловить его различія отъ ощущеній смежныхъ - здѣсь ясность и различіе идутъ рука объ руку. Гдѣ никакихъ пунктовъ различія для сознанія не дано, тамъ никакихъ

опредѣленныхъ ощущеній нѣтъ. Вообще область познанія кончается тамъ, гдѣ различать совсѣмъ нечего. Въ этомъ отношеніи способность сознанія и способность различенія вполнѣ совпадаютъ между собою.

4| Однако направленіе вниманія на какое - нибудь ощущеніе ведетъ не къ одному его различенію отъ другихъ. Выдѣляя данное ощущеніе изъ среды другихъ ощущеній, мы тѣмъ самымъ устанавливаемъ его особое содержаніе, такъ сказать, узнаемъ это содержаніе во всемъ, что оно имѣетъ характернаго. Потомъ, когда это ощущеніе повторится|положимъ мы вторично услыхали поразившій насъ и хорошо запомненный нами звукъ|оно узнается нами, т.е. мы отождествляемъ его съ прежнимъ ощущеніемъ. Если новое ощущеніе только однородно съ прежнимъ, но не представляетъ съ нимъ полнаго тождества, мы все таки останавливаемся внутреннимъ дѣйствіемъ вниманія на томъ, что въ нихъ есть одинаковаго, т.е. усматриваемъ сходство между ними. Въ отожествляющей способности нашего духа заключается четвертое условіе сознаваемости ощущеній. Все наше умственное развитіе зависитъ отъ этой коренной способности уподобленія новыхъ матеріаловъ старымъ.

Въ этой органической и нерасторжимой связи между силой вниманія и способностью различенія и отожествленія заключается великая особенность психики, подымающая ее надъ всѣми возможными физическими аналогіями. Физическая природа знаетъ только одно дѣленіе, - механическое дѣленіе даннаго кон-

крентнаго цѣлаго на столь же конкретныя части, которыя неизбѣжно оказываются меньшими, чѣмъ то цѣлое, которое онѣ составляютъ. Въ душевной жизни непрерывно совершается и д е а л ь н о е дѣленіе конкретныхъ цѣлыхъ на ихъ общіе признаки, которые обладаютъ гораздо болѣе универсальнымъ характеромъ, чѣмъ эти цѣлыя, имѣютъ несравненно болѣе широкій логическій объемъ и въ этомъ смыслѣ б о л ь ш е составляемыхъ ими цѣлыхъ. Путемъ различенія и отожествленія мы въ каждомъ данномъ единичномъ предметѣ выдѣляемъ всѣ виды и роды, къ которымъ онъ принадлежитъ, всѣ самыя общія свойства и начала, которыя одинаково присутствуютъ во всѣхъ вещахъ міра. Физическое дѣленіе не даетъ ничего подобнаго.

Теперь перейдемъ къ вопросу объ отдѣльныхъ группахъ ощущеній.

Они распадаются на нѣсколько совершенно опредѣленныхъ группъ. Психологи много разъ пытались установить эти группы. Аристотель, имѣвшій преимущественно въ виду того, что даютъ ощущенія для познанія внѣшней природы и потому обращавшій главное вниманіе на внѣшнія чувства, раздѣлилъ ихъ на 5 видовъ I|зрѣніе, 2| слухъ, 3| обоняніе, 4| вкусъ и 5| осязаніе. Послѣ него долго держались убѣжденія, что этимъ дѣленіемъ исчерпываются всѣ ощущенія. Только въ сравнительно недавнемъ прошломъ англійская психологія измѣнила этотъ взглядъ, дополнивъ указанныя группы еще 2-мя категоріями ощущеній: I| Ощущеній органическихъ и 2| Ощущеній мускульныхъ.

О р г а н и ч е с к и м и ощущеніями называются ощущенія, вызываемыя внутренними состояніями на-

шего организма. Нервы распространены по всему тѣ-ку. Поэтому ото всѣхъ его частей мы получаемъ впечатлѣнія, особенно при нарушеніи ихъ нормальной жизни. Такого рода ощущенія мы получаемъ во I-хъ отъ самой нервной системы. Нервы, возбуждая въ душѣ представленія внѣшнихъ вещей, кромѣ того возбуждаютъ ощущеніе ихъ собственнаго состоянія. Таково чувство утомленія свойственное всѣмъ нервамъ |можно устать смотрѣть, слушать, думать и т.д.|. Иногда состояніе нервной системы возбуждаетъ ощущеніе остраго страданія |невралгія|. Во 2-хъ нервы даютъ знать объ общемъ состояніи всего организма или его частей. Сюда относятся I| б о л ѣ з н и и поврежденія |раны|, вызывающія очень тяжелыя ощущенія. 2| Ненормальное, несообразное назначенію состояніе органа, хотя бы и здороваго. |Чувство удушья, голода или жажды|. 3| Пріятное ощущеніе свѣжести, здоровья при полной, но не чрезмѣрной дѣятельности всѣхъ органовъ.

Эти ощущенія даютъ очень мало для познанія внѣшняго міра. Но имъ принадлежитъ большое субъективное значеніе. -

Гораздо болѣе существенную роль въ нашемъ познаніи играютъ о щ у щ е н і я м у с к у л ь н ы я, къ объясненію которыхъ мы теперь обратимся.

Всякій мускулъ нашего тѣла состоитъ изъ тонкихъ фибръ |клѣтокъ| веретенообразной формы. Каждая такая клѣтка способна с о к р а щ а т ь с я подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія, т.е. умножаться въ длину и увеличиваться въ толщину, въ зависимо-

сти отъ нерва, который развѣтвляется въ мускулѣ. Въ этомъ основное свойство всѣхъ мускуловъ.

Мускульные нервы доставляютъ ощущенія 2-хъ родовъ. Ощущенія органическаго состоянія мускула. Они собственно, однородны съ ощущеніями органическими и могутъ быть прямо отнесены къ этой категоріи. Сюда относятся, напримѣръ, боль при пораненіи мускула, боль отъ судорогъ, ощущеніе утомленія.

Но не въ этихъ чувствованіяхъ заключается важность мускульныхъ ощущеній для познанія внѣшняго міра. Мускульныя ощущенія опредѣляютъ признаки объективныхъ вещей двоякимъ путемъ: Во I-хъ, только посредствомъ ихъ мы получаемъ понятіе о в н ѣ ш н е й с и л ѣ, которая на насъ дѣйствуетъ, о ея напряженіи, о сопротивленіи и т.п. Всѣ другія чувства по отношенію къ мускульному играютъ развѣ только вспомогательную роль.

Мускульныя ощущенія качественно не различаются между собою. Ощущеніе сокращенія мускуловъ руки или ноги болѣе однородны, чѣмъ напримѣръ растительныя ощущенія. Мы сознаемъ ихъ въ различныхъ м ѣ с т а х ъ, но самыя ощущенія тѣ же. Однако мускульныя ощущенія имѣютъ одно великое преимущество: посредствомъ ихъ мы можемъ замѣтить самыя тонкія различія въ напряженіи мускуловъ. Напряженіе является когда мы двигаемъ предметъ о ч е н ь л е г к і й; но мы его испытываемъ и тогда, когда предметъ тяжелъ и требуетъ для своего движенія значительныхъ усилій съ нашей стороны. И въ первомъ и во второмъ случаѣ ощущенія глубоко различаются по

своей степени. Различіе усилій рѣзко сознается нами. Итакъ, что же дается мускульными ощущеніями? Чрезвычайно важнымъ результатомъ является то,что мы сознаемъ различіе въ степеняхъ у с и л і я. А поэтому каждое отдѣльное мускульное ощущеніе даетъ познаніе о нѣкоторомъ у с и л і и. Но чтобы сознавать у с и л і е, надо въ то же время сознавать, что есть нѣчто ,ему противостоящее, - другими словами - надо сознавать сопротивленіе. Сознаніе усилія есть въ то же время сознаніе сопротивленія ему - одно подразумѣваетъ другое.Это двѣ различныя стороны одного психическаго акта. Въ этойособенности мускульныхъ ощущеній, въ ихъ свойствѣ давать идею о с о п р о т и в л е н і и н а м ъ внѣшнихъ вещей состоитъ ихъ главное значеніе. Безъ нихъ мы не могли бы непосредственно сознавать, что внѣшній міръ реально на насъ воздѣйствуетъ: только въ нихъ, въ этихъ ощущеніяхъ соприкосновеніе съ нимъ получаетъ характеръ совершенно наглядный. Въ ощущеніи препятствія, оказываемаго напряженію нашихъ членовъ, мы получаемъ в п о л н ѣ о т ч е т л и в у ю идею внѣшней силы, безъ которой внѣшняя природа не могла бы представлять того вида реальности, какой она обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ явленіяхъ, и не обладала бы тѣмъ объективнымъ значеніемъ,которое мы ей приписываемъ. Слѣдовательно, мускульныя ощущенія доставляютъ намъ понятія о в н ѣ ш н и х ъ с и л а х ъ и о р а з л и ч н ы х ъ с т е п е н я х ъ и х ъ н а п р я ж е н і я. Это есть первое и очень в а ж н о е с в о й с т в о.

Второе не менѣе важно: посредствомъ мускульныхъ ощущеній по крайней мѣрѣ въ весьма значительной степени мы получаемъ понятіе о протяженіи предметовъ и объ ихъ разстояніи между собою. Средствомъ опредѣленія этихъ качествъ вещей служатъ наши собственныя движенія. Мы протягиваемъ руку и этимъ путемъ опредѣляемъ, далеко ли отъ насъ предметъ или нѣтъ; мы проводимъ рукой по его поверхности, и этимъ опредѣляемъ его величину и фигуру. Мы переносимъ руку отъ одного предмета на другой и узнаемъ ихъ разстояніе. Вѣдь именно такъ поступаемъ мы въ темнотѣ, когда намъ нужно оріентироваться.

Чтобы всѣ подобные выводы были возможны, необходимо, чтобы различныя наши движенія вызывали различныя ощущенія въ нашей душѣ. Эти различія и получаемъ мы въ нашихъ мускульныхъ ощущеніяхъ. Каждое движеніе вызываетъ р я д ъ о щ у щ е н і й постепеннаго сокращенія или растяженія мускуловъ, а различіе этихъ рядовъ дѣлаетъ для насъ различными самыя движенія. Точно также движеніе на маломъ пространствѣ вызываетъ не то ощущеніе, что на большомъ. Приводя эти ряды въ сочетаніе, мы получаемъ самыя сложныя картины возможныхъ движеній, которыя даютъ всей окружающей насъ дѣйствительности совершенно опредѣленный обликъ.

---oOo---

Одни ли мускульныя ощущенія безо всякаго вліянія, другихъ доставляютъ намъ понятія протяженности?

На этомъ вопросѣ намъ придется сосредоточиться впослѣдствіи.

Невозможно, чтобы идея протяженности исключительно была порожденіемъ мускульнаго чувства. Здѣсь также играетъ роль сознаніе, а въ особенности зрѣніе. Но во всякомъ случаѣ роль мускульнаго ощущенія весьма значительна. Осязанія было бы недостаточно, если бы съ нимъ не соединилось ощущеніе мускульное. Точно также и зрѣніе. Теперь скажемъ только, что мускульныя ощущенія не возникаютъ одиноко, что они сопровождаются дѣятельностью другихъ чувствъ. Напримѣръ, когда проводимъ рукой по предмету, мы испытываемъ не только мускульное ощущеніе, но и ощущеніе осязанія. Но можно считать несомѣннымъ ихъ огромное значеніе въ точномъ опредѣленіи пространственныхъ отношеній. - Самый яркій примѣръ - слѣпорожденные, которые получаютъ, знаніе о пространствѣ почти исключительно путемъ мускульныхъ ощущеній. При этомъ у слѣпорожденныхъ понятіе о пространствѣ ближе къ понятію времени, чѣмъ у зрячихъ, потому что пространственныя опредѣленія у слѣпыхъ устанавливаются осязаніемъ въ рядѣ послѣдовательныхъ опытовъ Но и въ другихъ чувствахъ, напримѣръ, въ зрѣніи мускульнымъ ощущеніямъ принадлежитъ не сразу замѣтная, но весьма значительная роль. Въ зрѣніи прямое усмотрѣніе разстояній предметовъ отъ насъ и между собойсвязано съ движеніями мускуловъ. Эти мускулы приноравливаютъ зрительный органъ къ наилучшему воспріятію образовъ.

Такъ, мы иначе сдвигаемъ глаза, образуемъ иной уголъ между линіями, проходящими черезъ зрачокъ, когда наблюдаемъ предметъ близкій или далекій. Наблю-

дая движущійся предметъ, мы слѣдимъ за нимъ глазомъ, описывая имъ ту же линію. Также и формы вещей мы воспринимаемъ, обводя ихъ глазами. Вездѣ мы испытываемъ мускульное чувство, которое сливается съ зрительнымъ ощущеніемъ.

ЛЕКЦІЯ XIX-я.

Въ прошлой лекціи мы остановились на значеніи мускульнаго чувства. Теперь перейдемъ къ другому чувству, въ своихъ проявленіяхъ связанному съ мускульнымъ, но все же отличному отъ него, именно, къ чувству осязанія.

Органомъ осязанія служитъ кожа,въ которой развѣтвляются нервы. Эти нервы оканчиваются въ особыхъ возвышеніяхъ на кожѣ, воздѣйствіе на которыя вызываетъ тѣ или другія впечатлѣнія.

О с я з а н і е вызываетъ въ насъ слѣдующія группы ощущеній. 1| Ощущенія боли.2| Ощущенія теплоты и холода. 3| Ощущеніе мягкости, твердости,гладкости и шероховатости тѣлъ. 1| Ощущеніе боли является при рѣзкомъ прикосновеніи предметовъ къ кожѣ. Напримѣръ, при уколѣ. Такія ощущенія могутъ достигать большой напряженности. Эта группа ощущеній близка къ органическимъ и ее можно не относить къ осязанію. 2| Воспріятія тепла и холода зависятъ отъ нервныхъ строеній, отличныхъ отъ осязательныхъ нервовъ, такъ что возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли разсматривать ихъ, какъ особую группу,или ихъ надо отнести къ ощущеніямъ органическимъ. Значеніе этой

группы очень важно для познавательной способности: осязаніе способно различать степени тепла. Однако ощутимыми для насъ оказываются измѣненія въ температурѣ не менѣе, какъ на четыре десятыхъ градуса по Реомюру. Но наиболѣе интересными и важными являются ощущенія третьяго рода, посредствомъ которыхъ мы познаемъ внѣшнія свойства тѣлъ|шероховатость, гладкость и т.д.|въ нихъ есть одна особенность, которая сближаетъ ихъ съ наиболѣе отчетливыми и тонкими чувствами|зрѣніемъ и мускульнымъ чувствомъ|. Эта особенность есть сознаваемая нами посредствомъ осязанія множественность точекъ прикосновенія къ намъ внѣшнихъ тѣлъ, иначе говоря, раздѣльность ощущеній на различныхъ частяхъ кожи.

Посредствомъ осязанія мы не воспринимаемъ дѣйствія предметовъ, какъ нѣчто сплошное и слитное |какъ въ слухѣ или обоняніи|. Мы получаемъ не одно ощущеніе,а нѣсколько, каждое развѣтвленіе осязательныхъ нервовъ даетъ свое ощущеніе.Напримѣръ,касаясь пальцами острыхъ концовъ циркуля, мы сознаемъ ихъ, какъ различные и лежащіе въ разныхъ мѣстахъ. Эта воспріимчивость многихъ точекъ имѣетъ предѣлъ. Если точки слишкомъ близки |попадаютъ не на два различныхъ развѣтвленія|, то ихъ ощущенія сливаются въ одно. Это предѣльное разстояніе различно: 1/2 линіи для языка, на спинѣ - 20 линій. Концы пальцевъ съ внутренней стороны болѣе воспріимчивы,чѣмъ съ внѣшней и вообще въ своихъ концахъ они обладаютъ наибольшею воспріимчивостью. Воспріимчивость частей

тѣла вообще тѣмъ больше,чѣмъ они подвижнѣе:таковъ, напримѣръ, кончикъ языка. У слѣпыхъ осязаніе развивается почти до замѣны зрѣнія: осязаніемъ они познаютъ пространство и его законы. Осязаніе есть самое распространенное въ нашемъ тѣлѣ внѣшнее чувство и, повидимому, первообразное. Оно есть основа,изъ измѣненія которой возникли другія внѣшнія чувства. Психологи не однократно утверждали,что отдѣльныя чувства наши суть только формы развитія осязанія. Такое сродство и аналогія дѣйствительно есть.

Ближе другихъ чувствъ къ осязанію стоитъ в к у с ъ, также получающій впечатлѣнія при непосредственномъ соприкосновеніи съ предметомъ. Ощущеніе вкуса подраздѣляется на чисто вкусовыя,напримѣръ, сладость и вкусовыя въ соединеніи съ осязательными, напримѣръ вкусъ соли или жгучій вкусъ горчицы. Вкусовыя впечатлѣнія играютъ ничтожную роль въ познаніи внѣшняго міра. Ихъ преимущественная роль - чисто практическая, - для оцѣнки пріятнаго и непріятнаго. Оттого они весьма рѣзко характеризуютсясильнымъ оттѣнкомъ тональности: въ нихъ очень трудно выдѣлить элементъ объективнаго качества отъ элемента субъективной оцѣнки.

Теперь мы перейдемъ къ ощущеніямъ обонянія. Его о р г а н ъ составляетъ слизистая оболочка носовой полости. Въ ней развѣтвляется обонятельный нервъ, получающій впечатлѣнія, отъ которыхъ зависитъ дѣятельность ч у в с т в а о б о н я н і я Въ чемъ состоитъ воздѣйствіе внѣшняго импульса на обонятельный нервъ, на этотъ вопросъ трудно отвѣтить опредѣленно. Всего правдоподобнѣе нервное возбужденіе объясняется процессомъ о к и с л е н і я,

происходящаго на поверхности слизистой оболочки,на которую попадаютъ невѣроятно мелкія частицы различныхъ веществъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на функціяхъ обонянія. Его значеніе очень близко къ тому,что представляютъ ощущенія вкуса. Оно не очень велико для познанія внѣшнихъ вещей хотя довольно обширно въ практической жизни, въ особенности для нѣкоторыхъ породъ животныхъ.

Ощущенія обонянія представляютъ нѣсколько родовъ. Во I-хъ ощущенія собственно обонятельныя,вызываемыя исключительно дѣятельностью обонятельнаго нерва - чистые запахи, напримѣръ, запахъ розы,жасмина и т.д. Во 2-хъ, ощущенія обонятельныя и осязательныя вмѣстѣ| причемъ возбуждаются два нерва| напримѣръ острый запахъ нашатырнаго спирта.Въ 3-хъ, обонятельные, осложненныя съ органическими ощущеніями дыханія, его облегченія или затрудненія, напримѣръ, запахъ одеколона.

Выдающіяся особенности обонятельныхъ ощущеній |также отчасти общая со вкусомъ| состоитъ въ томъ, что они не имѣютъ по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ особыхъ названій или называются по предметамъ, которые вызываютъ ощущенія|. Это показываетъ ихъ незначительность въ теоретическомъ употребленіи. Напротивъ, другая особенность чувства обонянія состоитъ въ томъ, что оно связано съ памятью. Хотя самого запаха мы вспомнить не можемъ, но запахъ, который мы ощущаемъ и который мы ощущали раньше, вызываетъ въ насъ живое воспоминаніе о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали это ощущеніе. Но воспроизвести его все-таки нельзя безъ соотвѣтствующаго ему внѣшняго раздраженія.

Гораздо важнѣе для нашей умственной жизни, гораздо богаче по разнообразію ощущеній, и гораздо опредѣленнѣе и уловимѣе въ ихъ различіяхъ два другія внѣшнія чувства, представляющія собою какъ бы вершину лѣстницы нашихъ способностей, посредствомъ которыхъ мы прямо сообщаемся съ внѣшнимъ міромъ. Это - чувство слуха и зрѣнія. Остановимся сначала на первомъ.

Органомъ этого чувства служитъ у х о . Я не буду описывать строеніе этого органа, но остановлюсь на вопросѣ о томъ, въ чемъ состоитъ дѣйствіе слухового органа. Вэнъ вѣрно замѣчаетъ, что ухо

представляетъ собою только в е с ь м а н ѣ ж н ы й о р г а н ъ о с я з а н і я. |О сродствѣ всѣхъ такъ называемыхъ внѣшнихъ чувствъ съ осязаніемъ мы уже говорили|. Физіологическій процессъ слуховаго воспріятія состоитъ въ сущности в ъ с д а в л и в а н і и нитей слухового нерва посредствомъ ж и д к о с т и наполняющіе лабиринтъ. Это сдавливаніе передается мозгу, и тогда въ душѣ возникаетъ ощущеніе звука. Ухо есть замѣчательно искусно устроенный механизмъ, во всѣхъ частяхъ приспособленный къ усвоенію самыхъ тонкихъ колебаній воздуха. Эти колебанія и преобразуются въ душѣ въ безконечно- разнообразный міръ звуковъ.

Звуки являются для насъ глубоко различными по своимъ качествамъ Прежде всего они различаются по своей высотѣ. Одинъ звукъ выше, другой ниже, одинъ т о н ь ш е, другой г р у б ѣ е. Доказано, что высота звуковъ зависитъ отъ количества колебаній

звучащихъ предметовъ, совершаемыхъ въ данный срокъ. Чѣмъ колебаній болѣе, тѣмъ звукъ в ы ш е .Воспріимчивость къ различнымъ колебаніямъ въ человѣческомъ ухѣ огромна. Мы начинаемъ слышать звукъ какъ нѣчто сплошное уже въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ совершаетъ двадцать колебаній въ секунду. Это самый низкій звукъ изъ всѣхъ, какіе мы слышимъ Наивысшимъ изъ воспринимаемыхъ нами звуковъ соотвѣтствуетъ 26000 колебаній въ секунду и болѣе Растояніе между этими двумя числами 20 - 26000 показываетъ, какъ нельзя лучше, насколько воспріимчивъ нашъ слухъ. Но его воспріимчивость еще болѣе усиливается способностью усвоять осложненія звуковъ.

Самое простое ощущеніе звука есть т о н ъ. Онъ возбуждается простыми ничѣмъ не осложненными колебаніями воздуха. Но совершенно чистыхъ тоновъ мы почти не слышимъ. Большинство тоновъ мы воспринимаемъ осложненными. Основной тонъ соединяется съ слабыми верхними тонами. Поэтому то, что мы обыкновенно называемъ звукомъ, состоитъ не изъ простыхъ,а осложненныхъ тоновъ. Такимъ осложненіемъ звуковъ объясняется то, что носитъ названіе т е м б р а, напримѣръ въ человѣческомъ голосѣ. Наиболѣе чистые звуки принадлежатъ нѣкоторымъ музыкальнымъ инструментамъ, напримѣръ, органу. Но и звуки могутъ соединяться въ сложный звукъ. Въ музыкѣ мы имѣемъ такое соединеніе въ а к к о р д а х ъ.

Нужно различать с у б ъ е к т и в н у ю и о б ъ е к т и в н у ю природу звуковъ. Объективная заключается въ ихъ качественныхъ различіяхъ въ ихъ высотѣ и т.д. Субъективная въ ихъ дѣйствіи на душу |тональность|, въ ихъ впечатлѣніи на воспринимающій

субъектъ, иначе, въ ихъ п р і я т н о с т и или н е п р і я т н о с т и. Это свойство отчетливо наблюдается въ сложныхъ звукахъ. Далеко не всякій аккордъ производитъ пріятное м у з ы к а л ь н о е впечатлѣніе. Оно бываетъ таковымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда составляющіе его звуки находятся п о ч и с л у к о л е б а н і й в ъ с а м ы х ъ п р о с т ы х ъ к о л и ч е с т в е н н ы х ъ о т н о ш е н і я х ъ. |Какъ I. 2, 2 . 3, 3 : 4|. Точно также далеко не всякое сочетаніе звуковъ по времени, т.е. послѣдовательности ихъ, производитъ музыкальное дѣйствіе. Послѣдовательность, производящая такое дѣйствіе обладаетъ свойствомъ м е л о д и ч н о с т и.

Отъ качественно опредѣленныхъ звуковъ слѣдуетъ отличать ш у м ы, происходящіе отъ неперіодическихъ, безпорядочныхъ, быстро смѣняющихся движеній воздуха |напримѣръ|, шумъ вѣтра, моря, выстрѣла, бряцаніе цѣпи|.

Богатый міръ звуковъ служитъ человѣку главнымъ средствомъ для передачи чувствъ и идей. Слухъ есть по преимуществу органъ высшей жизни духа, благодаря словесной рѣчи. Важность обладанія этимъ органомъ для интеллекта сказывается въ различіи между людьми, обладающими слухомъ, и глухонѣмыми, умственный круговоръ которыхъ всегда ограниченъ. Этого недостатка не замѣчается у слѣпыхъ. Глухонѣмые, несмотря на всѣ приспособленія, изобрѣтенныя для ихъ интеллектуальнаго развитія, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи оказываются въ состояніи полуребяческомъ. У слѣпыхъ, даже слѣпорожденныхъ такихъ изъяновъ не наблюдается. Напротивъ, мы замѣчаемъ въ

нихъ особенную утонченность мысли. Не даромъ издревле слѣпцамъ приписывали особую силу поэтическаго творчества и глубокое пониманіе жизни.

Но слухъ, какъ источникъ познанія матеріальнаго міра, одностороненъ. Его отличительная черта заключается въ н е п р о т я ж е н н о с т и слуховыхъ ощущеній. Съ звуками, взятыми въ себѣ не соединяется прямой идеи о пространствѣ. Она дополняется уже послѣдующими опытами. Прямо черезъ слухъ мы не воспринимаемъ даже направленія звука;это возможно лишь послѣ долгаго опыта, устанавливающаго связь между слуховыми и осязательными ощущеніями, которыя мы испытываемъ при поворачиваніи головы.

Поэтому въ познаніи в н ѣ ш н я г о м і р а зрѣніе надо поставить выше с л у х а. Органъ зрѣнія глазъ есть подвижное двояковыпуклое зеркало приноровленное къ самымъ сложнымъ оптическимъ дѣйствіямъ. Оно можетъ мѣнять и степень своей выпуклости. Самая важная часть глаза - сѣтчатка, представляющая изъ себя развѣтвленіе зрительнаго нерва.

Физика признаетъ, что условіе зрительныхъ впечатлѣній заключается въ движеніи эоира. Эоиръ есть чрезвычайно тонкая матеріальная среда, наполняющая пространство вселенной. Въ этой средѣ происходитъ колебательное волнообразное движеніе, которое воспринимается нашимъ зрѣніемъ. Можно сказать,что посредствомъ зрительнаго нерва мы о с я з а е м ъ колебанія этой тонкой среды, недоступной другимъ чувствамъ. Подобнымъ же образомъ мы и слухомъ нашимъ о с я з а е м ъ волнообразныя движенія воздуха. Такимъ образомъ всѣ наши чувства, какъ это мы и раньше замѣтили, суть лишь различныя формы одного

основного чувства - о с я з а н і я.

Въ зрительныхъ ощущеніяхъ мы воспринимаемъ колебанія эѳира. Эти колебанія, выражаемыя въ огромныхъ цыфрахъ для каждой секунды, играя роль внѣшнихъ импульсовъ ощущеній, различаются только к о л и ч е с т в е н н о. Не то представляютъ самыя ощущенія. Они рѣзко отличаются между собою по своему к а ч е с т в у. Б ѣ л ы й цвѣтъ качественно отличается отъ ч е р н а г о. С и н і й отъ ж е л т а г о и т.д. Это нужно помнить прежде всего. Различія ощущеній не похожи на различія причинъ, ихъ вызвавшихъ. Не усвоивъ этой истины во всей ея ясности, нельзя понять основныхъ положеній о нашемъ непосредственномъ знаніи внѣшняго міра. Пока въ душѣ не явилось еще никакихъ ощущеній, во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ движенія эѳира, совершенно б е з ц в ѣ т н а г о. Одно движеніе выражается однимъ числомъ колебаній въ секунду, другое - д р у г и м ъ. Но кромѣ этого различія чисель нѣтъ никакого другого. Одинъ и тотъ же эѳиръ двигается въ обоихъ случаяхъ. Но подѣйствовавъ на нашу душу, онъ вызываетъ въ одномъ случаѣ ощущеніе краснаго, въ другомъ зеленаго. О числѣ колебаній мы ничего изъ зрѣнія не знаемъ. Но за то имѣемъ совершенно опредѣленное представленіе о двухъ качествахъ ни въ чемъ не схожихъ между собою.

Итакъ, ощущенія зрѣнія различаются качественно Мы воспринимаемъ безчисленное множество оттѣнковъ и цвѣтовъ. Но физика различаетъ семь основныхъ цвѣтовъ, изъ сочетанія которыхъ образуются остальные. Эти цвѣта суть: красный, оранжевый, желтый, зеленый синій, голубой, фіолетовый. Бѣлый, черный и

сѣрнйне самостоятельны по происхожденію, хотя оригинальны въ ощущеніи. Б ѣ л ы й можно образовать двоякимъ путемъ: или черезъ соединеніе всѣхъ цвѣтовъ, или черезъ соединеніе различныхъ паръ цвѣтовъ. Напримѣръ, оранжеваго съ синимъ, желтаго съ синимъ, краснаго съ зелено-синимъ и зелено-желтаго съ фіолетовымъ. Эти цвѣта называются дополнительными. Изъ семи цвѣтовъ спектра также не всѣ считаются самостоятельными по физіологическому происхожденію |въ нервномъ процессѣ|. Одни физіологи, напримѣръ Гельмгольцъ, признаютъ такими 3: красный, зеленый, фіолетовый. Другіе, какъ напримѣръ, Вундтъ, - 4: красный, желтый, зеленый и синій.

Я указывалъ, что къ воспріятіямъ чисто зрительнымъ въ актахъ зрѣнія присоединяются ощущенія мускульныя. Они даютъ идеи о разстояніи и о формѣ предметовъ. Мы измѣняемъ положеніе главнрго яблока и даемъ различное схожденіе и расхожденіе главамъ, смотря по разстоянію. Съ другой стороны, мы слѣдимъ за линіей формъ предмета. Мускульныя ощущенія при всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ различны. Ихъ различіе обусловливаетъ различіе нашихъ понятій о предметахъ, послѣ того какъ опытъ указалъ намъ ихъ значеніе.

Роль зрѣнія въ познаніи внѣшняго міра огромна. |9/ Ю чувственныхъ познаній пріобрѣтается путемъ зрѣнія|. Этотъ фактъ понятенъ. Зрѣніе есть самое тонкое чувство, оно отвѣчаетъ на самыя неуловимыя измѣненія внѣшней среды. Свѣтовые лучи солнца отражаются отъ всѣхъ окружающихъ насъ предметовъ,даже самыхъ отдаленныхъ. Другое свойство зрѣнія - опредѣленность его воспріятій. Увидавъ предметъ,мы сразу получаемъ о немъ представленіе весьма отчетли-

вое, во всякомъ случаѣ болѣе отчетливое, нежели услыхавъ только произведенный имъ звукъ или только ощупавъ его. Посредствомъ зрѣнія мы иногда однимъ взглядомъ усматриваемъ самыя сложныя отношенія между вещами, до которыхъ долго пришлось бы намъ добираться помощью другихъ чувствъ, даже помощью осязанія, наиболѣе совершеннаго и въ нѣкоторой степени замѣняющаго зрѣніе.

ЛЕКЦІЯ XX.

Въ прошлой лекціи я закончилъ обзоръ дѣятельности нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Какъ я уже говорилъ, съ ощущеній **начинается** жизнь нашего сознанія. Они суть тѣ первыя данныя, которыя пробуждаются въ нашей сознательной сферѣ и даютъ толчокъ къ ея дальнѣйшему развитію. Но въ то же время Джемсъ Селли правъ, когда сравниваетъ чувственныя впечатлѣнія только съ азбукой, съ помощію которой мы складываемъ предстоящіе намъ предметы: чтобы обнять или познать какой нибудь предметъ, мы должны сложить буквы этой азбуки подобно тому, какъ мы складываемъ отдѣльныя буквы, чтобы прочитать слово. Въ самомъ дѣлѣ, чистыя ощущенія въ ихъ подлинной ни съ чѣмъ не смѣшанной природѣ, доступны развѣ душѣ новорожденнаго младенца или напримѣръ, слѣпорожденнымъ, когда благодаря счастливой операціи, они впервые начинаютъ видѣть. И во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ поразительное различіе между содержаніемъ сознанія, впервые открывшагося для извѣстныхъ ощущеній и содержаніемъ зрѣлаго и развитаго сознанія.

Напримѣръ, человѣкъ, въ первый разъ получившій зрѣніе, не видитъ передъ собою никакихъ предметовъ, да не видитъ и окружающаго его пространства. Онъ видитъ только пестрый хаосъ неопредѣленныхъ пятенъ на самомъ своемъ глазу. Видимый міръ раздвигается и оформливается для него постепенно, черезъ сложный рядъ сопоставленій зрительныхъ впечатлѣній съ показаніями осязанія и мускульнаго чувства. Иногда это развитіе въ какомъ-нибудь отношеніи задерживается, и тогда получаются факты весьма интересные. Извѣстенъ, напримѣръ, случай съ заключеннымъ, который ничего не видѣлъ, кромѣ своей тюрьмы. Е е онъ видѣлъ такъ же, какъ и мы, но когда онъ взглядывалъ въ окно, ему представлялась на стѣнѣ какая то движущаяся картина, лишенная трехъ измѣреній. Понятно, что не оцѣнивая дѣйствительности, подобно тюрьмѣ, онъ не могъ усмотрѣть въ ней и всѣхъ измѣреній. Ощущенія, какъ они даны въ нашемъ наличномъ сознаніи, находятся въ широкихъ и разнообразныхъ связяхъ съ другими психическими фактами; они сливаются съ ними въ неразрывное цѣлое и совсѣмъ теряютъ свой первоначальный непосредственный обликъ. Положимъ, мы встрѣчаемъ на улицѣ человѣка, поражающаго насъ своимъ огромнымъ ростомъ. Замѣчаемъ ли мы при этомъ, что этотъ великанъ въ полѣ нашего зрѣнія занимаетъ несравненно меньше мѣста, чѣмъ напримѣръ нашъ мизинецъ, когда мы его держимъ передъ собою. Подобнымъ же образомъ, луна намъ кажется величиною въ добрую тарелку, а между тѣмъ мы закроемъ ее самымъ маленькимъ клочкомъ бумаги, если будемъ его держать близко къ глазу. И все же бумажка и мизинецъ не кажутся намъ большими, а луна и великанъ не представля-

ются маленькими. Нѣтъ никакого сомнѣнія: въ нашемъ умственномъ опытѣ к а ж у щ і я с я свойства наблюдаемаго имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ его дѣйствительныя свойства, какъ данныя ощущеній.

Ощущенія - это только матеріалъ для синтезирующей дѣятельности нашего сознанія. И эта синтезирующая дѣятельность въ свойственныхъ ей формахъ объединенія, различенія, сравненія, отожествленія съ сознаннымъ раньше, неузнаваемо мѣняетъ матеріалъ, на который она направлена. Положимъ, мы наблюдаемъ яблоко. Изъ чего слагается наше наблюденіе? Изъ самыхъ разнообразныхъ зрительныхъ ощущеній отъ его окраски, изъ мускульныхъ ощущеній отъ его формы |при движеніи глаза|, изъ осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній отъ его твердости. Если мы узнаемъ при этомъ, что это я б л о к о, а не что нибудь другое, мы тѣмъ самымъ вспоминаемъ зрительныя, вкусовыя, мускульныя, осязательныя ощущенія, которыя получили отъ него раньше. Но что же это все такое? Вѣдь это впечатлѣнія различныхъ чувствъ, дѣйствующія на р а з н ы е органы и нервы, которые какъ насъ учитъ физіологія передаютъ эти впечатлѣнія въ совсѣмъ р а з л и ч н ы е мозговые центры, иногда весьма отдаленные другъ отъ друга. Мы имѣемъ здѣсь скопленіе совсѣмъ разнородныхъ ощущеній. И тѣмъ не менѣе наше сознаніе усваиваетъ и оцѣниваетъ эти ощущенія, какъ о д и н ъ п р е д м е т ъ, какъ о д н о я б л о к о. Тамъ, гдѣ наша чувственность даетъ только разнообразіе и множественность, наше сознаніе ставитъ знакъ равенства и вну-

тренняго единства: въ отдѣльныхъ ощущеніяхъ оно усматриваетъ лишь показателей о д н о г о предмета, свойства о д н о г о носителя. Это единство предмета или носителя не дано ни въ какомъ внѣшнемъ чувствѣ - чувства доставляютъ только индивидуально обособленныя образованія т.е. отдѣльныя ощущенія, и ничего болѣе, - единство же вносится нашею мыслью. Т а к а я с л и в а ю щ а я р а з л и ч н ы я о щ у щ е н і я в ъ п р е д с т а в л е н і я о т д ѣ л ь н ы х ъ п р е д м е т о в ъ д ѣ я т е л ь н о с т ь д у ш и в ъ п с и х о л о г і и н а з ы в а е т с я в о с п р і я т і е м ъ. Нужно хорошенько усвоить себѣ значеніе этого важнаго психологическаго термина: в о с п р і я т і я никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ о щ у щ е н і е м ъ. Если уже при ощущеніи нашъ духъ не вполнѣ пассивенъ, потому что всякое ощущеніе дѣлается возможнымъ только черезъ синтезъ послѣдовательныхъ моментовъ, то тѣмъ болѣе наша активность сказывается въ воспріятіи: въ немъ наличныя ощущенія синтезируются съ содержаніемъ всего прошлаго опыта, и такъ сказать, растворяются въ немъ. Далѣе наши ощущенія по существу с у б ъ е к т и в н ы: вѣдь въ непосредственномъ ощущеніи ничего не дано, кромѣ тѣхъ или иныхъ пятенъ въ полѣ нашего зрѣнія, тѣхъ или иныхъ мускульныхъ движеній, тѣхъ или иныхъ впечатлѣній нашей кожи, языка, носа. Напротивъ, воспріятіе о б ъ е к т и в н о по самой своей сути: в о с п р і я т і е е с т ь д ѣ я т е л ь н о с т ь д у ш и, с о е д и н я ю щ а я о щ у щ е н і я, к а к ъ з н а к и в н ѣ ш н я г о п р е д м е т а, и л и о т н о с я щ а я о щ у щ е н і я к ъ

внѣшнему предмету. Только благодаря актамъ воспріятія, окружающій насъ міръ получаетъ для насъ свою внѣшность. Еслибы воспріятій въ насъ не было, мы знали бы только состоянія нашего собственнаго тѣла, не имѣя однако никакого понятія о самомъ тѣлѣ: вѣдь и представленіе о своемъ тѣлѣ, какъ нѣкоторомъ единомъ предметѣ, мы получаемъ только чрезъ синтезирующую дѣятельность воспріятія.

Всѣмъ этимъ опредѣляется психологическое значеніе вопроса о внѣшнемъ мірѣ. Наши ощущенія суть психическіе продукты, - эту истину мы можемъ считать доказанною. Въ природѣ нѣтъ свойствъ, которыя равнялись бы тому, что непосредственно ощущается нами, это также можно считать доказаннымъ. Въ природѣ нѣтъ цвѣтовъ, звуковъ, вкусовъ. Въ природѣ существуютъ только механическія состоянія, движенія физическаго или химическаго порядка, вызывающія эти ощущенія. Дѣло не мѣняется, если мы станемъ на точку зрѣнія монадологической теоріи: мы не можемъ приписать монадамъ чувственныхъ качествъ ни въ объективномъ, ни въ субъективномъ смыслѣ. Но если каждый элементъ воспринимаемаго міра|каждый звукъ, каждый цвѣтъ| есть произведеніе души, то и воспринимаемый міръ въ его цѣломъ есть также ея созданіе. Видимый нами міръ субъективенъ. Мы не соприкасаемся въ нашемъ воспріятіи съ самою внѣшнею дѣйствительностію, какъ она есть, - мы созерцаемъ только ея подобіе, созданное

д у х о м ъ. Говоря иначе, это утвержденіе означаетъ что міръ не переносится и не доходитъ съ своими свойствами въ познающее Я, что внѣшнее намъ и остается в н ѣ н а с ъ. Воспріятіе есть актъ души и элементы его также духовны, какъ и во всякомъ другомъ психическомъ актѣ.

Въ этомъ пунктѣ заключается наибольшее противорѣчіе психологіи съ обыкновеннымъ сознаніемъ. Обыкновенное сознаніе, обыкновенная человѣческая оцѣнка признаетъ, что мы видимъ, осязаемъ, слышимъ самые п р е д м е т ы, что въ нашемъ воспріятіи представляется міръ, какъ онъ есть въ себѣ. Психологія признаетъ, что міръ видимый есть только о т р а ж е н і е міра дѣйствительнаго, его копія далеко не точная. Психологія уподобляетъ сознаніе в е р к а л у. Въ зеркалѣ нѣтъ самыхъ вещей, которыя мы въ немъ видимъ, а только ихъ образы или подобія.

Необходимо возникаетъ вопросъ: всѣ ли воспринимаемыя свойства вещей идеальны или субъективны, или можно указать между ними такія, которыя принадлежатъ самымъ вещамъ? На этотъ вопросъ существуетъ двоякій отвѣтъ, смотря по тому, какой смыслъ мы дадимъ ему: если спрашивается, существуютъ ли между этими свойствами такія, которыя соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ свойствамъ, отражаютъ или и з о б р а ж а ю т ъ ихъ, то отвѣтъ, конечно, долженъ быть у т в е р д и т е л ь н ы й, если только мы не станемъ на сторону той теоріи, которая признаетъ все существующее только нашей субъективной иллюзіей и которая, если приступить къ ней съ серьезнымъ анализомъ, совершенно распадается въ логическихъ противорѣчіяхъ. Такія свойства, какъ бытіе, сила,

очевидно, принадлежатъ самимъ вещамъ. Точно также существуютъ какія то отношенія, процессы, качественныя опредѣленія, вызывающія особенности нашихъ ощущеній. Но иное дѣло, воспринимаемъ ли мы с а м ы я свойства. Поясникъ свою мысль примѣромъ: П р о с т р а н с т в о и в р е м я суть двѣ основныя формы, подъ которыми мы созерцаемъ внѣшнюю, а подъ второй и внутреннюю н а ш у природу. Благодаря пространству мы различаемъ в н ѣ ш н е е и в н у т р е н н е е. Нѣтъ ничего труднѣе,какъ представить себѣ, чтобы это пространство, которое есть для нашего наблюденія условіе внѣшней реальности | только чрезъ него мы ясно представляемъ с в о е бытіе и ч у ж о е, какъ поставленныя рядомъ|,что бы оно было чисто внутреннимъ явленіемъ, только ф о р м о й о щ у щ е н і я, какъ говорилъ Кантъ И все таки въ ученіи Канта несомнѣнно лежитъ психологическая истина. Что такое видимое или вообще ощущаемое пространство? Сумма ощущаемыхъ протяженностей? Протяженностей чего? Видимыхъ цвѣтовъ |цвѣтовыхъ фигуръ|, осязаемыхъ формъ,ощущаемыхъ мускульныхъ движеній? Но цвѣта, ощущенія осязанія или движенія суть чисто субъективныя состоянія души| ихъ нѣтъ въ природѣ| - слѣдовательно, непосредственно ощущаемая протяженность, какъ ихъ признакъ, также субъективна, какъ и они. Если предположимъ, что пространство существуетъ во внѣшнемъ мірѣ, какъ самобытная форма вещей, то во всякомъ случаѣ она не можетъ войти въ душу и сдѣлаться предметомъ ея созерцанія. Поэтому видимое пространство есть только я в л е н і е д у х а, оно не внѣ насъ, а внутри, оно не настоящее, а отраженное, н е р е-

а л ь н о е, а и д е а л ь н о е. Его отношеніе къ дѣйствительному пространству такое же, какое существуетъ между дѣйствительною комнатою и тою, которая видна въ зеркалѣ. Мы ничего не знаемъ кромѣ отраженій. П р о с т р а н с т в о и в р е м я, нами воспринимаемыя, такія же отраженія, какъ и всякое другое воспріятіе.

---oOo---

Но если душа никогда не выходитъ изъ своихъ предѣловъ, какъ возможно воспріятіе наблюдаемаго міра, какъ внѣшняго? Откуда взялся пространственный характеръ ощущеній? Почему они являются нашему самочувствію облеченными мѣстными опредѣленіями |пріуроченными къ извѣстнымъ мѣстамъ|? Это также очень трудная задача нашей науки. Первыя систематическія попытки разрѣшить ее сдѣлала англійская психологія, утверждающая [illegible]енную п р о и з в о д н о с т ь идеи пространства. Эта теорія состоитъ въ слѣдующемъ: первоначально въ душѣ нѣтъ различія между субъективнымъ и объективнымъ. Все одинаково представляется чисто внутреннимъ состояніемъ души. Протяженности какъ признака ощущеній нѣтъ совсѣмъ. На первоначальной стадіи развитія жизнь души есть цѣпь смѣняющихся внутреннихъ актовъ, - н е п р о т я ж е н н ы х ъ. Вначалѣ нѣтъ никакого Я, но нѣтъ и не Я; все слито въ безразличномъ единствѣ. Только послѣ ряда опытовъ |по преимуществу мускульнаго

чувства| изъ не произвольныхъ перерывовъ нашихъ ощущеній напримѣръ, въ движеніяхъ руки, мы убѣждаемся, что есть что то в н ѣ н а с ъ. При натаскиваніи на внѣшнія предметы мы создаемъ идею пространства. Такова теорія Брауна и его послѣдователей.

Не трудно видѣть, что теорія эта не исчерпываетъ предмета и даетъ довольно поверхностное объясненіе. Она явно предполагаетъ то, что хочетъ вывести. Объяснять перерывъ внутренней цѣпи состояній и з ъ в н ѣ ш н е й п р и ч и н ы можно только тогда, если въ сознаніи есть уже идея в н ѣ ш н о с т и т.е. пространства. Но откуда она возьмется, когда опытъ ея не даетъ, и когда съ другой стороны, съ точки зрѣнія англійской теоріи всѣ состоянія души одинаково не имѣютъ пространственнаго характера? Далѣе предполагается умозаключеніе къ внѣшнему міру; но мы не только умозаключаемъ къ пространству, а в и д и м ъ е г о или ощущаемъ. Слѣдовательно, даже и признавъ гипотезу англійскихъ ученыхъ, мы все таки должны предположить какой то чистый творческій актъ души ни изъ какого опыта не объяснимый, въ извѣстный моментъ создающій идею пространства, которой въ опытѣ раньше совсѣмъ не было. Но тогда все таки выйдетъ,что идея пространства есть нѣчто оригинальное, творчески данное въ насъ, хотя и п о с л ѣ ощущеній. Итакъ гипотеза англичанъ съ ея страннымъ признаніемъ непротяженности зрительныхъ, мускульныхъ и осязательныхъ ощущеній ни чему помочь не можетъ. Другое дѣло если мы признаемъ постепенность въ развитіи опредѣленныхъ пространственныхъ представленій.

Опытный глазъ точно опредѣляетъ количество шаговъ, отдѣляющихъ насъ отъ какого - нибудь предмета. Напротивъ, впервые получившій зрѣніе видитъ лишь пятна на собственномъ глазу н о п я т н а э т и в с е т а к и п р о т я ж е н н ы. Протяженіе слѣдовательно все таки есть. |Хотя первоначально зрѣніе, повидимому, даетъ только два измѣренія, третье является уже послѣ черезъ сопоставленіе зрительныхъ опытовъ между собою и съ показаніями другихъ чувствъ|. Самая первая идея о пространствѣ возникаетъ, повидимому, изъ общаго чувства массивности и обнимаетъ наше тѣло и множественность его отдѣльныхъ частей.

Въ виду этого, я считаю гораздо болѣе правдоподобнымъ признать первоначальное различіе душевныхъ явленій. Одни являются какъ образы чего то внѣшняго намъ, другіе суть наши собственные акты. По крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ зрительнымъ, осязательнымъ, органическимъ ощущеніямъ внутренно присущъ признакъ протяженности, у другихъ же его нѣтъ. Только черезъ это возможно развитое и сложное представленіе о пространствѣ. Пространство даетъ одинъ элементъ въ представленіи внѣшняго міра. Идея в н ѣ ш н е й с и л ы, с о п р о т и в л е н і я, даетъ другой элементъ, откуда уже образуется понятіе о матеріи. Но откуда является эта идея? Она познается только черезъ наши собственныя усилія. Чтобы сознать насильственность остановки какого нибудь нашего движенія, нужно чтобы движеніе это было н а ш и м ъ а к т о м ъ. Препятствіе предполагаетъ д ѣ я т е л ь н о с т ь которой оно помѣшало.

Недостаточно сослаться на мускульныя ощущенія. Безъ нихъ, правда не было бы идеи внѣшней силы; но это только потому, что въ мускульной дѣятельности воплощается нашъ произволъ, что она находится въ особомъ отношеніи къ нашему внутреннему существу. Будь ощущенія мускульнаго чувства пассивны, какъ ощущенія зрѣнія, они бы не дали никакой идеи внѣшнейсилы или сопротивленія, но въ нихъ воплощается наша воля. Здѣсь мы пришли къ очень важному положенію: если бы не было воли, мы бы не знали м і р а. Черезъ борьбу съ нею онъ безусловно р е а л е нъ для насъ, такъ какъ она безусловно реальна. Жизнь духа есть непрерывное взаимодѣйствіе двухъ половинъ воли, Я и не Я, картинъ внѣшняго міра и внутреннихъ дѣйствій. Въ нашемъ непосредственномъ сознаніи дана изначальная противоположность субъекта и объекта, духа и внѣшней природы, и потому она и отражается въ насъ. Одни явленія нашей души мы неизбѣжно и непосредственно разсматриваемъ, какъ ея внутреннее опредѣленіе, какъ ея акты и состоянія. Другія обнаруживаютъ совсѣмъ иной характеръ: мы видимъ въ нихъ выраженіе дѣйствительности, внѣшней душѣ. Они слагаются въ нашемъ возрѣніи въ картину внѣшняго міра и мы съ непреодолимою увѣренностью приписываемъ этой картинѣ независимость отъ нашего произвола и внутреннюю самобытность. Эта картина возникаетъ въ насъ, но мы твердо знаемъ, что она н е о т ъ н а с ъ. Другими словами м ы н ѣ ч т о в о с п р и н и м а е м ъ в ъ с е б ѣ, к а к ъ ч у ж д о е с е б ѣ, к а к ъ р е а л ь н о с т ь о т ъ н а с ъ н е з а в и с и м у ю.

Какъ создается это представленіе? Мы видѣли уже, что чувство опыта, во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ есть продуктъ духовной дѣятельности и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, потому что состоитъ изъ нашихъ ощущеній, а ощущеній внѣ духовныхъ центровъ нѣтъ. Почему же наше сознаніе непосредственно убѣждено въ реальности в и д и м а г о м і р а?

Этотъ фактъ былъ бы необъяснимъ, его слѣдовало бы признать роковою иллюзіею, еслибъ ключъ къ рѣшенію загадки не давала наша в о л я. Мы прежде всего сознаемъ себя дѣятельнымъ существомъ и сознаемъ совершенно непосредственно, тѣмъ самымъ что совершаемъ а к т ы . Какія бы ни были ихъ внѣшнія формы, съ внутренней своей стороны онѣ всѣ суть какія нибудь с т р е м л е н і я. Двигаясь, мы стремимся двигаться; размышляя, мы х о т и м ъ думать и т.д. Во всякихъ нашихъ дѣйствіяхъ мы что нибудь п о л а г а е м ъ о т ъ с е б я, слѣдовательно, основное ихъ свойство - добровольность: мы совершаемъ ихъ о т ъ с е б я. Но наши стремленія встрѣчаютъ препятствія внѣ насъ. Препятствіе есть неудовлетвореніе стремленія, остановка движенія. Если стремленіе о т ъ н а с ъ, остановка его можетъ происходить только н е о т ъ н а с ъ. Ея существенное свойство н е в о л ь н о с т ь. Сознавая стремленіе, мы сознаемъ и препятствіе, если оно есть. Это препятствіе на столько же реально для насъ, на сколько реально неудовлетворенное стремленіе. Мы глубоко сознаемъ реальность нашего внутренняго существа, слѣдовательно мы одинаково сознаемъ реальность силы, съ которой мы должны бороться.

Мы невольно воспринимаемъ, одни явленія но не другія. Мы н е в о л ь н о находимъ препятствія для нашихъ актовъ. Итакъ внѣшній міръ сознается нами, какъ система свободныхъ отъ насъ, слѣдовательно, для насъ необходимыхъ силъ, на насъ воздѣйствующихъ. Это сознаніе неистребимо. Реальность міра доказывается и раскрывается реальностью нашей воли, а въ ея существованіи практически сомнѣваться невозможно.

ЛЕКЦІЯ XXI-я.

Ощущеніе есть только самое первое начало духовной дѣятельности. Еслибъ вся духовная жизнь ограничивалась ощущеніями отдѣльныхъ чувствъ въ моментъ ихъ ощущенія, мы ничѣмъ не отличались бы отъ зеркала, въ которомъ каждый образъ исчезаетъ безслѣдно, когда удаленъ отъ него отражаемый предметъ Но въ душѣ наблюдается совсѣмъ другое явленіе. Разъ возникшій въ насъ образъ - уже не исчезаетъ, онъ хранится въ душѣ и можетъ быть возобновленъ въ отсутствіи вызвавшаго воспріятіе предмета, хотя и не съ такою яркостью, какъ прежде. Одаренные способностью сохранять воспріятія, мы представляемъ себѣ прошлое. Способность сохранять воспріятія есть п а м я т ь. Отъ памяти, какъ общей способности, надобно отличать в о с п о м и н а н і е, какъ дѣятельность, посредствомъ которой мы возстановляемъ или воспроизводимъ наши прошлыя состоянія.

Воспроизведенное состояніе или воспріятіе называется представленіемъ.

Способность памяти зависитъ во I-хъ, отъ интенсивности полученныхъ впечатлѣній| болѣе яркія впечатлѣнія запоминаются лучше, болѣе тусклыя - хуже , во 2-хъ, отъ ихъ количества |чѣмъ чаще мы получаемъ данное впечатлѣніе, тѣмъ лучше оно сохраняется въ нашей памяти| и, наконецъ, въ зависимости отъ того интереса, съ которымъ мы къ нимъ относимся.

Процессы воспоминанія подчинены извѣстнымъ опредѣленнымъ з а к о н а м ъ. Эти законы впервые указаны Аристотелемъ. Впослѣдствіи они были совсѣмъ забыты, и открыты вновь извѣстнымъ англійскимъ философомъ Юмомъ. Они показываютъ, въ какомъ порядкѣ одни представленія вызываютъ другія, т.е. какимъ образомъ - переживаемыя теперь состоянія нашей души, вызываютъ въ сознаніи состоянія, пережитыя прежде. Законы эти указываютъ связь однихъ нашихъ представленій съ другими. Они иначе называются законами ассоціаціи.

---oOo---

Самый первый и основной между ними есть законъ с м е ж н о с т и. Наиболѣе общая и простая его формула будетъ слѣдующая: в е щ и в о с п о м и н а ю т с я т а к ъ, к а к ъ м ы и х ъ в о с п р и н и м а л и, - въ томъ же самомъ порядкѣ. Слѣдовательно, между идеями воспроизводящими прошлую дѣйствительность существуетъ связь и в о с п р о и з в е д е н і е о д н о й влечетъ за собою воспроизведеніе д р у г о й. Отсюда получается болѣе распространенная и спеціальная формула закона: с м е ж н о с т и. " в и ж е н і я, о щ у щ е -

нія, мысли, состоянія чувства и акты воли, сознаваемыя нашею душою одновременно или въ тѣсномъ преемствѣ, соединяются между собою такъ, что при возобновленіи одного изъ нихъ въ сознаніи, другія стремятся возобновиться также вмѣстѣ съ нимъ. Тутъ дѣло идетъ,именно, о стремленіи, а не о непремѣнной наличности факта воспоминанія. Различныя препятствія могутъ остановить процессъ воспоминанія, но тенденція представленій, о которой мы говоримъ, тѣмъ не менѣе остается. Такое подробное перечисленіе сдѣлано въ этой формулѣ для того, чтобы показать, что законъ смежности распространяется на всѣ душевныя состоянія, а не на какія нибудь ихъ спеціальные отдѣлы. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе этого закона замѣчается въ самыхъ различныхъ душевныхъ состояніяхъ, и имъ обусловливаются чрезвычайно важные процессы душевной жизни. Прослѣдимъ его дѣйствіе въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Во первыхъ разсмотримъ движеніе нашего тѣла. Мы запоминаемъ рядъ движеній, нами сдѣланныхъ, и тѣмъ лучше, чѣмъ чаще совершали движенія. Мы запоминаемъ ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ ихъ совершали и черезъ это получаемъ возможность съ каждымъ разомъ производить ихъ все болѣе и болѣе легко. На этомъ свойствѣ основывается важное значеніе упражненія въ движеніяхъ. Путемъ упражненія нѣкоторыя дѣйствія становятся привычными, ихъ порядокъ является какъ-

бы помимо сознанія, самъ собою. Вліяніе этого выраженія закона смежности на практическую жизнь весьма обширно. Всѣ дѣйствія, даже самыя простыя, совершаются сначала съ трудомъ, неувѣренно, потомъ легче и какъ бы совсѣмъ помимо выбора. Напримѣръ,путь которымъ ребенокъ учится ходить: сначала каждый его шагъ есть результатъ напряженныхъ, не всегда удачныхъ усилій, потомъ всѣ смежные акты хожденія настолько сливаются въ одно цѣлое, что самонаблюденіе совершенно отпадаетъ. То же мы наблюдаемъ и въ различныхъ ремеслахъ или искусствахъ. Ремесленники запоминаютъ ряды иногда весьма сложныхъ движеній, необходимыхъ для ихъ дѣла. Точно также музыканты достигаютъ быстрой и безошибочной игры самыхъ длинныхъ пьесъ.

Во вторыхъ подъ вліяніемъ закона смежности могутъ соединяться ощущенія одного и того же чувства. Такъ напримѣръ, с в я з ь о щ у щ е н і й о с я з а н і я сказывается, когда мы узнаемъ предметы въ темной комнатѣ и, коснувшись ихъ вспоминаемъ ихъ тяжесть, величину и т.д. Особенно важное значеніе ассоціація этого рода имѣетъ для слѣпыхъ. Они весь міръ представляютъ въ терминахъ осязанія. Или, обратимся къ области о щ у щ е н і й с л у х а, гдѣ мы имѣемъ цѣлые ряды сложныхъ ассоціацій при запоминаніи мотивовъ, отдѣльныхъ словъ въ языкѣ мало знакомомъ, стихотвореній или цѣлыхъ рѣчей Ту же ассоціацію мы наблюдаемъ и въ ощущеніяхъ зрѣнія. Такъ мы можемъ вспоминать видѣнное нами иногда въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ и въ томъ самомъ порядкѣ, какъ наблюдали. Но о какихъ бы ассоціаціяхъ рѣчь не шла, абсолютной, фотографической

вѣрности мы не наблюдаемъ. Отдѣльныя звенья выпадаютъ, отдѣльныя воспоминанія сливаются, воспоминаемые образы гораздо тусклѣе воспринятыхъ непосредственно. Однако, живописцы, напримѣръ, запоминаютъ самыя сложныя картины природы съ тончайшими оттѣнками. Они обладаютъ сильной способностью, встрѣтивъ кого-нибудь, воспроизводить его образъ. А въ одномъ случаѣ эта способность доходила до галлюцинацій. Воспоминаемый образъ онъ прямо сажалъ предъ собой на кресло, не нуждаясь ни въ какомъ оригиналѣ. Это кончилось для него очень дурно: онъ сошелъ съ ума. Но самый фактъ возможности такого воспроизведенія весьма характеренъ. - Что касается обоняния, то я уже указывалъ вамъ, что, хотя невозможно воспроизвести въ своемъ воспоминаніи запахъ, но при воспріятіяхъ этого рода мы очень легко вспоминаемъ ту обстановку или обстоятельства, которыя сопровождали наши прошлыя воспріятія того же запаха.

Въ третьихъ, дѣйствіе закона смежности обнаруживается при ассоціированіи ощущеній различныхъ чувствъ. Движенія, осязательныя ощущенія, мускульныя связываются съ слуховыми, зрительными и другими ощущеніями. Такъ, коснувшись предмета, мы вспоминаемъ его образъ, видѣнный нами. Вообще по одному ощущенію мы способны у з н а в а т ь предметъ, т.е. вспоминать самыя разнообразныя ощущенія, имъ вызванныя. Такъ напримѣръ, почувствовавъ запахъ плода, мы вспоминаемъ его видъ и вкусъ. На ассоціаціи ощущеній различныхъ чувствъ основывается возможность воспріятія. На ней же основывается въ значительной степени с п о с о б н о с т ь р ѣ ч и: слыша названія, мы вспоминаемъ предметы. Видимъ или вообра-

жаемъ предметы и вспоминаемъ названія. Точно такие можно вспоминать удовольствія, страданія, желанія и вообще событія внутренней жизни въ связи съ различными предметами.

Разсмотрѣвъ наиболѣе рѣзкія проявленія закона смежности, мы перейдемъ теперь ко второму закону ассоціацій идей, которому, обыкновенно, приписываютъ такое же значеніе, какъ и закону с м е ж н о с т и. Это есть з а к о н ъ с х о д с т в а. Онъ обыкновенно выражается въ слѣдующей формулѣ: д ѣ й с т в і я, о щ у щ е н і я, м ы с л и, ч у в с т в а, п е р е ж и в а е м ы я н а м и в ъ н а с т о я щ і й м о м е н т ъ с т р е м я т с я о ж и в и т ь в ъ н а ш е й п а м я т и с х о д н ы я с ъ н и м и п р о ш л ы я в п е ч а т л ѣ н і я и л и с о с т о я н і я д у ш и. |Ввиъ| Примѣромъ дѣйствія этого закона въ нашей душевной жизни очень много: Одни зрительныя ощущенія вызываютъ въ нашей памяти другія, сходныя съ ними. Напримѣръ, одна вещь вызываетъ въ памяти другія потому только, что она сходна съ нею по фигурѣ, цвѣту, объему и т.д. Взглянувъ на портретъ, мы вспоминаемъ его оригиналъ. Одно лицо напоминаетъ другое на него похожее. То же самое замѣчается и въ ощущеніяхъ слуха: одна мелодія напоминаетъ другую. Звуки одного голоса вызываютъ въ насъ воспоминанія о другомъ голосѣ. Къ какимъ бы группамъ явленій духа мы ни обратились, во всѣхъ одинаково мы найдемъ подтвержденіе всеобщаго дѣйствія этого закона. Испытываемая б о л ь напоминаетъ другую, испытанную прежде, одинъ в к у с ъ напоминаетъ другой и т.д. Я не думаю, чтобъ было необходимо приводить еще при-

мѣрн дѣйствія закона с х о д с т в а на теченіе нашихъ представленій. Примѣры эти ежеминутно представляются сознанію каждаго.

Рядомъ съ закономъ сходства нѣкоторые психологи указываютъ еще з а к о н ъ к о н т р а с т а Онъ формулируется такъ: О д н о п р е д с т а в л е н і е м о ж е т ъ в ы з в а т ь д р у г о е, е м у п р о т и в о п о л о ж н о е. Думая о бѣдности, мы вспоминаемъ о богатствѣ; мысль о скупости вызываетъ представленіе о щедрости, люди замерзающіе очень часто грезятъ о тепломъ углѣ, и т.д.Впрочемъ не всѣ психологи согласны въ немъ видѣть законъ самостоятельный. Производный характеръ его во многихъ случаяхъ очевиденъ. Вѣдь всѣ вещи, представляющія между собою контрастъ, въ извѣстномъ отношеніи оказываются о д н о р о д н ы м и. Такъ, бѣдность и богатство сходны въ томъ, что они обозначаютъ имущественное положеніе; холодъ и тепло въ томъ, что они выражаютъ состоянія температури и т.д.

---oOo---

Законы ассоціаціи идей играютъ настолько большую роль въ нашей душевной жизни, что многіе психологи преимущественно англійской школы, - наиболѣе типичнымъ представителемъ которой является Бэнъ хотятъ въ нихъ видѣть единственный двигатель всѣхъ ду-

шевнихъ процессовъ, подобно тому, какъ астрономи всѣ движенія небесныхъ тѣлъ объясняютъ изъ закона тяготѣнія. Такую оцѣнку законовъ ассоціаціи нельзя не назвать сильно преувеличенною: взятые въ своей совокупности они слишкомъ неопредѣленни по своему содержанію, чтобы въ нихъ видѣть дѣйствительно плодотворний принципъ для объясненія всѣхъ процессовъ души. Только одинъ изъ нихъ - законъ смежности-имѣетъ вполнѣ опредѣленний и точний смыслъ, но за то область его приложенія оказивается явно ограниченною: онъ объясняетъ только факти памяти, запоминанія и воспоминанія. Законы сходства и контраста обладаютъ гораздо болѣе широкимъ содержаніемъ,но за то и гораздо менѣе опредѣленнымъ. Вѣдь всѣ идеи нашего сознанія въ какомъ-нибудь отношеніи имѣютъ сходство, въ какомъ нибудь отношеніи представляютъ контрастъ. Итакъ, утвержденіе господства законовъ ассоціаціи надъ всѣми процессами нашего духа не сведется ли къ простому признанію того, что всякая идея, при удобнихъ для того обстоятельствахъ |которая однако въ содержаніи самихъ законовъ нисколько не предопредѣляются|, можетъ сочетаться со всякою другою идеею? Очевидно, сказать это, значитъ, сказать слишкомъ мало.

Ассоціаціи идей въ насъ обикновенно раздѣляются на два типа: во I-хъ, ассоціаціи механическія, которыя вспливаютъ въ насъ невольно и безотчетно |напр., увидѣвъ,крыльцо хорошо знакомаго дома, я совершенно невольно припоминаю внутреннія комнаты дома. Услыхавъ первый стихъ какого-нибудь стихотворенія, я припоминаю дальнѣйшіе стихи|. Во 2-хъ, такія сочетанія между представленіями, которыя вызы-

ваются избирающею дѣятельностью нашего ума, воображенія, воли. |Геометръ, напримѣръ, составляетъ рисунокъ, рѣшающій задачу, художникъ создаетъ въ своей фантазіи сцену, никогда не имѣвшую мѣста въ дѣйствительности; попавшій въ опасность человѣкъ составляетъ планъ объ ея устраненіи и т.д.|. Собственно говоря только ассоціаціи перваго типа и то, какъ сейчасъ увидимъ не всѣ получаютъ въ общепринятыхъ законахъ ассоціаціи дѣйствительное и содержательное объясненіе: настоящая область ихъ примѣненія суть механическія или автоматическія ассоціаціи по смежности и сразу уловимому сходству. |Я вижу, напримѣръ, знакомую комнату и безотчетно вспоминаю происшедшее въ ней важное для меня событіе. Я вижу портретъ и совершенно безотчетно вспоминаю изображенный на немъ оригиналъ|. Если воля и оказываетъ на нихъ вліяніе, то только въ смыслѣ перваго толчка къ ихъ развитію и внутренней охраны для ихъ безпрепятственнаго теченія. Огромное значеніе законовъ смежности и сходства| въ его простѣйшихъ проявленіяхъ| состоитъ въ томъ, что благодаря ихъ дѣйствію въ нашей душѣ образуется великое множество прочно связанныхъ, неразрывныхъ, такъ сказать, н е п о д в и ж н ы х ъ ассоціацій между отдѣльными представленіями и состояніями. Общепринятые законы ассоціаціи - великая к о н с е р в а т и в н а я сила въ нашемъ духѣ. Но этимъ, собственно говоря, и ограничивается ихъ психологическая роль.

Психологи мало обращаютъ вниманія на тотъ огромной важности фактъ, что стремленіе къ п р е о б р а з о в а н і ю сочетаній между идеями, къ ихъ по-

стоянному п е р е р а с п р е д ѣ л е н і ю, есть никакъ не менѣе коренная черта нашего душевнаго существованія на в с ѣ х ъ его ступеняхъ: р я д о м ъ с ъ с и л о ю п р о ч н а г о и у с т о й ч и в а г о с ц ѣ п л е н і я |которая выражается въ дѣйствіи закона смежности и простѣйшихъ дѣйствіяхъ закона сходства| в ъ с о ч е т а н і и н а ш и х ъ и д е й п о с т о я н н о с к а з ы в а е т с я с и л а п е р е р а с п р е д ѣ л е н і я, и трудно рѣшить, какая изъ этихъ тенденцій нашей души обладаетъ болѣе первоначальнымъ характеромъ. Можно утверждать больше: правильное и безпрепятственное воспроизведеніе представленій по закону смежности, повидимому,предполагаетъ направляющее вліяніе воли, заинтересованной въ такомъ воспроизведеніи; напротивъ, когда это вліяніе ослабѣваетъ, нарушающее дѣйствіе тенденціи къ перераспредѣленіямъ обнаруживается очень быстро.

Поясню мою мысль нѣкоторыми примѣрами. Положимъ, намъ очень важно вспомнить во всѣхъ подробностяхъ какое-нибудь событіе нашей прошлой жизни.Подъ вліяніемъ усилій припоминанія, передъ нами постепенно развертывается вереница пережитыхъ событій именно въ томъ порядкѣ, какъ они произошли, воспроизводящая то что случилось съ нами, иногда съ замѣчательною точностью. Среди воскресшихъ подробностей выдѣляется, наконецъ, и то обстоятельство, которое было для насъ важно и которое мы старались оживить въ своемъ сознаніи. Такимъ образомъ интересъ нашей воли удовлетворенъ; возможно однако, что и послѣ того, какъ наши поиски въ воспоминаніяхъ увѣнчались успѣхомъ, возникшая передъ нами картина прошлаго продолжаетъ занимать насъ сама по себѣ, помимо вся-

кихъ постороннихъ соображеній. Внутреннее напряженіе насъ утомило, мы уже ничего опредѣленнаго не ищемъ, мы просто пассивно отдаемся созерцанію, казалось, давно забытыхъ, теперь опять ярко вспыхнувшихъ образовъ. Всякій, кто внимательно наблюдалъ за собою, согласится, что въ такихъ случаяхъ въ характерѣ нашихъ представленій обыкновенно происходитъ существенная перемѣна: ихъ выдержанность и строгая вѣрность пережитымъ событіямъ начинаютъ колебаться,- незамѣтно для себя мы сглаживаемъ и расцвѣчиваемъ предстоящую нашему сознанію картину и дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе она отъ времени успѣла поблекнуть въ отдѣльныхъ частяхъ.Въ среду занимающихъ насъ образовъ мы начинаемъ вставлять выпавшія звенья, на мѣсто забытаго мы придумываемъ то,что могло произойти при данныхъ обстоятельствахъ и что возвращаетъ для насъ внутреннее единство разрозненныхъ элементовъ картины. Рядомъ съ этимъ процессомъ подновленія въ насъ подымается и другая работа: неуловимо для себя мы переходимъ къ соображеніямъ о томъ, что обстоятельства могли сложиться иначе, и внутренно измѣряемъ возможныя послѣдствія такихъ перемѣнъ; въ своемъ воображеніи мы вновь разыгрываемъ давно пережитыя сцены, но исправленныя и дополненныя соотвѣтственно нашему теперешнему настроенію. Коротко говоря: отъ в о с п о м и н а н і й о прошломъ мы переходимъ къ м е ч т а м ъ о прошломъ. Этотъ элементъ мечты чрезвычайно важенъ для нашей внутренней оцѣнки пережитыхъ событій: именно изъ него объясняется столь свойственная людямъ и д е а л и з а ц і я ихъ прежней жизни, а иногда и завѣдомо извращенное представленіе о ней. Безусловная

правдивость въ передачѣ пережитаго есть даръ чрезвычайно рѣдкій.

Но допустимъ, что во время этихъ нашихъ мечтаній о прошломъ мы находимся въ состояніи физической и умственной усталости; пассивная, ничѣмъ не нарушаемая погруженность въ воспоминанія насъ убаюкиваетъ, - нами овладѣваетъ дремота, причемъ однако наше слабѣющее сознаніе по-прежнему остается направленнымъ на занявшіе его предметы. Тогда мечты о прошломъ смѣняются г р е з а м и о немъ, - я разумѣю тотъ особенный разрядъ грезъ, который предшествуетъ наступленію полнаго сна. Окружающая насъ обстановка исчезаетъ для насъ; предъ нами оживаютъ давно знакомыя лица и мѣста. Всплывшія въ нашемъ сознаніи фигуры не стоятъ неподвижно, - онѣ совершаютъ разнообразныя дѣйствія, онѣ ведутъ между собою оживленныя разговоры. И мы не остаемся равнодушными зрителями того, что совершается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ; мы принимаемъ участіе въ разыгрываемыхъ дѣйствіяхъ, мы вступаемъ въ долгія бесѣды съ воскресшими предъ нами лицами. Что же? Эти сцены, которыя проносятся передъ нашимъ внутреннимъ сознаніемъ, представляютъ ли изъ себя лишь простую копію прежнихъ событій? Едва ли это бываетъ часто. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ каждаго его собственный опытъ, грезы о прошломъ еще дальше отстоятъ отъ пережитой дѣйствительности, чѣмъ простыя мечты о немъ. Въ нашихъ безотчетныхъ грезахъ мы обыкновенно имѣемъ несравненно болѣе смѣлыя и безцеремонныя варіаціи на пережитыя темы, нежели въ сознательной игрѣ нашей фантазіи. Матеріалъ возникающихъ въ нашемъ сознаніи ком-

бинацій, конечно, данъ въ прошломъ опытѣ, но въ протекающихъ передъ нами картинахъ онъ оказывается неузнаваемо-видоизмѣненнымъ и искаженнымъ.И эта черта и с к а ж е н і я выражается въ нихъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе наше дремотное состояніе приближается къ сну и чѣмъ болѣе наши полусонныя грезы пріобрѣтаютъ характеръ настоящихъ с н о в и д ѣ н і й.

Странное дѣло. Защитники ассоціативной психологіи обыкновенно не замѣчаютъ, что еслибъ законы смежности и сходства были единственными двигателями внутреннихъ процессовъ нашего сознанія, то содержаніе нашихъ сновидѣній являлось бы совсѣмъ другимъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Вѣдь направляющее вліяніе нашей сознательной воли,по общему признанію психологовъ, въ ходѣ нашихъ сновидѣній опускается до *minimum*а, а въ большинствѣ случаевъ и вполнѣ отсутствуетъ; итакъ, слѣдовало бы ожидать, что именно въ содержаніи нашего соннаго сознанія мы должны имѣть самый рѣшительный примѣръ безпримѣснаго, ничѣмъ не смущаемаго дѣйствія законовъ ассоціаціи. Сонныя представленія должны были бы протекать въ насъ въ томъ порядкѣ, который выражаетъ прочныя органическія связи между отвѣчающими этимъ представленіямъ состояніями мозга, - связи, установленныя или одновременнымъ возникновеніемъ| законъ смежности|, или однородностью| законъ сходства|этихъ состояній. Другими словами, наше уснувшее сознаніе должно было бы являть собою многочисленныя нити воспоминаній, разнообразно оборванныя въ отдѣльныхъ пунктахъ другими сходными нитями, т.е. оно представляло бы изъ себя безпорядочный и прерывистый хаосъ воспоминаній и ничего больше. И вотъ, нашъ

внутренній опытъ совершенно не оправдываетъ этого неизбѣжнаго апріорнаго вывода: въ нашихъ снахъ мы переживаемъ постоянно **новыя** и по своему составу весьма **шаткія** комбинаціи идей, которыя очень рѣдко повторяются въ одномъ и томъ же видѣ и которыя почти никогда не воспроизводятъ прошлыхъ событій въ ихъ дѣйствительной послѣдовательности. Повтореніе одного и того же сна нѣсколько разъ подъ рядъ есть явленіе настолько исключительное, что оно обыкновенно обращаетъ на себя особое вниманіе людей, его испытавшихъ. Что касается до буквальнаго воспроизведенія во снѣ реальныхъ событій прошлаго, то огромное большинство лицъ,хорошо помнящихъ свои сновидѣнія, рѣшительно заявляютъ, что они никогда не переживали ничего подобнаго. И даже тѣ изъ нихъ, которыя очень часто ночью гревятъ о томъ, что они дѣлали и видѣли за день, обыкновенно утверждаютъ, что событія дня представляются имъ во снѣ въ очень искаженной и фантастической формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе знакомые намъ предметы во снѣ мѣняются; едва ли, напримѣръ, даже свою собственную комнату мы когда-нибудь видимъ во снѣ совсѣмъ такою, какова она въ дѣйствительности. Это замѣчаніе еще болѣе относится къ сложнымъ представленіямъ о городѣ, въ которомъ мы живемъ, объ улицахъ, по которымъ часто проходимъ, объ извѣстныхъ намъ домахъ. Всякій знаетъ, какъ наши сновидѣнія богаты топографическими несообразностями. И напротивъ, очень часто мы видимъ во снѣ цѣлыя мѣстности, города и дома,которые намъ кажутся вполнѣ знакомыми, хотя въ дѣйствительномъ опытѣ мы ихъ никогда не набюдали.

Точно также и люди, о которыхъ мы гревимъ,хо-

тя бы мы ихъ очень хорошо знали, въ сновидѣніяхъ представляютъ изъ себя далеко не то,чѣмъ они являются въ реальной жизни. Образы живыхъ существъ,возникающіе во снѣ, вообще отличаются внутреннею цѣльностью и рѣзкостью своихъ обнаруженій. Это свойство можно назвать т и п и ч н о с т ь ю сонныхъ грезъ. Жизнь во снѣ упрощается: мы сами дѣлаемся наивнѣе, впечатлительнѣе и гораздо откровеннѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, - та же перемѣна происходитъ и съ воображаемыми поступками другихъ людей, съ которыми мы сталкиваемся въ нашихъ сновидѣніяхъ. Характеръ знакомыхъ намъ лицъ остается за ними и въ нашихъ сонныхъ грезахъ, но онъ выражается прямѣе и пластичнѣе. Съ этимъ тѣсно связана о д н о с т о р о н н о с т ь созданій грезящей души: присущая человѣческимъ характерамъ сложность влеченій и свойствъ въ нашихъ снахъ исчезаетъ, - какая-нибудь одна черта извѣстнойнамъ личности, иногда въ бодрственной жизни почти незамѣтная, подавляетъ всѣ другія. Отъ этого происходитъ, что нерѣдко человѣкъ, хорошо извѣстный намъ за добраго, во снѣ можетъ представиться злымъ и отталкивающимъ. Это не значитъ, что наша безотчетная фантазія приписала образу знакомаго намъ лица совсѣмъ не существующіе признаки, но то, что въ этомъ лицѣ есть дѣйствительно несимпатичнаго,благодаря ея воздѣйствію, выросло до огромныхъ размѣровъ и поглотило всѣ другія его качества. Подобная же односторонность и, такъ сказать, прямолинейность изображенія наблюдается и въ нашихъ грезахъ о людяхъ и существахъ, которыхъ мы никогда не видѣли въ дѣйствительности. Изъ односторонности нашихъ сонныхъ

представленій вытекаетъ отмѣчающій ихъ колоритъ преувеличенія и каррикатурности: въ нашихъ сновидѣніяхъ все утрировано, какъ въ плохой мелодрамѣ.

Это не значитъ, что я совсѣмъ отрицаю вліяніе законовъ смежности и сходства на наши сновидѣнія. Напротивъ, вліяніе это несомнѣнно, и въ возникновеніи, и въ содержаніи нашихъ сонныхъ грезъ. Напримѣръ, когда мы, встрѣтивъ днемъ какого-нибудь знакомаго, потомъ ночью грезимъ о другомъ лицѣ,вмѣстѣ съ которымъ мы этого знакомаго прежде часто встрѣчали, то въ происхожденіи такого сна безспорно сказалось дѣйствіе смежности. Когда мы видимъ во снѣ событія, пережитія днемъ, мы имѣемъ примѣръ вліянія сходства. Дѣйствіе закона смежности выражается въ тѣхъ элементахъ сновидѣній, которые вѣрно передаютъ реальныя впечатлѣнія бодрственнаго сознанія;наоборотъ, во вліяніи закона сходства, кажется,слѣдуетъ положить главный источникъ безсвязности и хаотическойбезпорядочности нашихъ сновидѣній: возникшія въ сонномъ сознаніи представленія, сплошь и рядомъ, уступаютъ свое мѣсто другимъ, имѣющимъ съ ними какое-нибудь сходство, а рѣзкое ослабленіе памяти не позволяетъ намъ замѣтить несообразности такихъ замѣнъ. Такъ я припоминаю, что однажды видѣлъ себя во снѣ куда-то ѣдущимъ: сначала я ѣхалъ въ пролеткѣ, потомъ немедленно за этимъ я ѣхалъ въ саняхъ,и еще черезъ мгновеніе былъ уже въ лодкѣ на какой-то рѣкѣ,и эта быстрая смѣна способовъ передвиженія меня нисколько не удивила. Однако совершенно очевидно, что наши сонныя грезы все же нельзя разсматривать какъ только продуктъ законовъ смежности и сходства.Изъ смежности можно объяснить то, что въ нашихъ снахъ есть вѣрнаго дѣйствительности, но невозможно вывести свой-

ственнаго имъ и с к а ж е н і я дѣйствительности; изъ дѣйствія закона сходства вытекаетъ безпорядочность сновидѣній, но онъ рѣшительно безсиленъ обосновать тѣ безчисленныя новыя комбинаціи образовъ, событій и выслушиваемыхъ нами рѣчей, - иногда очень сложныя и при этомъ внутренно цѣлостныя, которыя составляютъ самую коренную принадлежность нашего грезящаго сознанія.

Замѣчанія, сдѣланныя нами о сновидѣніяхъ,можно распространить и на другіе виды безотчетнаго сочетанія между идеями, - въ явленіяхъ болѣзненнаго бреда, иллюзій, галлюцинацій и т.д. Напримѣръ,въ области галлюцинацій вполнѣ точное, фотографическое воспроизведеніе прежнихъ впечатлѣній есть фактъ весьма рѣдкій; напротивъ, даже образы предметовъ и лицъ, намъ хорошо знакомыхъ, облекаясь въ галлюцинаторную форму, обыкновенно получаютъ явно фантастическій колоритъ, и этотъ элементъ фантастичности оказывается совсѣмъ господствующимъ, когда страдающему галлюцинаціями представляются вещи и существа, имъ никогда невиданныя |напримѣръ, маленькіе черти, съ ихъ дразнящими и пугающими движеніями, въ бреду русскихъ пьяницъ|.

Еще менѣе возможно обосновать изъ прямого дѣйствія законовъ смежности и сходства безсознательные процессы ума и фантазіи, составляющіе столь важный моментъ во всякой умственной и художественной дѣятельности. Ихъ огромное участіе въ первыхъ художественныхъ замыслахъ и въ научныхъ открытіяхъ давно было отмѣчено психологами. Не менѣе значительно вліяніе безсознательныхъ сочетаній между идеями въ

актахъ выполненія однажды поставленной умственной или художественной задачи: ораторское искусство и способность поэтической импровизаціи представляютъ самые яркіе примѣры умственныхъ дѣйствій, возникающихъ мгновенно и безотчетно, и въ то же время тонко и всесторонне приспособленныхъ къ своимъ цѣлямъ. Наконецъ, въ психологическихъ изслѣдованіяхъ все большій интересъ пріобрѣтаютъ мыслительные процессы, безсознательные во всѣхъ своихъ звеньяхъ, выражающіе вполнѣ автоматическую работу души. Сфера проявленій этихъ процессовъ оказывается очень разнообразною, и, быть можетъ, именно въ нихъ лежитъ ключъ къ пониманію самыхъ загадочныхъ явленій психической жизни.

Предшествующія соображенія уполномочиваютъ насъ на слѣдующій выводъ: общепринятые законы ассоціаціи идей далеко не все объясняютъ въ нашей умственной жизни. Въ душѣ несомнѣнно дано стремленіе къ образованію прочныхъ сочетаній между пережитыми ею состояніями; но существуетъ въ ней и противоположное стремленіе, равносильное первому, - къ нарушенію раньше установившихся связей, къ п е р е р а с п р е д ѣ л е н і ю представленій. Рядомъ съ ассоціаціями устойчивыми и неподвижными, въ ней постоянно совершаются ассоціаціи п о д в и ж н ы я. Если, съ одной стороны, нашъ духъ можно сравнить съ зеркаломъ или съ фотографическимъ аппаратомъ, то, съ другой - его приходится уподобить калейдоскопу. Однако и это сравненіе, какъ всякое сравненіе, недостаточно: постоянно происходящая въ насъ перестановка идей не есть плодъ механической, извнѣ навѣянной случайности; для нея трудно услѣдить опредѣленный

законъ, но довольно легко уловить ея направляющій принципъ. Этотъ принципъ можно охарактеризовать какъ т е л е о л о г и ч е с к і й. Во всѣхъ даже самыхъ смутныхъ проявленіяхъ перераспредѣляющаго творчества души сказывается руководящая этимъ творчествомъ и д е я. Безотчетный замыселъ воплощается въ автоматической дѣятельности ума и фантазіи; грубо и уродливо,но все же какой-нибудь безсознательный замыселъ отражается и въ содержаніи нашихъ сновидѣній, и въ бредѣ больного, и въ капризныхъ галлюцинаціяхъ помѣшаннаго. Такъ, въ сновидѣніяхъ|особенно связныхъ| постоянно наблюдается нѣкоторое единство ихъ общаго тона, несмотря на разнообразіе ихъ частностей. Сны бываютъ веселые и печальные, тихіе и безпокойные. Извѣстное общее чувство налагаетъ свой колоритъ на все содержаніе нашихъ грезъ и заставляетъ ихъ быть выраженіемъ единаго нашего настроенія,еди ной внутренной оцѣнки воображаемыхъ событій. Болѣзненныя сновидѣнія представляютъ лучшее тому доказательство: самыя безразличныя вещи принимаютъ въ нихъ особую лихорадочную окраску и облекаются странными, устрашающими подробностями; въ томъ же тонѣ видоизмѣняются и внѣшнія впечатлѣнія, которыя успѣваютъ дойти до сознанія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что въ нашихъ сновидѣніяхъ все цѣлесообразно по отношенію къ направляющему ихъ чувству и непосредственной оцѣнкѣ. Точно такъ же и всякая другая автоматическая дѣятельность перераспредѣленія диктуется скрытыми идеями нашей души, которыя въ свою очередь соотвѣтствуютъ нашимъ интимнѣйшимъ побужденіямъ въ данную минуту.

---oOo---

К О Н Е Ц Ъ.